Рене Генон

КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО МИРА

Annotation

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся проблемами Религии, Духовности, Концом Света, кризисными явлениями современной цивилизации, истоками вырождения человечества, происхождением материалистических и демократических иллюзий, проблемами соотношения Духовного и социального, космическими циклами, эзотеризмом, восстановлением тотальной Традиции и т. д.

- Рене Генон
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава 1. ТЕМНЫЙ ВЕК
  - Глава 2. ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА
  - Глава 3. ЗНАНИЕ И ДЕЙСТВИЕ
  - Глава 4. НАУКА САКРАЛЬНАЯ И НАУКА ПРОФАНИЧЕСКАЯ
  - Глава 5. ИНДИВИДУАЛИЗМ
  - Глава 6. СОЦИАЛЬНЫЙ ХАОС
  - Глава 7. МАТЕРИАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
  - Глава 8. ЭКСПАНСИЯ ЗАПАДА
  - Глава 9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ
  - А. Дугин. Пророк Золотого Века
    - Миссия Генона
    - Простая жизнь
    - Традиция против современного мира
    - Традиция против нео-спиритуализма
    - Традиция против контр-инициации
    - Традиция и политика
    - Традиция и эзотеризм
    - Традиция и Россия
    - Традиция и Конец Света
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33

Рене Генон

Кризис современного мира

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько лет назад, завершив работу над книгой "Восток и Запад", мы полагали, что высказали в ней все необходимые в тех обстоятельствах соображения, касающиеся данной проблемы. Однако с тех пор события разворачиваются столь стремительно, что, если это нисколько и не опровергает высказанные в этой книге идеи, то делает чрезвычайно актуальными некоторые дополнительные разъяснения, а также дальнейшее развитие определенных тем, на которых ранее мы специально не останавливались. Эти разъяснения тем более актуальны, что в последнее время мы замечаем, что некоторые характерные заблуждения, которые мы всегда старались вскрыть, становятся все более устойчивыми и агрессивными. Поэтому, не желая вступать ни в какую полемику, мы, тем не менее, пользуемся случаем, чтобы еще раз изложить определенные идеи в адекватной пропорции и должной перспективе. Есть вещи, подчас самые элементарные, которые, однако, настолько трудно усвоить подавляющему большинству наших современников, что к их обьяснению приходится возвращаться снова и снова, рассматривая их всякий раз с различных точек зрения и освещая — насколько это позволяют обстоятельства — моменты, способные предположительно вызвать наибольшие трудности для понимания.

Во избежание возможных недоразумений следует также сделать несколько предварительных замечаний относительно названия данного труда, необходимых для ясного понимания его смысла. Многие люди сегодня уже более не сомневаются в существовании мирового кризиса (если понимать слово «кризис» в самом обычном смысле). Этот факт свидетельствует о весьма заметных изменениях, произошедших в общественном сознании: под влиянием некоторых обстоятельств определенные иллюзии действительно начинают исчезать. Нас, со своей стороны, не может не радовать такое положение дел, так как само признание существования кризиса уже является весьма благоприятным признаком — последним проблеском света в пучине современного хаоса — и свидетельствует о возможности восстановления нормальных пропорций в современном сознании. В связи с этим вера в бесконечный «прогресс», считавшаяся вплоть до последнего времени неприкосновенной и непререкаемой догмой, перестает быть абсолютной и всеобщей. Находится все больше людей, осознающих (хотя подчас и весьма туманно),

что западная цивилизация не может бесконечно развиваться в одном и том же направлении, и что в какой-то момент она достигнет определенной точки, в которой развитие прекратится, а сама эта цивилизация возможно полностью исчезнет в результате страшного катаклизма. Вероятно, не все ясно представляют себе, откуда исходит главная опасность. Фантастические или ребяческие страхи, часто высказываемые по этому поводу, в достаточной мере свидетельствуют о наличии здесь множества заблуждений и предрассудков. Однако в любом случае налицо ощущение какой-то опасности, даже если она воспринимается не столько умом, сколько с помощью чувств. Уже достаточно того, что многие начинают понимать, что цивилизация, которой так гордятся современные люди, отнюдь не занимает привилегированного положения в мировой истории, и что ее может ожидать та же участь, которая ранее постигла множество других цивилизаций, исчезнувших в более или менее отдаленные эпохи и подчас оставивших после себя лишь едва различимые или почти совершенно нераспознаваемые следы.

Когда утверждают, что современный мир находится в состоянии кризиса, под этим обычно имеют в виду, что он достиг критической стадии своего развития, и что неизбежна его тотальная трансформация. Такая трансформация, в свою очередь, предполагает радикальное изменение всего хода его развития, должное с необходимостью рано или поздно произойти, хотя и неизвестно, случиться ли это по воле людей или помимо нее, внезапно или более или менее постепенно, в результате катастрофы или без нее. Такое понимание кризиса совершенно правомочно и отчасти соответствует тому, что мы и сами здесь имеем в виду; однако, именно отчасти, так как мы придерживаемся более общей точки зрения, согласно которой вся современная эпоха в целом, весь современный мир как таковой, находятся в состоянии глубокого кризиса. Именно поэтому мы озаглавили книгу "Кризис современного мира". В настоящее время очевидно, что кризис приближается к своей развязке, и это предельно усугубляет ненормальность того положения дел, которое существует уже в течении нескольких столетий, но последствия которого никогда еще не были столь чудовищны и откровенны, как сегодня. По этой причине ускоряется и последовательность разворачивающихся событий, и очевидно, что все это может продлиться еще какое-то время, но все же отнюдь не до бесконечности. И даже если не знать точного временного предела, трудно отделаться от ощущения, что все это будет продолжаться не так уж и долго.

Однако слово «кризис» содержит в себе ряд других смыслов,

обусловивших то, что оно более всего соответствует теме нашего исследования. Действительно, этимология этого слова — которую часто не учитывают при обычном его употреблении, но которую следует обязательно иметь в виду, чтобы возвратить слову его изначальное и наиболее глубокое значение, — делает его синонимом таких понятий как «суд», «решение», "установление различий", «различение». Фаза, которую обычно считают «критической» в самом широком смысле, непосредственно предваряет завершение всего процесса, независимо от того, приведет ли это к негативным или к позитивным последствиям. Поэтому в данной фазе происходит подготовка к вынесению окончательного «решения», взвешивание всех «за» и «против», определение того, какие результаты являются позитивными, а какие негативными, и наконец, окончательное выяснение того, в какую же сторону в итоге склонятся весы. Конечно, мы не претендуем на то, чтобы дать здесь полное описание и оценку результатов актуального кризиса. Это было бы тем более преждевременным, что кризис еще не закончился, и пока трудно сказать, когда и каким образом этот конец наступит. Во всех случаях предпочтительнее удерживаться от прогнозов, основания для которых не достаточно понятны для большинства, и которые по этой причине, скорее всего, будут неадекватно истолкованы и лишь усугубят хаос вместо того, чтобы привнести в него элементы порядка. Мы пытаемся лишь, в той мере, в какой это в нашей власти, продемонстрировать всем тем, кто еще способен что-то понять, неотвратимость некоторых последствий этого кризиса, в отношении которых уже не может быть никаких сомнений. Таким образом, мы косвенно и частично подготавливаем почву для тех, кому суждено сыграть определенную роль в грядущем «суде», в грядущем «разрешении» кризиса, после чего в истории человечества наступит новая эра.

Некоторые используемые нами выше выражения несомненно вызовут ассоциации с тем, что называют "Страшным Судом" или "Судным Днем". Это совершенно правомерно в обоих случаях — будем ли мы рассматривать идею "Страшного Суда" символически или буквально, так как эти два подхода отнюдь не исключают друг друга (подробнее остановиться на этом мы, к сожалению, в данный момент не можем). Как бы то ни было, упомянутые ранее "взвешивание всех «за» и «против» и "разделение результатов на «позитивные» и «негативные» напоминает нам разделение «избранных» и «проклятых» на две группы, которым отныне суждено неизменно оставаться таковыми и впредь. Хотя здесь речь идет только об аналогии, следует признать, что она в данном случае полностью

обоснована, оперативна и соответствует внутренней природе вещей. Однако здесь необходимо сделать некоторые дополнительные разъяснения.

Тот факт, что столь значительное число людей сегодня одержимо идеей "конца света", является далеко не случайным. В определенном смысле это весьма печальное обстоятельство, так как все экстравагантные формы, в которых проявляется эта неадекватно понятая идея, все, возникающие в различных кругах вульгарные мессианские движения, — словом, все столь типичные для нашей эпохи проявления неуравновешенности и дисгармонии лишь еще больше усугубляют всеобщий хаос. Но как бы то ни было, факт остается фактом, и одержимость "концом света" сегодня налицо. Без сомнения, проще всего было бы, не вдаваясь в подробности, отбросить подобные концепции как бесмысленные и несостоятельные фантазии. Но мы, со своей стороны, считаем, что гораздо полезнее, вскрыв эти заблуждения, показать их причины и, несмотря на все искажения и извращения, выявить содержащиеся в них зерна истины. (Заблуждение есть чисто отрицательная категория, и поэтому оно всегда относительно. Абсолютного заблуждения не может существовать, и само это понятие совершенно бессмысленно). Если посмотреть на вещи именно таким образом, станет очевидным, что озабоченность "концом света" тесно связана с состоянием всеобщего беспокойства, в котором пребывают современные люди. Смутное предчувствие действительно близкого конца спонтанно действует на воображение некоторых людей, естественным образом порождая дикие и грубо материальные образы, выражающиеся затем в упомянутых экстравагантных мессианских движениях. Однако такое объяснение не оправдывает, сами эти движения. По крайней мере, если и можно простить невольно впадающих в заблуждение людей, предрасположенных к этому всей окружающей атмосферой и не несущих за это ответственности, то для оправдания самого заблуждения как такового не может существовать вообще никаких оснований или причин. Поэтому нас никак нельзя обвинить в потворстве «псевдо-религиозным» проявлениям современного мира, равно как и в потворстве заблуждениям в целом. Насколько нам известно, чаще всего нас наоборот укоряют в недостатке терпимости, и то, что мы высказали чуть выше, быть может, убедит наших критиков в том, что единственная точка зрения, на которой мы настаиваем, и которой мы всегда стремимся придерживаться, — это точка зрения беспристрастной и объективной истины.

Однако все эти соображения не исчерпывают вопроса в целом: сколь бы адекватным (в определенных пределах) ни было бы чисто

психологическое объяснение одержимости идеей "конца света", оно никогда не может быть адекватным абсолютно. Удовольствоваться таким объяснением было бы равнозначно тому, чтобы поддаться одной из разоблачаемых нами при каждом удобном случае современных иллюзий. Как мы уже отмечали, люди, обладающие смутным предчувствием близости конца, при этом часто не в состоянии точно определить природу или пропорции грядущих изменений. Невозможно отрицать тот факт, что это предчувствие основывается на реальности, даже если оно чрезвычайно смутно и способствует ложным интерпретациям и деформациям воображения. Каков бы ни был характер приближающегося конца, кризис, с необходимостью к нему ведущий, совершенно очевиден, и нет недостатка в ясных и недвусмысленных знаках, однозначно указующих в этом направлении. Естественно, «конец» будет не "концом света" как такового, как некоторые хотели бы это представить, но, по меньшей мере, «концом» одного из миров. И поскольку конец должен постигнуть именно западную цивилизацию, те, кто привыкли считать только ее «Цивилизацией» по преимуществу, и кто за ее пределами вообще ничего не видит, естественно, склоняются к мысли, что вместе с ней погибнет и все остальное. Поэтому конец этой цивилизации будет для них "концом света" в самом широком смысле слова.

Таким образом, чтобы придать проблеме истинные пропорции, можно сказать, что мы, по всей видимости, действительно приближаемся к концу нашего мира или, иными словами, к концу определенной эпохи, к концу данного исторического цикла, который, согласно всем учениям традиции, разбирающим этот предмет, должен соответствовать концу цикла космического. Подобные события неоднократно происходили в прошлом и, вне всяких сомнений, будут происходить и в будущем. Их значительность и серьезность варьируются в зависимости от того, случаются ли они в конце более или менее долгих периодов и затрагивают ли они все человечество в целом или одну из его частей, ту или иную расу, тот или иной народ. Судя по актуальному состоянию нашего мира, грядущая трансформация будет тотальной, и в какой бы форме она ни проявилась — а уточнять это пока не следует, — она в той или иной степени должна затронуть весь мир в целом. В любом случае, законы, управляющие подобными событиями, могут прилагаться к различным уровням, и поэтому то, что является истинным в отношении "конца света" в самом глобальном смысле этого слова, — а обычно это относится ко всей полноте земного мира, — остается справедливым при изменении соответствующих пропорций, то есть в случае одного из частных,

конкретных миров.

Эти предварительные замечания призваны облегчить понимание вопросов, которые мы намереваемся рассмотреть в этой книге. В других работах мы неоднократно ссылались на "циклические законы". Очень трудно описать эти законы в такой форме, чтобы сделать их доступными для современного западного сознания, так как для того, чтобы постичь подлинный характер современной эпохи и осознать ее место в мировой истории, необходимо, по меньшей мере, обладать определенной предварительной информацией по этому поводу. Поэтому мы начнем с демонстрации того, что характерные черты нашей эпохи точно соответствуют определенному циклическому периоду, известному многим традиционным учениям и детально в них описанному. Таким образом, мы покажем, как то, что является аномалией и хаосом с одной точки зрения, есть необходимый элемент более глобального порядка и неизбежное следствие законов, управляющих развитием всего Проявления. Однако сразу заметим, что это отнюдь не служит достаточным основанием для того, чтобы пассивно починиться временно побеждающим хаосу и мраку, поскольку в этом случае лучше всего было бы просто хранить молчание. Наоборот, это заставляет нас стремиться к тому, чтобы подготовить выход из "темного века", признаки близкого, очень близкого конца которого сегодня проявляются повсюду. И это также является необходимым элементом универсального порядка вещей, так как равновесие есть результат одновременного действия двух противоположных тенденций. Если бы одна из этих тенденций вообще прекратила оказывать свое воздействие, равновесие вообще не могло бы быть восстановлено, и сам мир исчез бы безвозвратно. Но подобное предположение невероятно, так как каждый из двух противоположных терминов имеет смысл только в сочетании с другим, и вопреки видимой стороне вещей, можно быть уверенным, что частное и временное нарушение равновесия в конечном итоге существует только ради достижения тотального равновесия и всеобщей гармонии.

Глава 1. ТЕМНЫЙ ВЕК

Индуистская доктрина учит, что человеческий цикл, называемый Манвантарой, делится на 4 периода, в течение которых примордиальная духовность постепенно все более и более затемняется. Эти периоды древние традиции Запада называли Золотым, Серебрянным, Бронзовым и Железным веками. В настоящее время мы находимся в 4-ом веке, в Кали-юге или в "Темном веке", причем, согласно индуистскому учению, мы пребываем в нем уже 6 тысяч лет и несколько столетий, то есть со времен, гораздо более древних, чем те, которые известны так называемой "классической истории". Постепенно истины, ранее доступные всему человечеству, становятся все более сокрытыми и недосягаемыми. Число тех, кто ими владеет, со временем уменьшается, и хотя сокровища «нечеловеческой» предвечной мудрости никогда не могут быть утрачены окончательно, они окружают себя непроницаемым покрывалом, таящим их от человеческих глаз и затрудняющим к ним доступ. Именно по этой причине повсюду, хотя и в разных формах, мы встречаемся с одной и той же проблемой: нечто оказалось утраченным, по крайней мере, для внешнего восприятия — нечто такое, что стремящийся к истинному знанию должен отыскать заново. В то же время индуистская традиция утверждает, что сокрытое вновь станет видимым в конце цикла, который, в силу непрерывности, связывающей между собой все вещи, одновременно окажется и началом нового цикла.

Возникает вопрос: почему циклическое развитие проходит именнов нисходящем направлении, от высшего к низшему? В этом случае циклическая доктрина является полным отрицанием идеи прогресса в том виде, как ее понимает современная цивилизация. Причина заключается в том, что развитие всякого проявления с необходимостью предполагает постепенно ускоряющееся движение в сторону удаления от порождающего Принципа. Начиная с самой высшей точки, проявление с необходимостью простирается вниз, причем, как это происходит в случае физических тел, скорость движения постоянно возрастает до тех пор, пока не достигнет предела и движение не прекратится. Этот процесс нисхождения проявления можно было бы назвать "прогрессирующей материализацией", так как сам Принцип, в свою очередь, соотносится с чистой духовностью, являющейся его прямым выражением (мы определяем духовность лишь как выражение Принципа, а не как его синоним, поскольку Принцип в

своей сущности, будучи по ту сторону всех противоположностей, не может отождествиться ни с одной из категорий, предполагающих возможность существования категории противоположной). Более того, термины «дух» и «материя», взятые нами из западного языка по соображениям удобства, имеют для нас весьма условную ценность. Адекватно использовать их в данном контексте, можно лишь отбросив интерпретации, данные им в современной философии. При этом совершенно не важно, идет ли речь о «спиритуализме» или «материализме», так как обе эти формы, лишь взаимодополняя друг и друга, являются абсолютно неприемлемыми и несущественными для всякого, кто хотел бы выйти за рамки этой относительной и узкой сферы мысли. Однако мы не намерены углубляться здесь в область чистой метафизики, а поэтому, предупредив изначально возможность неадекватного понимания и ни на мгновение не упуская из виду сущностных Принципов, мы позволим себе все же воспользоваться именно этими, не очень точными, терминами, чтобы сделать вещи более понятными и доступными, по крайней мере, в той степени, в которой это не чревато отступлением от истины и искажением должных пропорций.

Все сказанное выше о развитии проявления дает картину, точную лишь в самом общем приближении; при более внимательном рассмотрении она оказывается черезчур упрощенной и грубой, так как представляет развитие в виде прямой без каких-либо отклонений. Истина на самом деле намного сложнее. Как мы уже отмечали, в действительности, во всем необходимо прослеживать две противоположные тенденции: одну — нисходящую, другую — восходящую, или иными словами, одну — центробежную, другую — центростремительную. От преобладания той или иной тенденции зависят две взаимодополняющие фазы проявления: первая — отделения от Принципа, вторая — возврата к Принципу. Эти две фазы можно сравнить с биением сердца или дыханием (выдох и вдох), и хотя эти две стадии чаще всего рассматриваются как последовательные, две соответствующие им тенденции проявления следует рассматривать как одновременные и лишь действующие с различной степенью интенсивности. Иногда случается, что в моменты кажущегося явного преобладания нисходящей тенденции в ходе одного из циклов развития мира происходит некое особое вмешательство, позволяющее укрепить противоположную восходящую тенденцию и восстановить, насколько это позволяют конкретные условия, некоторое, пусть даже относительное, равновесие. Это приводит к относительному восстановлению равновесия, вследствие чего упадок может быть приостановлен или временно нейтрализован.[1]

Очевидно, что приводимые нами здесь в самом общем виде данные Традиции дают возможность подойти к концепциям, гораздо более глобальным и глубоким, нежели все те версии "истории философии", которые так привлекают современных людей. Однако в данный момент мы не намерены обращаться ни к самому началу настоящего цикла (Манвантары), ни даже к началу Кали-юги.

Нас непосредственно интересует гораздо более ограниченная область, а именно, самые последние периоды Кали-юги. Действительно, внутри каждого из больших периодов можно выделить более частные стадии, образующие многочисленные второстепенные подразделения цикла. Поскольку каждая стадия является некоторым аналогом всего цикла, она воспроизводит в миниатюре общую логику того большого цикла, частью которого является. Однако и в данном случае исчерпывающее изучение механизмов, с помощью которых этот общий закон реализуется в отдельных случаях, увело бы нас далеко за пределы настоящего исследования. Мы завершим эти предварительные замечания упоминанием лишь нескольких наиболее критических эпох, через которые человечество прошло еще относительно недавно. Речь идет об эпохах, принадлежащих к так называемому «историческому», то есть доступному исследованиям обычной, «профанической» истории, периоду. И это естественным образом подведет нас к основному предмету данного исследования, так как последняя из этих критических эпох есть не что иное, как то, что принято называть "современным миром". Довольно странным представляется то, что строго" исторический" (в профаническом понимании) период простирается назад в историю лишь вплоть до 6-го века до начала Христианской эры, как будто бы в этой точке существует некий не преодолимый с помощью обычных методов исследования барьер, и что этому факту почему-то не уделяется должного внимания. Действительно именно с этого момента повсеместно начинает вестись точная и предельно строгая хронология, тогда как для предшествующих эпох датировка чаще всего остается крайне неопределенной, а предполагаемое время тех или иных исторических событий может варьироваться с точностью до нескольких столетий. Это характерно даже для таких стран, как, например, Египет, история которых нам достаточно хорошо известна. Еще более удивительно то, что в таком исключительном и особом случае, как Китай, история которого располагает свидетельствами о весьма отдаленных эпохах — летописями, датированными при помощи не оставляющих места сомнениям астрономических наблюдений, — современные исследователи классифицируют эти эпохи как «легендарные», «мифические», как бы

признавая их теми сферами, в которых они не имеют права претендовать на какое-либо достоверное знание и поэтому использовать даже безусловные исторические данные. То, что называется "классической античностью", то есть "классической древностью", на самом деле является «античностью», «древностью», лишь с очень относительной точки зрения, и поскольку она принадлежит лишь к последней половине Кали-юги, протяженность которой, согласно Индуистской доктрине, оставляет всего лишь 1/10 часть всей Манвантары, она асположена гораздо ближе к современности, нежели к истинной «древности» человечества. Уже одно это весьма показательно для понимания того, насколько безосновательны претензии современных людей на широту и полноту их исторических знаний.

Историки, без сомнения, постараются оправдать свое неведение ссылкой на то, что оно касается только «легендарных», «мифических» периодов, именно по этой причине и не заслуживающих изучения. Однако подобное оправдание есть не что иное, как признание собственного невежества и осутствия понимания определенных вещей — все это может существовать лишь засчет полного невнимания к Традиции. И как мы покажем далее, специфически современное мировоззрение действительно полностью тождественно мировоззрению анти-традиционному.

В 6-ом веке до начала Христианской эры по той или иной причине произошли значительные изменения почти среди всех народов. Характер этих изменений, однако, варьировался в зависимости от специфики тех или иных стран. В некоторых случаях изменения представляли собой адаптацию традиции к новым, изменившимся условиям, происходившую в строго ортодоксальном ключе. Например, так случилось в Китае, где доктрина, изначально представлявшая собой единое целое, была разделена на две строго различных между собой части: даосизм, предназначенный для элиты и включающий в себя чистую метафизику вместе с традиционными науками сугубо интеллектуальной природы, и конфуцианство, приемлемое для всех без исключения и охватывающее сферу практической, и в особенности социальной жизни. У персов тогда же произошла адаптация Маздеизма к изменившимся условиям, так как именно этим временем датируется эпоха последнего Зороастра.[2] В Индии же в это время имел место подъем Буддизма,[3] или иными словами, восстание против духа Традиции, отрицающее всякий духовный авторитет и порождающее подлинную анархию, в этимологическом смысле этого слова, то есть "отсутствие принципов" как в интеллектуальной, так и в

социальной сферах. Любопытен тот факт, что в Индии не сохранилось архитектурных памятников, относящихся ко времени, предшествующему рассматриваемому периоду. Ориенталисты пытаются истолковать это обстоятельство в пользу своей обычной тенденции находить истоки всего без исключения в Буддизме, значение которого они странным образом преувеличивают. Объяснение этого факта, тем не менее, довольно просто, и оно состоит в том, что все более ранние конструкции были построены из дерева, и поэтому естественным образом исчезли, не оставив следа.[4] Такое изменение способа строительства соответствовало глубокому изменению общих условий существования всего народа.

Продвигаясь к Западу, мы обнаружим, что для евреев тот же самый период был временем Вавилонского пленения. Поразительным является также следующий факт: короткого семидесятилетнего периода для евреев оказалось достаточно, чтобы забыть свой собственный алфавит до такой степени, что позднее им пришлось восстанавливать Священное Писание с помощью совершенно отличных от использовавшихся ранее букв. Можно было бы привести множество других более или менее сходных примеров. Мы лишь отметим то, что та же дата была началом "исторического периода Рима", который, последовал за «легендарным», «мифическим» периодом первых Царей. Известно также, хотя и довольно смутно, что в это же время начались волнения среди кельтских народов. Однако, не задерживаясь более на этих фактах, перейдем к рассмотрению Греции. Там 6-ой век явился исходной точкой так называемой "классической цивилизации". Именно за ней современные исследователи признают «исторический» характер, в то время как все предшествующие периоды остаются настолько малоизученными, что считаются «легендарными», «мифическими», хотя недавние археологические раскопки не оставляют никаких сомнений в том, что цивилизация, в самом подлинном смысле слова, существовала задолго до этого. У нас есть основания полагать, что эта изначальная эллинская цивилизация в интеллектуальном отношении была гораздо более интересной, чем последующая, и что отношения между этими двумя цивилизациями аналогичны отношениям между средневековой и современной Европой. Однако следует отметить, что в первом случае разрыв был не столь абсолютным, как в последнем, так как в эллинской цивилизации произошла частичная адаптация традиционного уровня, особенно в сфере «мистерий». В качестве примера можно упомянуть пифагорейскую традицию, изначально явившуюся реставрацией в новой форме более ранней орфической традиции. Связь пифагорейской традиции с дельфийским культом Гиперборейского Апполона свидетельствует о ее

непрерывной и подлинной преемственности по отношению к одной из наиболее древних традиций человечества. Но с другой стороны, в поздней эллинской цивилизации появились некоторые элементы, не имеющие аналогов в прошлом, и именно они оказали впоследствии столь негативное воздействие на весь западный мир. Мы имеем в виду специфическую форму мышления, которая некогда была названа «философией», и которая сохранила это название до сих пор. Эта тема представляется нам достаточно важной для того, чтобы остановиться на ней более подробно.

Сам термин «философия» может быть истолкован в весьма позитивном и закономерном смысле (который, несомненно, и вкладывался в это слово первоначально), особенно, если верно то, что впервые его употребил именно Пифагор. Этимологически он обозначает не что иное, как "любовь к мудрости". Это предполагает, прежде всего, некую изначальную склонность к достижению мудрости и, в более широком значении, поиск, порожденный этой склонностью и ведущий к обретению знания. Таким образом, «философия» является лишь предварительной и подготовительной стадией, лишь движением по направлению к мудрости или, другими словами, ступенью, соответствующей низшим проявлениям этой мудрости.[5] Последующее извращение этого понятия состояло в том, что промежуточная ступень была принята за цель в себе, и что появилось стремление заменить «философией» ("любовью к мудрости") саму мудрость, а это предполагало забвение или игнорирование истинной природы последней. Именно таким образом возникло то, что может быть названо "профанической философией", то есть поддельной, ложной мудростью чисто человеческого и поэтому исключительно рационального порядка, занявшей место истинной, традиционной, сверх-рациональной и «нечеловеческой» мудрости. Однако нечто от этой истинной мудрости в эпоху античности еще оставалось. Это подтверждается, прежде всего, наличием мистерий, чей сущностно инициатический характер несомненен. Кроме того учения самих философов подчас имели «экзотерическую» и «эзотерическую» стороны. Эзотерическая сторона «философии» оставляла открытой возможность перехода к более высокой точке зрения, что стало особенно очевидным, (хотя, возможно, и не в полной мере), несколькими столетиями позже в учениях Александрийских гностиков. Для того, чтобы "профаническая философия" смогла окончательно сложиться, необходимо было оставить только экзотерическую сторону, полностью отбросив сторону эзотерическую. Именно к такому результату привели тенденции, впервые проявившиеся в древнегреческой мысли. Позднее им суждено было достичь своих последних пределов. Однако прежде, чем возник

«рационализм», то есть сугубо современное мировоззрение, не просто оставляющее без внимания, но подчеркнуто отрицающее все, что принадлежит сверх-рациональному уровню, непомерное значение, придававшееся рационалистической мысли, должно было еще более возрасти. Но не будем опережать события, так как мы еще вернемся к этим проблемам и проследим за их развитием в других главах данной книги.

В том, что было сказано, есть один момент, крайне важный для понимания разбираемой нами проблемы, а именно: тот факт, что истоки современного мира следует искать в «классической» античности. Поэтому современный мир не так уж и ошибается в своих претензиях на происхождение от греко-латинской цивилизации и на преемственность по отношению к ней. В то же время следует заметить, что эта связь является достаточно косвенной, — копия имеет довольно мало сходства с оригиналом, так как даже в классической античности еще сохранялось множество вещей интеллектуального и духовного порядка, аналогов которым в современном мире найти невозможно. Обе эти цивилизации являются поэтому выражениями двух различных степеней затемнения подлинного знания. Теоретически можно представить себе, что упадок античной цивилизации должен был постепенно и непрерывно привести к состоянию, аналогичному сегодняшнему. Но на самом деле этого не произошло, так как в определенный момент в истории Запада наступил другой критический период, в качестве компенсации повлекший за собой одну из тех форм частичной адаптации, о которых мы упоминали выше.

Это была эпоха подъема и распространения Христианства, совпавшая, с одной стороны, с процессом рассеяния евреев, а с другой — с последней стадией греко-латинской цивилизации. Мы лишь бегло упомянем эти события, несмотря на их значимость, поскольку они гораздо более широко известны, нежели другие, и поскольку их синхронность была отмечена даже самыми поверхностными историками. Часто сходство эпохи упадка «классического» мира и современной эпохи привлекало внимание различных исследователей, и не заходя слишком далеко в сравнении, следует признать, что, действительно, сходство это поразительное.

Чисто «профаническая» философия стала распространяться все шире и шире: чтобы показать глубину ее интеллектуального вырождения, вполне достаточно упомянуть скептицизм, с одной стороны, и стоический и эпикурейский морализм, с другой. В то же время древние сакральные доктрины, которые перестали быть понятными, по этой самой причине деградировали до уровня самого откровенного «язычества», то есть превратились в откровенные «предрассудки», в вещи, потерявшие свой

глубинный смысл, существующие сами по себе как чисто внешние проявления. Были и попытки реакции против этого упадка: сам эллинизм стремился обрести новые силы с помощью элементов, заимствованных из тех восточных доктрин, с которыми ему удалось соприкоснуться. Но эти средства уже не были действенными: греко-латинская цивилизация должна была закончиться, и ситуации суждено было быть «исправленной» с помощью иных, внешних по отношению к греко-латинскому миру, средств и в совершенной особой форме. Эту трансформацию осуществило Христианство. В этом отношении следует заметить, что несомненная и проявляющаяся в самых различных аспектах схожесть между нашим временем и той эпохой, скорее всего, является одним из факторов, ответственных за распространение в современном мире беспорядочного и хаотического "мессианизма".

После беспокойного периода варварских вторжений, вполне достаточных для того, чтобы завершить разрушение старого порядка, на несколько столетий возрождается нормальный строй. Ему соответствует период Средних веков, о которых наши современники, не способные осмыслить всю полноту интеллектуальности и духовности той эпохи, имеют настолько превратное представление, что считают их гораздо более чуждыми нам и далекими, чем классическая античность.

С нашей точки зрения, подлинное Средневековье охватывает период со времен царствования Карла Великого и до начала 14 века, когда происходит новый упадок, продолжающийся, проходя через различные стадии и набирая скорость, вплоть до настоящего времени. Эта дата — 14 век — является точкой истинного начала сугубо современного кризиса. Это время начала распада самого христианского мира, с которым по существу можно отождествить Западную цивилизацию Средних веков. Одновременно именно тогда начинается формирование «наций» и разложение феодальной системы, тесно связанной со средневековым христианством. Таким образом, сугубо современный период должен быть отодвинут почти на 2 столетия назад по сравнению с тем, что обыкновенно принято считать у историков. Возрождение и Реформация — первые результаты, ставшие возможными только благодаря предшествующему упадку. Отнюдь не являясь реставрацией нормального порядка вещей, они, напротив, ознаменовали собой еще более глубокое падение, окончательно закрепившее полный разрыв с Традиционным Духом: Возрождение воплотило в себе этот разрыв в сфере искусств и наук, Реформация — в области самой религии, хотя это та сфера, в которой подобное явление противоестественно в высшей степени.

То, что мы называем Возрождением, как мы уже отмечали в других случаях, было никаким не возрождением, но смертью многих вещей. Выдавая себя за возвращение к греко-римской цивилизации, оно заимствовало лишь самую поверхностную ее сторону, так как именно последняя могла получить отражение в письменных источниках. Во всяком случае, подобное возвращение, будучи далеко не полным, являлось чем-то в высшей степени искусственным, так как означало восстановление внешних форм, покинутых духом жизни уже много столетий назад. Что же касается традиционных наук Средневековья, то после нескольких последних проявлений приблизительно на этом временном рубеже они исчезли так же безвозвратно, как науки далеких цивилизаций, разрушенных тем мли иным катаклизмом. Но на этот раз на их месте не появилось ничего аналогичного. С этого времени существуют лишь "профаническая философия" и "профаническая наука", основанные на полном отрицании подлинного интеллекта, на сведении знания к его самым низшим уровням — эмпирическому и аналитическому изучению фактов, не связанных с Принципом, на расстворении в бесконечном количестве малозначительных деталей, на накоплении необоснованных гипотез, бесконечно разрушающих друг друга, и на фрагментарных точках зрения, не способных привести ни к чему иному, кроме как к узко практическому использованию. Именно в этой чисто практической сфере и следует искать единственное безусловное преимущество современной цивилизации — преимущество отнюдь не завидное, так как исключительная озабоченность именно этой практической стороной дел в ущерб всем другим придало этой цивилизации сугубо материальный характер, сделав ее воистину чудовищной.

В то же время удивительно то, с какой скоростью Средневековая цивилизация была предана забвению. Уже в 17 веке люди не имели ни малейшего представления о том, что это была за эпоха, и сохранившиеся средневековые памятники в их глазах не представляли собой никакой интеллектуальной или даже эстетической ценности. Само по себе это достаточное доказательство того, насколько принципиально изменилось общественное сознание за этот короткий срок. Мы не будет заниматься здесь исследованием причин, — а они действительно очень сложны, — приведших к изменениям настолько радикальным, что просто невозможно допустить, что они могли произойти спонтанно, сами по себе, без вмешательства некоей направляющей воли, подлинная природа которой, скорее всего, должна оставаться загадкой. В этой связи следует упомянуть о весьма странных обстоятельствах: например, о популяризации в

определенный момент истории под видом новых открытий вещей, о существовании которых было известно всегда, хотя это знание широко не разглашалось, поскольку всегда сохранялась опасность того, что негативные последствия подобного разглашения перевесят его преимущества.[6] Почти совершенно невозможно поверить и в то, что миф, представляющий Средние века эпохой мракобесия, невежества и варварства, сложился абсолютно спонтанно, и что очевидная фальсификация истории, навязанная нашим современникам, могла быть осуществлена без какого-то предварительного плана. Однако мы не будем дальше углубляться в этот вопрос, поскольку, каким бы образом эти процессы ни происходили, наша настоящая цель состоит в том, чтобы выяснить каковы их результаты.

Существует термин, который стал популярным в эпоху Возрождения и который изначально содержал в себе всю программу современной цивилизации: этот термин — «гуманизм». Люди Возрождения действительно стремились свести все к чисто человеческим пропорциям, исключить любые принципы более высокого уровня и, выражаясь символически, отвернуться от Неба под предлогом покорения земли. Древние греки, чьему примеру они, как им казалось, следовали, никогда не заходили столь далеко в этом направлении, даже в периоды самого глубокого интеллектуального упадка. Для них сугубо утилитарные соображения никогда не играли решающей роли, как это нередко происходит с современными гуманистически ориентированными людьми. Гуманизм представлял собой первую форму того, что впоследствии стало современным «лаицизмом» — чисто секулярным, светским мировоззрением. Именно благодаря своему стремлению свести все к человеку как к самоцели, современная цивилизация вступила на путь последовательных нисхождения и деградации, завершившихся обращением к уровню нижайших элементов в человеке и ориентацией на удовлетворение его наиболее грубых, материальных запросов, что само по себе является достаточно иллюзорной целью, поскольку, цивилизация постоянно порождает значительно большее количество искуственных потребностей, чем она сама способна удовлетворить.

Дойдет ли современный мир до фатального конца того пути, на который он вступил? Или еще до того, как он низвергнется в бездну, затягивающую его все больше и больше, вновь произойдет вмешательство исправляющей силы, точно так же, как это случилось в период упадка греко-латинской цивилизации? Мы думаем, что остановка на пол-пути более невозможна, и согласно всем указаниям традиционных доктрин мы

вступили в последнюю, завершающую стадию Кали-юги, в наитемнейший период этого "темного века", в эпоху диссолюции, из которой можно выйти только через страшный катаклизм. При таком положении вещей, мы нуждаемся не просто в частичном исправлении ситуации, но в полном и радикальном ее обновлении. Хаос и беспорядок настолько широко распространились и достигли такой точки, что намного превзошли все ранее известные пределы. Начиная с Запада, они грозят распространиться на весь остальной мир. Мы можем быть совершенно уверенными, что триумф этих сил обречен быть преходящим и иллюзорным, но сегодня он настолько тотален, что в нем нельзя не видеть знака самого чудовищного из тех кризисов, которые случались с человечеством в ходе настоящего цикла. Разве мы не достигли уже упомянутой в священных книгах Индии циклической стадии, "когда все касты смешиваются, и даже традиционная семья исчезает"? Достаточно посмотреть вокруг, чтобы убедиться, что именно это и происходит сегодня, и заметить повсюду признаки глубочайшего вырождения, именуемого Евангелием "мерзостью запустения". Нам нельзя недооценивать серьезность подобной ситуации. Следует рассматривать ее такой, какая она есть, без оптимизма, но и без пессимизма, потому что, как мы уже сказали выше, конец старого мира будет в то же время началом нового.

Эти соображения подводят нас к вопросу: какова же причина существования периодов, подобных нашему? На самом деле, какими бы анормальными ни выглядели наши условия, взятые сами по себе, они являются элементом общего порядка вещей — того единого порядка, который, согласно формуле дальневосточной традиции, сам складывается из суммы частичных и относительных беспорядков. Наша эпоха, сколь бы трагичной и страшной она ни была, должна наравне с другими иметь свое законное место в общем ходе человеческого развития, и уже сам тот факт, что ее наступление предсказано в традиционных доктринах, служит достаточным подтверждением этого. Все сказанное нами относительно общей тенденции всякого цикла проявления, с необходимостью обусловленного прогрессирующей материализацией, дает нам исчерпывающее объяснение такого положения вещей, и убеждает нас в том, что анормальность и беспорядок, видимые как таковые с одной точки зрения, с другой, более универсальной и более высокой, точки зрения, окажутся следствием определенной и необходимой закономерности. Добавим, не останавливаясь на этом подробно, что как и при любом изменении состояния, переход от одного цикла к другому может проходить только в полной темноте. Это другой важнейший закон, заключающий в

себе множество возможных приложений, но именно поэтому его подробный разбор увел бы нас слишком далеко от основного предмета нашего исследования.[7]

Однако это еще не все. Современный период с необходимостью должен представлять собой развитие определенных возможностей, составляющих потенциал нашего цикла со времени его начала, и какое бы низкое положение эти возможности ни занимали во всеобщей иерархии, все они без исключения обязательно должны реализоваться в закономерном и соответствующем порядке. В этой связи можно сказать, что, согласно традиции, для последней фазы цикла характерен повышенный интерес ко всему тому, что ранее, в предшествующих фазах, отбрасывалось как неважное и незначительное. И это прекрасно характеризует именно нашу цивилизацию, живущую лишь тем, что предшествующие цивилизации отметали как лишенное смысла. Чтобы до конца убедиться в этом, достаточно посмотреть, как иные еще сохранившиеся на Востоке цивилизации сегодня оценивают западную науку и ее применение в промышленности. Эти низшие формы знания, какими бы убогими они ни казались тем, кто обладает знанием высшего порядка, тоже должны когда-то реализоваться. Однако это происходит только тогда, когда подлинная интеллектуальность исчезает. Рано или поздно практические исследования, в самом узком смысле слова, должны быть предприняты, но заниматься такими исследованиями могут лишь в эпоху, полностью противоположную эпохе изначальной духовности, и лишь люди, настолько погруженные в материальные проблемы, что всему лежащему выше этой сферы суждено оставаться за пределами их интересов. Чем сильнее они стремятся эксплуатировать материю, тем больше они превращаются в ее рабов, обрекая себя на все убыстряющуюся спешку и на постоянное бесцельное и бессмысленное волнение, на рассеивание в чистом множестве, влекущее к окончательной диссолюции.

Таково в общих чертах и в наиболее существенных моментах подлинное объяснение современного мира, но следует четко уяснить, что подобное объяснение отнюдь не является оправданием этого мира. Даже если болезнь неизбежна, от этого она не становится здоровьем. Если, в конечном итоге, зло косвенно служит добру, оно само по себе не перестает быть злом. Заметим, что мы используем здесь такие понятия, как «добро» и «зло» лишь для того, чтобы быть лучше понятыми, и не вкладываем в эти слова никакого специфически «морального» смысла. Частичный беспорядок, будучи необходимым элементом универсального порядка, непременно должен существовать. Однако взятый сам по себе, он является

чем-то похожим на монстра, урода, чудовище, — которые, возникая в согласии с определенным законам природы, тем не менее, представляют собой формы вырождения, — или чем-то подобным катаклизму, который, сам по себе будучи звеном в цепи нормального хода вещей, все же остается исключением, аномалией и паталогией. Современная цивилизация, равно как и все остальные вещи, имеет причину для своего существования, и в перспективе положения дел, характерного для конца цикла, можно сказать, что она является именно тем, чем она и должна быть, и что она возникла в предназначенный для нее срок и на отведенной ей территории. Однако все это не отменяет того факта, что судить ее следует в соответствии со столь часто произвольно интерпретируемыми словами Евангелия: "Извращение должно прийти в мир, но горе тем, через кого оно прийдет."

Глава 2. ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Сегодня между людьми Востока и людьми Запада, безусловно, существует пропасть, и это является одной из характерных особенностей современного мира. Хотя более полно этот вопрос мы рассматривали в другом месте,[8] здесь необходимо вновь к нему вернуться с тем, чтобы прояснить некоторые его аспекты и рассеять определенные недоразумения. В истории существовало множество различных цивилизаций, каждая из которых развивалась особым образом, в соответствии с ее природой и с естественными наклонностями тех или иных народов или рас. Однако различие в данном случае отнюдь не предполагало противоположности или противостояния, и между самыми далекими друг от друга формами цивилизации существовало определенное сходство, вытекающее из единства фундаментальных принципов, чьими частными приложениями, применительно к конкретным обстоятельствам, и являлись сами эти цивилизации. Так было в случае всех так называемых «нормальных» или (что в сущности одно и то же) «традиционных» цивилизаций. Такие цивилизации сущностно не противоречат друг другу, и любые возможные расхождения между ними являются чисто внешними и поверхностными. С другой стороны, цивилизация, не признающая никакого высшего принципа, и в действительности основанная на полном отрицании вообще каких бы то ни было принципов, уже в силу самого этого обстоятельства исключает возможность всякого взаимопонимания с другими цивилизациями, поскольку для того, чтобы такое понимание было воистину глубоким и действенным, оно должно проистекать из того самого высшего принципа, которого эта анормальная и извращенная цивилизация как раз лишена. Поэтому в современном мире мы видим, с одной стороны, цивилизации, оставшиеся стоять на традиционных позициях — таковы цивилизации Востока; и с другой — откровенно анти-традиционную цивилизацию или цивилизацию современного Запада.

Некоторые исследователи сегодня доходят до полного отрицания того факта, что деление человечества на людей Востока и Запада вообще соответствует каким бы то ни было естественным различиям. Но как бы то ни было, такое различие в настоящее время действительно существует. Прежде всего, невозможно всерьез усомниться в факте существования

единой для Европы и Америки западной цивилизации, независимо от того как бы мы ее ни оценивали. В отношении Востока дел обстоит несколько сложнее, поскольку в настоящее время существует не одна, а несколько восточных цивилизаций. Различие и даже противоположность между цивилизациями Востока и цивилизацией Запада основаны на том, что всем восточным цивилизациям присущи определенные общие черты, позволяющие рассматривать их как цивилизации традиционные; в случае же западной цивилизации эти черты отсутствуют. Все современные цивилизации Востока являются в равной степени традиционными по своей сути. Чтобы дать более точное представление об этих цивилизациях, мы напомним здесь общие принципы их классификации, приведенные нами более подробно в других работах. Хотя такая классификация может показаться несколько упрощенной для тех, кто стремится разобраться в деталях, она остается, тем не менее, верной в своих основных чертах. Дальний Восток сущностно представлен Китайской цивилизацией, Средний Восток — Индуистской, Ближний Восток — Исламской. Следует добавить, что во многих отношениях Исламскую цивилизацию следует рассматривать как промежуточную между восточной и западной; особенно много общих черт она имела со средневековой Христианской цивилизацией Запада. Однако, если сопоставить ее с современным Западом, мы увидим, что она так же противостоит ему, как все собственно восточные цивилизации, к которым, согласно нашей точке зрения, она и должна быть отнесена.

Последнее замечание затрагивает важную проблему: до тех пор, пока на Западе существовали традиционные цивилизации, для противостояния Востока и Запада не было оснований. Противостояние имеет место лишь в случае современного Запада, поскольку речь идет, скорее, о противоположности двух типов сознания, нежели двух более или менее определенных географических реальностей. В определенные периоды истории, наиболее близким из которых является Средневековье, западное сознание в своих наиболее существенных чертах стояло гораздо ближе к восточному сознанию, нежели к тому, что оно представляет собой в современную эпоху. Тогда западная цивилизация была настолько же близка цивилизациям Востока, насколько сами эти цивилизации близки друг другу сегодня. В течение последних столетий Западная цивилизация претерпела фундаментальные изменения, гораздо более серьезные, чем все извращения, имевшие место в предшествующие периоды упадка, так как на этот раз вся человеческая деятельность полностью и радикальным образом изменила свою ориентацию и свой сущностный характер. Эти

изменения произошли только на Западе. Поэтому, когда, говоря о современном мире, мы используем выражение "западное сознание", это равнозначно выражению "современное сознание". И поскольку иной тип сознания сохранился сегодня лишь на Востоке, мы можем, учитывая это обстоятельство, назвать его восточным типом сознания. Таким образом, оба термина — "сознание восточное" и "сознание западное" — характеризуют исключительно современное положение вещей. Поскольку "западное сознание" сложилось только в ходе недавнего периода истории, то и о противоположном, сугубо "восточном сознании," можно говорить лишь применительно к настоящему времени. Изначально же это "восточное сознание" было поистине присуще как людям Востока, так и людям Запада, так как его происхождение совпадает с происхождением самого человечества. Таким образом, его вполне можно назвать "нормальным сознанием" уже потому, что оно в большей или меньшей степени лежало в основе всех известных нам цивилизаций за одним лишь исключением — цивилизации современного Запада.

Некоторые люди, не дав себе труда как следует вчитаться в написанные нами книги, считают почему-то своим долгом упрекнуть нас в том, что мы, якобы, утверждаем, будто все традиционные доктрины приходят с Востока, и что даже в эпоху западной античности Запад неизменно черпал свои традиции исключительно на Востоке. Мы никогда на писали и не могли написать ничего подобного, хотя бы уже потому, что нам прекрасно известно, что это совершенно не соответствует истине. В действительности данные Традиции явно противоречат подобной идее: существуют достоверные свидетельства того, что Примордиальная Традиция настоящего цикла пришла из гиперборейских регионов. Позднее существовало несколько вторичных потоков этой Примордиальной Традиции, соответствующих различным периодам истории, и один из наиболее важных из них, по крайней мере, тот, следы которого все еще можно различить, несомненно перемещался с Запада на Восток. Однако все эти соображения относятся к весьма отдаленным временам, которые обычно называются «Предисторией» и которые мы здесь не собираемся разбирать. Мы хотим высказать лишь следующее: во-первых, центр Примордиальной Традиции уже в течение очень длительного времени и вплоть до настоящего момента располагается на Востоке, и именно там мы сталкиваемся с доктринами, самым непосредственным образом проистекаюшими из этой Примордиальной Традиции; и во-вторых, в настоящее время истинный дух Традиции, со всем тем, что он в себе заключает, представлен только и исключительно людьми Востока, и никем

иным.

Это разъяснение было бы неполным без упоминания о некоторых предложениях по поводу возможной реставрации "западной традиции", появившихся в различных кругах в последнее время. Наиболее позитивным в подобных идеях является то, что они свидетельствуют о наличии людей, все в большей степени неудовлетворенных современным нигилизмом, ощущающих потребность в чем-то таком, что отсутствует в современном мире, и поэтому видящих возможность положить конец современному кризису только одним способом — через возврат к традиции в той или иной ее форме. К несчастью, «традиционализм» не совпадает с тем, что можно назвать по праву подлинно традиционным сознанием. Чаще всего традиционализм означает не более, чем простую склонность, более или менее смутное влечение, не предполагающее никакого подлинного знания. К сожалению, верно и то, что в ситуации интеллектуального смешения это стремление обычно ведет лишь к порождению фантастических концепций, построенных на чистом воображении и лишенных всякого серьезного основания. Не имея в качестве опоры никакой аутентичной традиции, такие люди часто доходят до того, что выдумывают никогда не существовавшие в действительности псевдо-традиции, настолько же безосновательные и далекие от каких-либо традиционных принципов, как и те доктрины, которые они тщатся заменить. В этом проявляется вся глубина современного хаоса, и каковы бы ни были намерения подобных людей, они лишь усугубляют общее смешение. Среди такого рода построений упомянем лишь концепцию так называемой "западной традиции", сконструированную некоторыми оккультистами из самых противоречивых элементов и призванную изначально конкурировать с другой не менее фантастической и беспочвенной концепцией т. н. "восточной традиции", выдуманной теософистами. Мы подробно говорили об этих вещах в другом месте, и предпочли бы сейчас без дальнейших отлагательств перейти к исследованию иных, более достойных внимания теорий, стремящихся, по крайней мере, обратиться к реально существовавшим традициям.

Выше мы упоминули об одном из потоков Традиции, пришедшем из западных регионов. Об этом свидетельствуют рассказы древних об Атлантиде. Нет сомнений, что после исчезновения этого континента в ходе последнего великого исторического катаклизма остатки атлантической традиции были перенесены в другие регионы, где они слились с другими уже существовавшими традициями, представлявшими собой по большей части ответвления Великой Гиперборейской Традиции. Скорее всего,

сакральные доктрины древних кельтов как раз и являлись результатами именно такого слияния. Мы отнюдь не собираемся здесь обсуждать этот вопрос. Однако в любом случае, не следует забывать, что истинная атлантическая доктрина исчезла уже много тысячелетий назад вместе с цивилизацией, к которой она принадлежала, и разрушение которой произошло в результате извращения, в чем-то аналогичного тому, что мы наблюдаем сегодня, с тем лишь отличием, что человечество тогда еще не вступило в период Кали-Юги. Следует также иметь в виду, что эта традиция соответствовала лишь вторичному периоду нашего цикла, и следовательно, было бы большой ошибкой отождествлять ее с самой Примордиальной Традицией, из которой вышли все остальные традиции, и которая единственная из всех остается совершенно неприкосновенной и целостной с самого начала до самого конца цикла. Так как мы не можем привести здесь все факты, подтверждающие эти положения, мы хотели бы подчеркнуть лишь следующее: сегодня воскресить «атлантическую» традицию невозможно, так же, как невозможно соприкоснуться с ней более или менее прямым образом. Поэтому любые попытки сделать это останутся пустыми фантазиями. Тем не менее, исследование происхождения определенных элементов, вошедших в состав более поздних традиций, может представлять значительный интерес, при условии, что при этом будут приняты меры предосторожности против иллюзий, могущих возникнуть в этом вопросе. Но в любом случае подобные исследования ни в коем случае не способны привести к полному восстановлению традиции, которая совершенно не приспособлена к условиям современного мира.

Некоторые люди стремятся примкнуть к «кельтизму», и поскольку эта традиция менее удалена от нас во времени, ее восстановление может показаться не столь невероятным, как восстановление традиции атлантической. Но где сегодня найдется столь полноценный и жизнеспособный «кельтизм», чтобы он мог служить прочной основой традиции? Мы не говорим об археологических или чисто «литературных» реконструкциях, которые стали появляться в последнее время. Мы имеем в виду нечто совсем иное. Хотя и справедливо, что многие элементы «кельтизма» действительно дошли до нас через различные опосредующие инстанции, этого отнюдь не достаточно для восстановления полноценной традиции. Более того, можно отметить и такой странный факт, что в тех странах, где в древности существовала именно кельтская традиция, в настоящее время она забыта еще более основательно, нежели остатки других, изначально чуждых этим странам, традиций. Не следует ли всерьез

задуматься о причинах этого явления, по меньшей мере, тем, кто еще не окончательно поддался напору навязываемых предвзятостей и предрассудков? Можно сказать и больше: во всех случаях, когда мы имеем дело с остатками исчезнувших цивилизаций, невозможно понять их действительное значение иначе, чем через сравнение их с аналогичными элементами живых традиций. И это верно даже по отношению к Средневековью, многие элементы которого полностью потеряли смысл для современного Запада. Только через установление контакта с живыми традициями можно воскресить то, что еще способно возродиться, и это, как мы постоянно подчеркиваем, одна из величайших услуг, которые может оказать Восток Западу. Мы не отрицаем, что определенные элементы кельтского духа сохранились и все еще могут проявиться в различных формах, как это происходило в различные периоды в прошлом. Но если кто-то попытается убедить нас в том, что по-прежнему существуют духовные центры, в которых, якобы, полностью сохранилась традиция друидов, мы потребуем представить доказательства, и до тех пор, пока это не будет сделано, будем рассматривать это утверждение как весьма спорное, если не сказать больше — невероятное.

В действительности, сохранившиеся элементы кельтизма были большей частью ассимилированы Христианством в Средние Века. Легенда о Святом Граале со всеми ее элементами является особенно важным примером этого. Более того, мы полагаем, что, если бы западная традиция могла быть заново восстановлена, она непременнно должна была бы принять религиозную форму в самом строгом смысле этого слова. Такой формой могло бы быть только Христианство, поскольку, во-первых, все другие возможные формы уже с давних пор чужды западному сознанию, а во-вторых, именно внутри Христианства, и мы можем сказать даже более определенно — именно внутри католицизма можно обнаружить последние остатки того традиционного духа, который еще сохранился на Западе. Всякое «традиционалистское» начинание, игнорирующее этот факт, заведомо будет лишено оснований и с неизбежностью обречено на провал. Очевидно, что основываться следует только на том, что существует в реальности, и там, где отсутствует непрерывная подлинная преемственность, любая конструкция будет искусственной и недолговечной. Если нам возразят, что само Христианство в наше время более не отдает себе отчета в своем глубинном содержании, мы ответим, что, по крайней мере, только оно в самой своей форме и в своей сущности содержит все необходимое для того, чтобы обеспечить основание восстановленной традиции. Самой реалистической и единственно

осуществимой сегодня (по меньшей мере, теоретически) попыткой, было бы восстановление сущностно средневекового христианского строя, естественно, с учетом необходимой специфики сугубо современных условий. При этом все те элементы, которые были утрачены Западом безвозвратно, можно было бы заимствовать из других традиций, сохранивших их в целостности, и затем применить их к конкретным условиям Запада. Безусловно, такая реставрация может стать делом лишь могущественной и прекрасно организованной интеллектуальной элиты. Вопрос об элите мы уже затрагивали ранее. Однако полезно сделать это вновь, поскольку в последнее время появилось слишком много фантастических и невыполнимых проектов в этой области, а также потому, что следует раз и навсегда уяснить себе, что усвоить традиции Востока в их специфической форме могут только представители интеллектуальной элиты, уже по своему определению находящейся по ту сторону всех частных форм, так как эти традиции отнюдь не приспособлены для восприятия основной массой людей Запада. Такое положение сохранится и в дальнейшем, если не произойдет какая-то непредвиденная трансформация. Если западная элита все же будет сформирована, знание доктрин Востока явится для нее, по только что разобранным нами причинам, совершенно необходимым для осуществления свойственных ей функций. Но на всех остальных, то есть на большинстве западных людей, которому останется лишь пожинать плоды деятельности этой элиты, обращение к восточным доктринам вообще никак не отразиться прямо, так как влияние подобного знания будет для него косвенным и незаметным, хотя от этого не менее эффективным и глубоким. Хотя это наша неизменная точка зрения, которую мы уже неоднократно высказывали, мы считаем необходимым повторить ее еще раз, поскольку, если и нельзя всегда расчитывать на адекватное понимание высказываемых нами идей, по меньшей мере, следует стремиться заведомо избежать возможной неадекватной интерпретации наших намерений и убеждений.

Но поскольку более всего нас интересует актуальное положение вещей, мы оставим в стороне прогнозы на будущее и остановимся подробнее на проблемах, связанных с возможностью реставрации "западной традиции". Для того, чтобы доказать, что с проектами такого восстановления далеко не все в порядке, достаточно следующего наблюдения: эти проекты почти всегда заключают в себе более или менее явную враждебность по отношению к Востоку. Следует добавить, что это чувство не чуждо и тем, кто основывается на Христианстве: любой ценой подобные люди стараются отыскать здесь противоречия, которые на самом

не существуют или являются чисто надуманными. Дело доходит даже до таких абсурдных утверждений, что, если в доктринах Востока и в Христианстве мы находим одни и те же идеи, и более того, идеи, выраженные в одинаковой форме, то все равно их смысл в обоих случаях различен или даже противоположен! Те, кто делает подобные утверждения, доказывают тем самым, что несмотря на определенные претензии они не слишком далеко продвинулись в понимании традиционных доктрин и не постигли фундаментального единства, стоящего за всем многообразием внешних форм. Такие люди не хотят замечать сходства даже там, где оно более всего очевидно. Поэтому и их понимание самого Христианства остается поверхностным и не соответствует идее подлинной традиционной доктрины, которая, будучи совершенной и самотождественной, может быть применена ко всем возможным сферам. Всем им не достает знания основополагающих принципов, и поэтому они гораздо более подвержены влиянию современного мышления, нежели они сами полагают, хотя именно такому мышлению они и стремятся противостоять. И в их устах слово «традиция» приобретает иной смысл, нежели тот, который вкладываем в это слово мы.

Вследствие интеллектуального смешения, характерного для нашей эпохи, само слово «традиция» применяется к самым разнообразным и подчас весьма незначительным предметам, например, к простым обычаям или обрядам, имеющим подчас совсем недавнее происхождение. В другом месте мы указывали на столь же неадекватное использование слова «религия». Необходимо быть крайне бдительным при использовании определенных терминов, так как некоторые искажения языка отражают деградацию определенных идей. Поэтому лишь тот факт, что некто называет себя "традиционалистом," еще не доказывает того, что он хотя бы приблизительно представляет себе, что такое «традиция» в подлинном смысле этого слова. Мы категорически отказываемся применять это слово к чему-либо ограниченному исключительно сферой чисто человеческого. На это особенно важно обратить внимание именно сейчас, когда стали появляться такие выражения, как, например, "философская традиция". Философия, оставаясь тем, что она есть, не имеет никакого права считаться «традицией», так как она относится исключительно к рациональному человеческому уровню, и это верно даже в том случае, если она прямо и не отрицает реальностей, выходящих за пределы этого уровня. «Философия» — это не более, чем продукт мыслительной деятельности человеческих индивидуумов, лишенных каких-либо источников нечеловеческого откровения или инспирации, а значит, одним словом, это чисто

«профаническое» явление. Вопреки некоторым иллюзиям, имеющимся на этот счет у определенной категории людей, сознание, присущее той или иной эпохе, той или иной расе не может определяться и направляться только с помощью «книжных» наук. Реальные рычаги влияния на это сознание совершенно отличны от любых форм философских спекуляций, даже в лучшем случае в силу самой своей природы вынужденных оставаться чем-то совершенно внешним и чисто вербальным, а не подлинным и действенным. Утерянная традиция может быть реставрирована и оживлена только благодаря контакту с духом живой Традиции, а сегодня, как мы уже отмечали, этот дух действительно жив лишь на Востоке. Как бы то ни было, важно, что на Западе появилось, по меньшей мере, стремление к возврату к традиционному мировоззрению, хотя пока это остается только стремлением, и ничем более. Недавно появившиеся разнообразные проявления реакции против "современного мира", на наш взгляд, являются пока недостаточно полными, и это лишний раз подтверждает нашу точку зрения. Какой бы превосходной и безупречной ни была критическая сторона этих антисовременных движений, тем не менее, они еще очень далеки от восстановления подлинного интеллекта и ограничены слишком узкими горизонтами мысли. Однако в них, по меньшей мере, есть элементы такого мировоззрения, которое было совершенно немыслимо еще несколько лет назад. И если сегодня уже не все западные люди целиком и полностью удовлетворены узко материальным развитием современной цивилизации, в этом, быть может, следует видеть признак того, что для ее спасения еще не всякая надежда утрачена.

Как бы то ни было, если Западу суждено тем или иным образом вернуться к своей собственной традиции, его противостояние Востоку немедленно будет устранено уже благодаря самому этому факту, так как корни этого противостояния следует искать только в извращении Запада, и само оно сводится лишь к логической противоположности традиционного и антитрадиционного мировоззрений. Поэтому, вопреки некоторым вышеприведенным мнениям, первым результатом возврата к традиции должно явиться немедленное восстановление взаимопонимания с Востоком, как это всегда и должно происходить в случае цивилизаций, основанных на сходных или одинаковых принципах. Добавим, что подобное взаимопонимание возможно исключительно на этих общих принципах, создающих для этого необходимую базу. Истинно традиционное мировоззрение всегда и везде является сущностно одним и тем же, в какую бы форму оно ни облекалось. Различные формы,

соответствующие различным типам мышления и различным временным и пространственным условиям, являются лишь выражениями одной и той же истины. Но это глубинное единство, скрытое под видимостью множественности, может сознаваться только тем, кто способен встать на точку зрения чистого интеллекта. Более того, именно в интеллектуальной сфере следует искать те принципы, из которых в нормальном случае проистекает все остальное — либо в качестве следствий, либо как их приложение. Поэтому, в первую очередь, согласие должно быть достигнуто в отношении этих принципов, в том случае, если стороны действительно стремятся к глубокому взаимопониманию, так как именно эти принципы в действительности являются наиболее существенными. Как только они будут адекватно поняты, согласие установится само собой. Следует добавить, что знание принципов является знанием самой сущности, то есть метафизическим знанием в подлинном смысле этого слова. Такое знание является столь же универсальным, как и сами эти принципы. Поэтому оно совершенно независимо от всякой индивидуальной обусловленности, которая, напротив, имеет значение лишь в том случае, когда дело доходит до частного применения этого знания. Поэтому сфера чистого интеллекта является единственной не требующей предварительной адаптации к тому или иному типу мышления. Более того, когда на этом уровне необходимая работа проделана, остается только развить ее последствия, и согласие будет достигнуто также во всех остальных сферах, поскольку, как мы уже говорили, именно от этого уровня прямо или косвенно зависит все остальное. С другой стороны, согласие, достигнутое в какой-то частной, не связанной с принципами сфере, будучи чем-то похожим скорее на дипломатическую договоренность, чем на истинное взаимопонимание, всегда останется в высшей степени нестабильным и непродолжительным. Вот почему — повторим это еще раз — истинное взаимопонимание может прийти только сверху, но не снизу. В этом процессе следует различать две стадии. Начинать следует с наивысшего уровня, то есть с принципов, и лишь потом постепенно спускаться к различным вторичным уровням, всегда строго сохраняя при этом существующие между этими уровнями иерархические взаимоотношения. И это с необходимостью должно стать делом элиты в подлинном и наиболее совершенном смысле этого слова, то есть элиты исключительно интеллектуальной, хотя, строго говоря, никакой иной просто не существует.

Эти соображения показывают, что в современной западной цивилизации полностью отсутствуют элементы, необходимые для того,

чтобы она была нормальной и совершенной, как в плане ее реального взаимопонимания с восточной цивилизацией, так и сама по себе. Оба эти вопроса настолько тесно связаны друг с другом, что они составляют, в сущности, один единственный вопрос, и причины этого мы объяснили несколько выше. Теперь нам остается только более подробно показать, в чем состоит суть того антитрадиционного мировоззрения, которым является все сугубо современное мировоззрение; каковы возможные последствия, из него вытекающие и проявляющиеся в безжалостной логике актуальных событий. Но прежде, чем мы приступим к этому, следует сделать еще одно замечание. Быть радикально анти-современным еще не означает быть анти-западным в самом широком смысле этого слова. Напротив, быть анти-современным — это означает предпринимать единственное способное увенчаться успехом усилие по спасению Запада от его собственного вырождения. И любой верный своей традиции человек Востока представляет себе эту проблему точно в таких же терминах, что и мы сами. И совершенно очевидно, что у Запада будет несравнимо меньше врагов, если он перестанет отождествлять себя с современной цивилизацией, так как в этом случае подобная враждебность фактически не имела бы смысла. Однако сегодня чаще говорится именно о защите Запада, и это действительно странно, поскольку, как мы увидим далее, именно Запад в водовороте своей собственной хаотической активности угрожает увлечь в бездну все человечество. Это тем более странно и неправомочно, что подобные защитники Запада, несмотря на некоторые уточнения по этому поводу, хотят защищать Запад также и от Востока, тогда как истинный Восток не помышляет ни о нападении, ни о покорении кого бы то ни было и стремится лишь к тому, чтобы его оставили в покое, дав независимость и предоставив самому себе, что является, безусловно, вполне разумным и обоснованным требованием. Действительно, Запад испытывает необходимость в защите, но лишь в защите от самого себя и от своих собственных тенденций, которые, будучи доведенными до их логического завершения, с неизбежностью приведут его к разрушению и гибели. Вот почему следует настаивать на необходимости реформы Запада, и если такая реформа будет тем, чем она должна быть, то есть истинной реставрацией традиции, в качестве своего естественного следствия она повлечет за собой установление взаимопонимания с Востоком. Мы же, со своей стороны, стремимся по мере наших возможностей способствовать как этой реформе, так и скорейшему установлению взаимопонимания между Востоком и Западом, если для этого еще осталось время, и если есть шанс достичь какого-то положительного результата, прежде чем

произойдет финальная катастрофа, к которой неумолимо приближается современная цивилизация в процессе своего развития. Но даже если сейчас уже слишком поздно для того, чтобы избежать этой катастрофы, любая деятельность, направленная к достижению этой цели, не останется бесплодной, так как в любом случае она поможет подготовить, хотя бы предварительно, процесс того «отделения» плевел от зерен, о котором мы говорили в самом начале, обеспечив при этом сохранность тем элементам, которым предназначено пережить гибель нашего мира и стать зародышем мира грядущего.

Глава 3. ЗНАНИЕ И ДЕЙСТВИЕ

Сейчас мы подошли вплотную к одному из основных аспектов существующего сегодня противостояния восточного и западного сознания. В общих чертах, как уже говорилось выше, мы можем охарактеризовать его как оппозицию традиционного и антитрадиционного мировоззрений. С определенной и наиболее важной для нас в настоящий момент точки зрения, данное противостояние проявляется в форме оппозиции между умозрением и действием, а точнее, в оценке их обоюдной значимости. Соотношение между умозрением и действием может быть рассмотрено под различными углами зрения: либо эти понятия являются противоположностями, как обычно считают, либо они взаимодополняют друг друга. Однако, не следует ли лучше установить между ними отношения иерархической соподчиненности, а не просто взаимосвязи? Таковы различные аспекты этой проблемы, соответствующие различным точкам зрения на этот предмет. Каждая из этих точек зрения правомочна в определенных границах и отвечает определенному уровню реальности, хотя не все они обладают равной значимостью.

Наш разбор мы начнем с рассмотрения наиболее поверхностной и внешней точки зрения, которая радикальным образом, противопоставляет друг другу умозрение и действие, рассматривая их как крайние противоположности, как противоречие. На первый взгляд, такое противоречие действительно существует. Но если бы оно было абсолютным, то умозрение и действие вообще никогда не могли бы сочетаться друг с другом. Однако это не так. В действительности, по меньшей мере, в нормальных случаях, не существует ни одного народа, и, возможно, вообще ни одного человеческого существа, которые были бы либо только деятельными, либо только контемплативными, то есть склонными к чистому умозрению. Хотя повсюду с необходимостью должны наличествовать обе эти тенденции, какая-то из них обязательно будет преобладать, так, что развитие одной неизбежно произойдет за счет другой хотя бы уже потому, что человеческая деятельность, в самом широком смысле этого слова, не может равномерно развиваться во всех направлениях и сферах одновременно. Именно такое положение вещей и создает видимость противоречия, оппозиции. Однако между этими истинными или мнимыми противоположностями в определенном случае все же может быть достигнуто некоторое равновесие. То же самое можно

было бы сказать и обо всех остальных противоположностях, прекращающих быть таковыми, если рассмотреть их с более высокого уровня, нежели тот, на котором их противостояние действительно и реально. Оппозиция, противостояние предполагают дисгармонию и отсутствие равновесия, а это, как мы уже выяснили, в свою очередь, предполагает ограничение исследования частной и относительной точкой зрения.

Рассмотрение умозрения и действия как двух взаимодополняющих тенденций означает переход к более фундаментальной точке зрения, так как в этом случае оппозиция снимается и прекращает существование, а обе тенденции уравновешивают друг друга. Здесь речь идет уже о двух одинаково необходимых элементах, взаимодополняющих и поддерживающих друг друга, являющихся двумя видами активности (внешним и внутренним) единого существа — как отдельного человека, так и всего человечества в целом. Данная концепция более полноценна и приемлема, нежели предыдущая. Но если ею и ограничиться, возникнет искушение причислить и умозрение, и действие, основываясь на их взаимодополняемости, к одному и тому же уровню реальности. В этом случае вопрос об их иерархическом соподчинении останется в стороне, и единственной проблемой будет сохранение равновесия между ними. Однако эта позиция также не вполне удовлетворительна, так как вопрос о соподчинении, как бы на него ни отвечали, так или иначе возникает всегда, что вполне закономерно.

В этой связи важна не столько конкретная склонность той или иной расы или индивидуума к действию или умозрению, так как эта склонность может зависить от определенных расовых особенностей или даже от врожденного темперамента. Самое главное — это установить, какая же из этих двух форм активности обладает законным и абсолютным превосходством, независимо от конкретных обстоятельств, не всегда строго соответствующих нормальным иерархическим пропорциям. Без сомнения, признание превосходства одной из этих двух тенденций должно логически повлечь за собой ее преимущественное развитие за счет другой тенденции, хотя на практике часто все определяется скорее особой склонностью той или иной личности, того или иного народа, а место, отводимое умозрению и действию в жизни человека или народа зависит, в большей степени, от их внутренней предрасположенности. Очевидно, что склонность к умозрению более распространена и более развита на Востоке, и быть может, сильнее всего это сказывается в Индии, вплоть до того, что свойственный ей тип мышления, можно считать праобразом восточного

мышления как такового. С другой стороны, не подлежит сомнению, что склонность к действию, или точнее, тенденция, проистекающая из этой склонности, преобладает среди народов Запада, по меньшей мере, если говорить о подавляющем большинстве его населения. Даже в том случае, если бы эта тенденция и не являлась столь гипертрофированной и извращенной, как в настоящий момент, все равно такое положение сохранилось бы, и умозрение на Западе всегда оставалось бы уделом весьма незначительной в количественном смысле элиты. Поэтому сегодня в Индии бытует мнение, что, если Запад и вернется к нормальному состоянию и восстановит законную и естественную социальную организацию, несомненно, среди людей Запада окажется очень много кшатриев и очень мало брахманов.[9] Однако, если интеллектуальная элита на Западе действительно будет создана, и ее превосходство будет признано всеми остальными, этого окажется достаточно для того, чтобы восстановить порядок во всех остальных областях, так как истинно духовное могущество основывается отнюдь не на количественном превосходстве, имеющем значение лишь в материальной сфере. Кроме того — и это чрезвычайно важно — в древние эпохи, и даже в Средневековье, естественная склонность западных людей к действию отнюдь не мешала им признавать превосхоство умозрения, то есть чистого интеллекта. Почему же в современном мире это совсем не так? Не потому ли, что люди Запада утратили свой интеллект, чрезмерно развивая склонность к действию, вплоть до того, что изобрели особые теории, ставящие действие превыше всего остального и доходящие, как это произошло в рамках прагматизма, до отрицания каких-либо иных ценностей, кроме самого этого действия? Или изначальное признание приоритета точки зрения о превосходстве действия над умозрением само собой привело Запад к той атрофии интеллектуальных способностей, которую мы наблюдаем сегодня? В обоих случаях — и даже в том случае, если истинным является какое-то промежуточное решение — результаты остаются одними и теми же. И дела здесь зашли настолько далеко, что реагировать на это необходимо немедленно. В этом вопросе — повторим это еще раз — Восток мог бы оказать Западу неоценимую услугу, разумеется, если этого захочет сам Запад, — причем, отнюдь не навязывая своих собственных концепциий, как того боятся отдельные авторы, а лишь помогая заново открыть глубинный смысл его собственной, сугубо западной традиции.

Актуальное противоречие между Востоком и Западом основывается на том, что Восток утверждает безусловное превосходство умозрения над действием, а современный Запад, напротив, превосходство действия над

умозрением. В данном случае речь не идет о двух в равной степени правомочных точках зрения, соответствующих одному из второстепенных уровней реальности, как это имеет место при определенных обстоятельствах, когда действие и умозрение, будучи коррелированными между собой, взаимодополняют друг друга. Отношения иерархического соподчинения по самой своей сути являются строго определенными, и в настоящих условиях мы вынуждены утверждать, что обе концепции, господствующие, соответственно, на Востоке и на Западе, являются действительно взаимоисключающими и отрицающими друг друга. В том случае, если мы признаем необходимость установления между этими двумя тенденциями иерархических соотношений, мы вынуждены считать один из возможных вариантов такого соподчинения истинным, а другой — ложным. Прежде, чем углубиться в этот вопрос, заметим следущее: положение дел, характерное для современного Востока, как мы заметили выше, можно встретить во все времена и во всех цивилизациях, тогда как западная точка зрения является сугубо современной. Уже одного этого достаточно, чтобы предположить, что в западной позиции есть нечто анормальное. Это впечатление подтверждается и гипертрофированным увлечением западных людей стремлением к действию вплоть до того, что, не удовлетворяясь провозглашением превосходства действия над умозрением, они сделали его единственным ориентиром своей интеллектуальной деятельности, полностью забыв об умозрении, подлинная природа которого отныне для них совершенно недоступна, и более того, неинтересна. Восточные же доктрины, со своей стороны, напротив, утверждая со всей возможной ясностью и однозначностью не только превосходство умозрения, но и его трансцендентность по отношению к действию, тем не менее, признают и за действием его особые и законные права и полномочия, а также его значимость во всем, что касается сугубо человеческого и обусловленного уровня.[10]

Все восточные доктрины без исключения, равно как и древние доктрины Запада, утверждают превосходство умозрения над действием, превосходство того, что неизменно, над тем, что подвержено изменению.[11] Действие, будучи преходящей и временной модификацией бытия, не может нести в самом себе свой принцип и свою собственную причину. Если же оно вообще не зависит ни от какого принципа, выходящего за пределы этой обусловленной сферы, то оно является лишь чистой иллюзией. Принцип же, сообщающий действию всю реальность его существования, а также обеспечивающий возможность этого

существования, следует искать лишь в сфере умозрения или в области чистого знания, так как чистое знание и умозрение суть синонимы, или по меньшей мере, они сущностно совпадают друг с другом, так как чистое знание, обретаемое в процессе умозрения, невозможно отделить от самого этого процесса.[12] Подобным образом изменение, в самом широком смысле слова, является совершенно неразумным и противоречивым, а значит, и вовсе невозможным без своего принципа, из которого оно проистекает и который, со своей стороны, не может быть подверженным самому этому изменению, то есть является неизменным. Исходя именно из такой логики представители традиционного Запада, в частности, Запада античного (к примеру, Аристотель) утверждали, что должен существовать "недвижимый двигатель" всех вещей. "Недвижимым двигателем" всякого действия является знание. Действие полностью принадлежит к миру изменения и «становления». Только знание позволяет выйти за рамки ограниченности этого мира, и когда оно достигает сферы неизменного, то есть становится знанием чисто метафизическим, знанием самого Принципа, то есть Знанием в самой глубине своей сущности, оно само становится неизменным, так как всякое подлинное знание состоит в отождествлении с объектом этого знания, и в данном случае с самим Принципом. Именно это упускают из виду современные люди: они не признают ничего кроме чисто рассудочного, дискурсивного знания, которое, будучи лишь "отраженным знанием", с необходимостью является косвенным и несовершенным. Но и это низшее знание они ценят все меньше и меньше и лишь в той степени, в какой оно способно служить осуществлению какой-то непосредственной практической цели. Полностью захваченные действием, вплоть до заведомого отрицания всего, что выходит за его пределы, современные люди не замечают, как вырождается само это действие, превращаясь, за недостатком принципа, в тщетную и пустую суету.

В действительности, одной из самых подозрительных особенностей современного мира является потребность в нескончаемой деятельности, в бесконечных изменениях, в погоне за скоростями, в стремлении поспеть за все убыстряющимся ритмом разворачивающихся событий. Это — количественное рассеяние во множественности, которая более не объединена никаким осознанием высшего Принципа. В повседневной жизни, равно как и в научных идеях, мы повсюду видим анализ, доведенный до предела, анализ в этимологическом смысле этого слова, то есть разделение, разложение, бесконечную дезинтеграцию человеческой деятельности во всех ее разновидностях. Эта неспособность западных

людей к синтезу и концентрации является в глазах людей Востока чертой шокирующей. Это — естественный и логичный результат все возрастающего материализма, так как сама материя есть множественность и разделение. И вот почему, заметим по ходу дела, все, проистекающее из сферы материи, может породить лишь ссоры и конфликты между различными народами или личностями. Чем глубже нисхождение в материю, тем больше и сильнее противоречия. С другой стороны, чем выше подъем к чистой духовности, тем ближе к единству, которое может быть полностью реализовано только в знании универсальных Принципов.

Но еще более удивительно то, что движение и изменение прославляются сегодня ради них самих, а не ради той цели, к которой они должны были бы привести. Такое положение вещей проистекает из полного вовлечение человеческих способностей во внешние действия, чей скоротечный характер мы отметили выше. Здесь снова мы сталкиваемся с рассеянием, но только видимым под иным углом зрения и достигшим более критической стадии: эту тенденцию можно описать как стремление к максимальной степени преходящести, скоротечности, которое имеет своим пределом чистое отсутствие всякого равновесия. Когда такое отсутствие равновесия реализуется до конца, оно совпадет с окончательным растворением данного мира. И это является совершенно прозрачным указанием на то, что последняя фаза Кали-юги уже наступила.

Подобную тенденцию можно заметить и в научной сфере, где исследования зачастую ведутся гораздо в большей степени исключительно ради них самих, нежели ради каких-то частных и фрагментарных результатов. Здесь мы также наблюдаем все убыстряющуюся смену необоснованных теорий и гипотез, создаваемых лишь для того, чтобы тут же смениться другими, имеющими еще более короткий срок существования. Это порождает подлинный хаос, в котором тщетно искать какие бы то ни было твердые принципы, так как здесь все сводится к чудовищному накоплению ничего не значащих и ничего не доказывающих деталей и фактов. Естественно, мы имеем в виду лишь теоретические науки, конечно, если такие еще существуют. Прикладные науки, напротив, дают действительные результаты, и это понятно, поскольку эти результаты имеют отношение непосредственно к области материи, то есть к единственной области, где современный человек может похвастаться подлинным превосходством. Поэтому следует предвидеть, что открытий, а точнее, механических и промышленных изобретений с каждым днем будет становится все больше и больше вплоть до конца данного цикла. И кто знает, не явятся ли разрушительные возможности, которые им

сопутствуют, одним из главных факторов в последней катастрофе, если события достигнут той стадии, когда избежать ее будет уже невозможно?

Во всяком случае, многие сегодня чувствуют, что в настоящем положении дел больше нет никакой стабильности. И хотя кое-кто, предвидя опасность, старается на нее как-то реагировать, большинство наших современников вполне довольны актуальным смешением, в котором они видят экстериоризированный образ своего собственного мышления. На самом деле существует глубокое родство между миром, в котором все находится в состоянии «становления», где нет места ничему неизменному и постоянному, и состоянием сознания современных людей, усматривающих всю реальность в этом «становлении», и отрицающих тем самым всякое подлинное знание, равно как и сам объект такого знания, то есть трансцендентные и универсальные Принципы. Можно пойти еще дальше и сказать, что в этом заключается отрицание всякого подлинного знания, к какому бы относительному уровню оно ни принадлежало, так как, согласно вышеприведенным объяснениям относительное неразумно и даже невозможно без абсолютного, обусловленное — без необходимого, изменяемое — без неизменного, а множественное — без единственного. «Релятивизм» противоречив в самом себе, так как, если следовать его логике, стремление все свести к изменению рано или поздно приведет к отрицанию самого изменения. И это, в сущности, лежит в основании знаменитого парадокса Зенона Элейского. Однако, не желая грешить против истины, мы вынуждены признать, что подобные теории встречаются не только в современную эпоху. Подтверждения этому можно найти и в греческой философии. Так, широко известна фраза Гераклита о том, что "все течет, все изменяется". Именно эта идея заставила элейскую школу полемизировать с его концепциями, равно как и с концепциями атомистов, путем доведения их до абсурда. Нечто подобное можно найти даже в самой Индии, хотя, конечно, в ином, нефилософском контексте. Так, буддизм развивал подобные представления в одном из своих основных тезисах о "растворимости всех существ".[13] Однако подобные теории были лишь исключениями, и такие революции против традиционного мировоззрения, случавшиеся время от времени в течение всего периода Кали-юги, не имели дальнейшего распространения. Новым же и беспрецедентным является то всеобщее приятие этих идей, которое мы наблюдаем на современном Западе.

Следует также заметить, что под влиянием новейшей идеи «прогресса» "философия становления" приобрела сегодня форму теории, вообще никогда не встречавшейся у древних. Эта форма со всеми ее

возможными вариациями может быть названа общим термином — «эволюционизм». Мы не будем повторять здесь то, что уже сказали по этому поводу в другом месте. Следует лишь напомнить, что всякая концепция, признающая только мир "становления," с необходимостью является «натуралистической» концепцией, и как таковая, предполагает отрицание всего того, что лежит по ту сторону природы, то есть всей сферы метафизики, сферы неизменных и вечных Принципов. Говоря об анти-метафизических теориях, мы должны также указать на то, что идея Бергсона о "чистой длительности" точно соответствует той идее рассеивания в предельной преходящести, мгновенности, спонтанности, о которой мы упоминали ранее. И его псевдо-интуиция, смоделированная в соответствии с нескончаемым потоком чувственных вещей, не только не может быть инструментом для приобретения какого-то знания, но представляет собой на самом деле расстворение всякого возможного знания.

Это заставляет нас еще раз повторить то, что во всем этом является самым существенным, и в чем не должно оставаться ни малейшей двусмысленности: интеллектуальная интуиция, благодаря которой только и возможно достижение истинно метафизического знания, не имеет абсолютно ничего общего с интуицией, разбираемой некоторыми современными философами. Их интуиция принадлежит к чувственной сфере, к сфере под-рассудочной, субрациональной, тогда как интеллектуальная интуиция, являясь чистым интеллектом, сверх-рассудочна, супра-рациональна. Но современные люди Запада, не зная в сфере мышления никаких более высоких категорий, чем рассудок, рацио, даже не подозревают о существовании этой интеллектуальной интуиции, тогда как античные и средневековые доктрины, даже узко философского характера (а значит, не способные до конца овладеть этой интуицией), тем не менее, открыто признают ее существование и ее превосходство надо всеми остальными качествами. Вот почему до Декарта никогда не существовало рационализма, так как рационализм есть явление сугубо современное, и помимо всего прочего, тесно связанное с индивидуализмом, отрицающим любые качества сверх-индивидуального порядка. Пока люди Запада будут пребывать в неведении относительно интеллектуальной интуиции и упорствовать в ее отрицании, у них никогда не будет традиции в полном смысле этого слова, и они никогда не смогут достичь взаимопонимания с подлинными представителями восточных цивилизаций, в которых все непосредственно основывается на этой интуиции, неизменной и непреходящей в самой себе и служащей

отправной точкой для всякого действия, происходящего в полном согласии с традиционными нормами.

Глава 4. НАУКА САКРАЛЬНАЯ И НАУКА ПРОФАНИЧЕСКАЯ

Выше мы показали, что в традиционных цивилизациях в основе всего лежит интеллектуальная интуиция. Иными словами, в таких цивилизациях самым существенным является чисто метафизическая доктрина, а все остальное проистекает из нее либо как прямое следствие, либо как вторичное приложение к тому или иному частному уровню реальности. Это справедливо не только в отношении социальных институтов, но и в отношении наук, то есть тех форм знания, которые принадлежат сфере относительного, и которые в традиционных цивилизациях рассматриваются как продолжение или отражение знания абсолютного и принципиального. Таким образом, истинная иерархия сохраняется там везде и во всем. Все относительное, в свою очередь, отнюдь не считается чем-то несуществующим (это было бы откровенным абсурдом) и учитывается в той мере, в какой это необходимо. Однако при этом оно ставится на надлежащее место, то есть рассматривается как нечто сугубо второстепенное и подчиненное. И в самой этой области относительного существуют различные степени реальности, определяющиеся тем, насколько далеко от сферы Высших Принципов располагается та или иная вещь.

Итак, в отношении науки мы имеем два радикально различных и несовместимых друг с другом подхода, две противоположные концепции, которые можно назвать, соответственно, традиционной концепцией и концепцией сугубо современной. Мы уже имели случай упомянуть о "традиционных науках", которые существовали в античности и в Средние Века, и которые продолжают существовать на Востоке еще и сегодня, хотя современным западным людям подобный факт чаще всего неизвестен. Следует добавить, что каждая традиционная цивилизация имела свои особые разновидности традиционных наук, и этот факт объясняется тем, что здесь мы имеем дело не с универсальными принципами, как в случае чистой метафизики, а с их частными применениями. Поскольку вся данная область по определению является обусловленной, следует всегда принимать в расчет всю совокупность конкретных обстоятельств, связанных с особенностями мышления и другими особенностями каждого конкретного народа, а кроме того специфику циклического периода

истории этого народа. Как мы уже видели выше, иногда для исправлению этих обстоятельств необходимо определенное внешнее вмешательство. Подобное вмешательство, впрочем, изменяет только внешние формы и не затрагивает сущности традиции: в случае с метафизической доктриной модификации может быть подвергнута только специфическая форма ее выражения, что можно было бы уподобить ее переводу с одного языка на другой. Какой бы ни была эта специфика выражения, следует сказать, что существует только одна единственная метафизика, равно как и одна единственная истина. Но все меняется, когда мы переходим в сферу приложений метафизических принципов — во всем, что касается науки, а также социальных институтов, мы находимся уже в мире множества и многообразия форм. Эти различные формы выражения единой истины и составляют основу различных традиционных наук, даже в том случае, если некоторые из этих наук имеют один и тот же предмет. Логики утверждают, что наука полностью определяется предметом своего изучения, но эта чрезмерно упрощенная точка зрения является неадекватной. Сама позиция, с которой предмет изучается, также довольно значительно влияет на определение сущности науки. Число возможных наук не имеет предела, и науки, изучающие один и тот же предмет с различных точек зрения, используют подчас настолько различные методы, что в действительности их необходимо выделять в совершенно отдельные категории. Особенно это касается сходных традиционных наук различных цивилизаций, которые, несмотря на близость, не могут быть полностью отождествлены друг с другом и поэтому названы одним и тем же именем. Но еще неизмеримо дальше, чем далекие друг от друга традиционные науки, имеющие все же, по меньший мере, фундаментально единый характер, отстоят традиционные науки, взятые в целом, от того, что принято считать науками в современном мире. Уже при самом поверхностном подходе становится очевидным, что один и тот же предмет изучения в обоих случаях рассматривается, исходя из совершенно различных предпосылок. А при ближайшем анализе между такими науками невозможно найти вообще ни одной общей черты.

Было бы весьма уместно пояснить наши идеи несколькими примерами. Начнем с наиболее общей дисциплины — «физики», и покажем, как ее понимали древние и как ее понимают современные люди. Огромная разница очевидна здесь даже в том случае, если мы останемся в границах западного мира. Термин «физика» в его изначальном и этимологическом смысле значит дословно "наука о природе". Эта наука занимается наиболее общими законами «становления», так как

«становление» и «природа» — синонимы, и именно так греки, и в частности, Аристотель, понимали эту науку. Более специализированные науки, исследующие эту же сферу реальности, являются «спецификациями» физики применительно к той или иной более узкой области. Уже здесь заметно извращение смысла слова «физика» в современном мире, так как сегодня оно означает лишь одну частную науку среди многих других, которые, в свою очередь, также являются науками о природе. В этом можно увидеть ярчайший пример дробления, вообще характерного для современной науки: «специализация», порожденная аналитическим складом ума, дошла до такой степени, когда люди, испытавшие на себе ее влияние, уже не способны более даже представить себе науку, занимающуюся всей природой как таковой. Определенные неудобства, связанные с этой специализацией, часто привлекают к себе внимание, поскольку она неизбежно в качестве следствия влечет за собой узость воззрений. Но даже те, кто подмечают это обстоятельство, тем не менее, соглашаются принять его как неизбежное зло, порожденное таким накоплением детального знания, что усвоить его целиком не представляется возможным. С одной стороны, им не приходит в голову, что детальное знание само по себе не имеет никакой ценности и никак не опрадывает отказ от того синтетического знания, которое должно было бы сложиться на его основе, так как, оставаясь ограниченным сферой относительного, синтетическое знание, тем не менее, стоит значительно выше знания простых фактов и деталей. С другой стороны, от них ускользает то обстоятельство, что сама невозможность объединить множество деталей и фактов проистекает из упорного нежелания сводить их к высшему принципу и из настойчивого стремления начинать всякое исследование снизу и извне, тогда как для придания науке подлинной умозрительной ценности совершенно необходимо использовать прямо противоположный подход.

Если сравнить античную физику с современной, но не как с наукой, известной современным людям под этим именем, а как со всей совокупностью естественных наук (а именно это и является приблизительным эквивалентом физики античной), сразу бросится в глаза, до какой степени она подверглась дроблению на множество "специальных наук", довольно далеко отстоящих друг от друга. Однако это лишь наиболее внешняя сторона вещей, и не следует рассчитывать, что, объединив между собой все эти отдельные науки, можно получить некий действительный аналог античной физики. На самом деле в этих двух случаях различие, в сущности, состоит в глубочайшем расхождении между

двумя подходами, о которых мы говорили выше. Традиционный подход обязательно возводит все науки к принципам, частными приложениями которых они и являются. Но именно от подобного возведения категорически отказывается подход современный. Для Аристотеля физика по отношению к метафизике была вторичной, а значит, зависела от метафизики и являлась применением к сфере природы принципов, стоявших над природой и лишь отражавшихся в ее законах. То же самое можно было бы сказать и о средневековой космологии. Современный подход, напротив, стремится утвердить независимость наук от чего бы то ни было, отрицая все, что выходит за их пределы, или по меньшей мере, объявляя это «запредельное» «непознаваемым», а значит, отказываясь на деле с ним считаться. Подобное отрицание существовало на практике задолго до того, как его попытались оформить в систематизированную теорию под именем «позитивизма» и «агностицизма», и можно сказать, что оно было отправной точкой всей современной науки. И однако лишь в 19-ом столетии люди открыто начали кичиться своим невежеством (так как называть себя «агностиком» это все равно что открыто провозглашать себя "невеждой"), и более того, отказывать другим в возможности обладания знанием, пути к которому для них самих оказались закрытыми. И это было еще одним признаком прогрессирующей интеллектуальной деградации Запада.

Стремление полностью оторвать науку от каких бы то ни было высших принципов под предлогом гарантий ее независимости, свойственное для сугубо современного подхода, лишает эту науку всякого глубокого смысла и даже всякого интереса, с точки зрения познания. Это может привести только к полному тупику, к заключению науки в безнадежно зауженной сфере.[14] Кроме того, всякое развитие в сфере такой науки отнюдь не ведет к углублению знаний, как это иногда полагают. Напротив, оно остается чисто поверхностным и сводится лишь к упомянутому нами расстворению в деталях или к громоздкому, но бесплодному аналитизму, занятие которым можно продолжать сколь угодно долго без того, чтобы хотя бы на шаг приблизиться к истине. Надо добавить также, что западные люди, как правило, занимаются так называемой наукой отнюдь не ради нее самой: их основной целью является не чистое знание, какого бы низкого уровня оно ни было, но лишь возможность практического использования, в чем можно убедиться, судя по той легкости, с какой наши современники объединяют науку с промышленностью, а также по распространенной среди большинства привычке делать из инженера типичного представителя науки. Но это уже

связано с другим вопросом, который мы разберем несколько позже.

В своем актуальном виде наука потеряла не только всякую глубину, но и всякую стабильность. Будучи ранее соединенной с принципами, наука разделяла с ними их неизменность в той мере, в какой это позволял изучаемый ею предмет. Сегодня, будучи оторванной от принципов и занимаясь исключительно постоянно изменяющимся миром, она не может более найти в себе никакой твердой опоры, никакого стабильного основания. Если прежде она покоилась на абсолютной уверенности, то сегодня она имеет дело лишь с возможными и приблизительными, чисто гипотетическими конструкциями — продуктами обыкновенной индивидуальной фантазии. Более того, если современная наука, следуя своими окольными путями, и приходит к согласию в том или ином пункте с докринами древних традиционных учений, совершенно не верно было бы рассматривать это согласие как знак подтверждения современной наукой этих традиционных учений, так как последние ни в чем подобном не нуждаются. И совершенно тщетными являются любые попытки примирить между собой эти различные точки зрения или установить соответствия между концепциями традиции и чисто гипотетическими теориями, имеющими все шансы быть дискредитированными в самом недалеком будущем.[15] В рамках современной науки любое утверждение остается чисто гипотетическим, тогда как постулаты наук традиционных, проистекая в качестве безусловных следствий из истин метафизического порядка, постигаемых при помощи интеллектуальной интуиции, а значит, строго и однозначно, обладают совершенно иным, абсолютно достоверным характером.[16]

Современная страсть к экспериментам порождает иллюзию, что теорию можно доказать с помощью фактов, тогда как на самом деле одни и те же факты можно легко объяснить с помощью самых различных теорий, и даже такие ярые поборники экспериментальных методов, как Клод Бернар и т. д., сами признают, что факты могут быть интерпретированы только с помощью заранее составленных представлений, без которых они вынуждены оставаться "грубыми фактами", лишенными всякого смысла и всякой научной ценности.

Раз мы уже заговорили об «экспериментализме», следует использовать эту возможность для ответа на один возникающий в этой связи вопрос: почему экспериментальные науки получили столь широкое развитие именно в современной цивилизации, а не в каких либо других? Причина этого кроется в том, что эти науки связаны с миром чувственного

восприятия, с миром материи, и особенно предрасположены к его чисто практическому использованию. Их развитие, идущее рука об руку с тем, что можно назвать "суеверием фактов", точно соответствует сугубо современным тенденциям, тогда как в предшествующие эпохи не было заинтересованности в подобных занятиях до такой степени, чтобы ради них отказаться от знаний высшего порядка. Следует заметить, что в принципе ни один вид знания, даже самый низший, сам по себе не может рассматриваться как нечто неправомочное. Неправомочным является лишь злоупотребление занятиями второстепенными видами наук в ущерб основным и принципиальным областям знания и такое развитие этих второстепенных наук, которое способно подчинить себе все виды человеческой деятельности, а именно это и происходит сегодня. Теоретически и в нормальной цивилизации можно допустить существование наук, основывающихся на экспериментальных методах, но при этом так же, как и все другие науки, сохраняющих связь с принципами и потому обладающих реальной умозрительной ценностью. Мы не видим этому реальных примеров лишь потому, что основное внимание уделяется там иным проблемам, и даже если речь идет об исследованиях чувственного мира (в той степени, в какой это может представлять действительный интерес), учения традиции позволяют осуществить их гораздо успешнее с помощью иных методов и иных подходов.

Выше мы отметили, что одной из характеристик современной эпохи является использование всех тех вещей, которые ранее вообще отбрасывались, считаясь совершенно не важными и поэтому не заслуживающими того, чтобы расходывать на них время и энергию людей. Но и эти вещи перед концом цикла должны быть реализованы, так как и они имеют свое место среди всего комплекса возможностей, заложенных в самом цикле. Так обстоит дело и с экспериментальными науками, зародившимися в последние столетия. Существует ряд современных наук, в полном смысле слова являющихся «останками» древних наук, истинное понимание которых давно утрачено. В период упадка этих наук их низшие стороны отделялись от всего остального, и подвергшись грубой материализации, становились точкой отсчета для развития в совершенно другом направлении, соответсвующем сугубо современным тенденциям. Так возникали новые науки, потерявшие какую бы то ни было связь с предшествующими. Совершенно неверно, к примеру, рассматривать астрологию и алхимию как науки, развившиеся постепенно в современную астрономию и современную химию, хотя, с чисто исторической точки зрения, доля правды в этом есть. Эта доля правды сводится к тому, что эти

современные науки вышли из предшествующих им наук не в ходе «эволюции» или «прогресса», но, наоборот, в результате глубокого вырождения последних. Следует остановиться на этом подробнее.

Прежде всего следует заметить, что наделение различными значениями слов «астрология» и «астрономия» началось сравнительно недавно. Древние греки использовали оба этих термина для обозначения некоей единой области, позднее превратившейся в объект изучения двух наук — астрологии и астрономии. Здесь мы вновь сталкиваемся с возникшим в результате специализации разделением одной и той же науки на несколько частей, — в данном случае с той лишь разницей, что одна из частей, представляющая наиболее материальную сторону этой науки, получила независимое развитие, а другая, напротив, совершенно исчезла. И действительно, сегодня никто более не знает, чем на самом деле была древняя астрология, и все попытки возродить эту науку привели пока лишь к созданию явной пародии на нее. Сегодня некоторые стремятся даже превратить астрологию в сугубо современную экспериментальную науку, основанную на статистике и исчислении вероятностей, то есть использующую методы, абсолютно не свойственные и глубоко чуждые духу Античности и Средневековья. Другие готовы ограничиться лишь возрождением "гадательного искусства", которое действительно существовало ранее, но являлось при этом уже извращением астрологии, ее упадком или, в лучшем случае, самым заниженным и не заслуживающим никакого серьезного внимания применением ее методов (такое пренебрежительное отношение к подобному использованию астрологических методов можно увидеть в цивилизациях Востока и сегодня).

Случай химии, быть может, является еще более показательным и характерным. Современное невежество в отношении алхимии ничуть не уступает невежеству в отношении астрологии. Истинная алхимия была наукой сущностно космологического порядка, применимой, впрочем, и к человеческому уровню по принципу аналогии, существующей между «макрокосмом» и «микрокосмом». Кроме того, алхимия была изначально предрасположена к перенесению ее учений и на чисто духовный уровень, и это сообщало ей еще более высокий смысл и делало ее одной из наиболее типичных и совершенных традиционных наук. Современная химия, не имеющая ни малейшего отношения к этой науке, развилась отнюдь не из нее. Химия — это лишь результат разложения и извращения алхимии, начавшихся только в Средние Века благодаря полной некомпетентности определенных ученых, не способных постичь истинное значение символов

и воспринявших алхимические доктрины буквально. Посчитав, что речь идет только о материальных операциях, эти люди занялись более или менее хаотическим экспериментаторством. Именно подобные персонажи, которых истинные алхимики иронически называли «суфлерами» ("раздувателями") или "прожигателями угля", и были подлинными предшественниками современных химиков. Таким образом, вся современная наука основана на руинах более древних наук, на останках, отторгнутых ими и оставленных в распоряжение невежд и «профанов». Добавим, что так называемые "современные реставраторы алхимии" суть не более, чем продолжатели того же самого извращения, которое началось еще в Средние Века, и их искания так же далеки от сферы истинно традиционной алхимии, как современные астрологи далеки от астрологов древности. Вот почему мы с полным основанием можем утверждать, что сегодня традиционные науки Запада действительно совершенно утрачены современными людьми.

Мы ограничимся этими двумя примерами, хотя нетрудно было бы привести и множество других из разных областей науки, повсюду вскрывающих признаки того же самого вырождение. Можно было бы показать, что психология в ее сегодняшнем понимании, то есть наука, изучающая специфически ментальные феномены, является естественным продуктом англо-саксонского эмпиризма и предрассудков 18-го века. Сама сфера исследований этой науки представлялась для древнего мира столь незначительной, что, даже если там иногда и принимались во внимание некоторые аспекты психологического уровня, никому и в голову не приходило основывать на этом специальную науку, так как все теоретические элементы, имеющие там какую бы то ни было ценность, содержались в доктринах несравнимо более высокого порядка. Так же легко было бы показать, что современная математика является лишь внешней оболочкой, «экзотерической» стороной пифагорейской математики. Древняя идея числа стала совершенно непонятной современным людям, поскольку и здесь высшие аспекты науки, придававшие ей истинно традиционный характер и вместе с тем подлинно интеллектуальную ценность, полностью исчезли. Этот случай сопоставим со случаем астрологии. Перечислять все подобные примеры было бы довольно утомительным занятием, и мы считаем, что сказали достаточно для того, чтобы ясно показать сущностный характер трансформаций, лежащих в основе современных наук и представляющих собой процессы, прямо противоположные так называемому "прогрессу," и даже, напротив, предполагающие глубочайший интеллектуальный регресс. Теперь же мы

обратимся к соображениям более общего порядка, касающимся истинной цели традиционных и современных наук, чтобы показать до какой степени в обоих случаях эти цели различны.

Согласно традиции, всякая наука представляет интерес не столько сама по себе, сколько как продолжение или вторичное приложение доктрины, чья наиболее существенная часть относится к области метафизики.[17] Хотя каждая наука остается правомочной, пока она занимает надлежащее место в иерархии знаний в соответствии с ее внутренней природой, легко понять, что для обладателя знания высшего порядка знание низшего порядка не может представлять особого интереса. Такое знание низшего порядка ценно лишь в качестве «функции» от высшего знания, то есть лишь в той степени, в которой оно может отражать высшее знание в конкретной обусловленной сфере или служить путем к нему. При этом само высшее знание никогда не должно исчезать из виду или приноситься в жертву каким бы то ни было случайным обстоятельствам.

Традиционные науки выполняют две взаимодополняющие функции. С одной стороны, выступая в качестве конкретного приложения доктрины, они позволяют связать между собой различные уровни реальности и привести их к единству в универсальном синтезе; с другой — они являются (по крайней мере, для определенного типа людей с соответствующими индивидуальными наклонностями) своего рода подготовительным этапом для получения высшего знания и путем к нему. При этом, согласно их иерархическому расположению на соответствующих уровнях реальности, эти науки образуют ступени, по которым можно подняться к высшему уровню чистой духовности, чистого интеллекта.[18] Совершенно очевидно, что современная наука ни в коей мере не может служить подобным целям. Поэтому все ее разновидности суть не более, чем "профанические науки", тогда как науки традиционные, благодаря их связи с метафизическими принципами, действительно составляют единую "священную науку" — "науку сакральную".

Сосуществование двух функций сакральных наук не содержит в себе никакого противоречия или порочного круга, как это могло бы показаться при поверхностном подходе к данной проблеме. Тем не менее данный вопрос нуждается в дополнительном исследовании. Эту проблему можно прояснить, указав на существование двух различных подходов, один из которых может быть назван «восходящим», другой — «нисходящим». Первый подход предполагает развертывание процесса познания,

отправляясь от самих принципов, путем постепенного удаления от них в сторону все более частных и конкретных уровней реальности. Второй подход ориентирован на постепенное приобретение знаний, на движение от низшего уровня к высшему или от внешнего к внутреннему. Поэтому вообще не следует задаваться вопросами, надо ли двигаться сверху вниз или снизу вверх, должна ли наука основываться на знании принципов или на знании чувственного мира, так как подобные противопоставления вообще не имеют смысла. Данная дилемма могла возникнуть лишь в контексте "профанической философии", где она впервые в ярко выраженном виде проявилась у древних греков. Однако такой дилеммы не существует в "сакральной науке", основывающейся исключительно на универсальных принципах. Причина этого состоит в том, что "сакральная наука" исходит из фактора интеллектуальной интуиции, которая является самой непосредственной и самой высшей формой знания, так как совершенно не зависит от каких-либо видов чувственного восприятия, равно как и от сугубо рационального мышления. Чтобы быть действительно сакральными, науки должны создаваться лишь тем, кто обладает знанием принципов в полной мере, и кто тем самым уполномочен применять эти принципы к конкретным временным и пространственным обстоятельствам в строгом соответствии с традиционной ортодоксией. Но когда подобные науки уже разработаны в соответствии с этими нормами, их изучение может проходить и в обратном порядке. В этом случае они служат как бы «иллюстрациями» чистой доктрины, которую делают более понятной людям определенного типа мышления. Уже тот факт, что сакральные науки принадлежат к миру множественности, предполагает в них неопределенно большое количество разных подходов, соответствующих различным врожденным индивидуальным предрасположенностям существ, ограниченных этим миром множественности. Пути, ведущие к знанию, могут быть чрезвычайно различны на низших уровнях реальности, но они все более и более сближаются друг с другом при достижении высших уровней. Однако это не означает, что все промежуточные уровни совершенно необходимы, так как они суть не что иное, как обусловленные методы, не имеющие общей меры с конечной целью. Определенные люди, в которых тенденция к умозрению преобладает, могут непосредственно достичь уровня интеллектуальной интуиции, не прибегая к подобным средствам.[19]

Но они являются исключениями, и в обычном случае следует признать необходимость постепенного подъема от уровня к уровню. Эту проблему можно проиллюстрировать с помощью традиционного символа

"космического колеса": окружность реальна только благодаря ее центру, но существа, находящиеся на этой окружности, должны начинать именно с нее самой, а еще точнее, с той точки, в которой они пребывают в данный момент, чтобы затем последовать к центру по радиусу. Более того, благодаря закону соответствий, существующих между всеми уровнями реальности, истины низшего порядка могут быть рассмотрены как символы истин высшего порядка и служить «опорами» для понимания самих этих высших истин. Вот почему любая наука может стать сакральной, приобретя высшее, «анагогическое» значение — более глубокое, нежели то, которая она имеет сама по себе.[20]

Как мы уже отмечали, каждая наука, независимо от того, какой предмет она изучает, может стать сакральной при том условии, что она устроена и практикуется в согласии с нормами традиции. Следует, однако, всегда учитывать соотношение между теми или иными науками, связанное с иерархическим статусом тех уровней реальности, которые эти науки изучают. Но к какому бы уровню реальности они ни относились, и их характер, и их функции всегда в своей сути сопряжены с соответствующими традиционными доктринами. То же самое можно сказать не только о науках, но и о различных видах искусств, так как каждый традиционный вид искусства имеет истинно символическую ценность, позволяющую ему служить «опорой» для медитации, поскольку каноны в искусстве, подобно законам в науках, являются отражениями и адаптациями определенных метафизических принципов. Поэтому в каждой нормальной цивилизации существовали «традиционные», «сакральные» искусства, о которых современный Запад не имеет ни малейшего представления так же, как и о традиционных, сакральных науках.[21] На самом деле, всецело "профанической сферы", которую можно было бы с полным основанием противопоставить "сфере сакрального", вообще не существует. Существуют лишь "профаническая позиция", "профаническая точка зрения", "профанический подход", которые тождественны чистому невежеству и отсутствию каких бы то ни было истинных знаний.[22] Это объясняет, в частности, причину частого использования астрономического символизма в различных традиционных учениях, и это замечание позволяет понять истинный смысл древней астрологии.

По этой причине современная "профаническая наука" может быть с полным основанием названа "невежественным знанием", знанием нижайшего порядка, ограниченным нижайшим уровнем реальности при полном неведении относительно того, что лежит по ту сторону этого

уровня. У этой науки нет никакой высшей цели и никакого высшего принципа, которые были бы достаточным основанием для того, чтобы отвести ей пусть самое скромное, но законное место в общем комплексе подлинного знания. Безнадежно замкнувшаяся в относительной и узкой области, в которой она стремится объявить себя независимой, и поэтому обрывающая все связи с трансцендентной истиной и высшим знанием, эта наука есть лишь пустое и иллюзорное псевдо-знание, никуда не ведущее и ни на чем не основанное.

Этот обзор показывает, какова степень падения современного мира в области науки, и делает очевидным тот факт, что сама эта наука, которой так гордятся наши современники, есть не что иное, как извращение и вырождение подлинной науки, коей является для нас наука традиционная и сакральная. Современная наука, возникшая из неправомерного ограничения всей сферы знания одной лишь узкой областью (причем областью самой низшей среди всех уровней реальности, областью материальной и чувственной), потеряла в результате такого ограничения и его логически неизбежных последствий всякую интеллектуальную ценность. Следует еще раз напомнить, что понятие «интеллектуальный» здесь, как и везде в традиционных текстах, надо понимать в его наиболее глубинном и истинном смысле, вопреки рационалистскому предубеждению, отождествившему чистый интеллект с рассудком и отрицающему тем самым интеллектуальную интуицию. Корень данного заблуждения, равно как и многих других современных предрассудков, совпадает с причиной описанного нами выше вырождения науки: он может быть определен одним словом — «индивидуализм», то есть подход, целиком тождественный наиболее общей форме антитрадиционного подхода в целом. Именно проявления индивидуализма в самых различных областях и составляют важнейший фактор того хаотического состояния, которое свойственно нашей эпохе. Поэтому сейчас мы и перейдем к более подробному рассмотрению индивидуализма.

Глава 5. ИНДИВИДУАЛИЗМ

Под индивидуализмом мы понимаем отрицание всякого принципа, превышающего уровень человеческой индивидуальности, а также логически вытекающее из этого сведение всех компонентов цивилизации к чисто человеческим элементам. В сущности, как мы уже видели, индивидуализм тождественен тому, что в эпоху Возрождения получило название «гуманизма». Индивидуализм является также одной из характернейших черт того, что было описано нами выше как "профаническое мировоззрение" ("профаническая точка зрения"). Можно сказать, что «индивидуализм», «гуманизм» и «профанизм» — это разные наименования одного и того же феномена, и мы уже продемонстрировали, что "профаническое мировоззрение" есть в сущности мировоззрение анти-традиционное, и что именно это мировоззрение лежит в основе всех специфически современных тенденций. Однако подчеркивание сугубой «современности», «модернистичности» этих тенденций отнюдь не означает, что они не имели ранее никаких прецедентов. Отдельные черты "современного мировоззрения" частично проявлялись и в другие периоды истории. Однако тогда они представляли собой лишь немногочисленные эпизоды, лежащие к тому же вне основной линии развития цивилизации, не говоря уже о том, что им никогда не удавалось полностью перевернуть и подчинить себе традиционную структуру цивилизации в целом, как это произошло на современном Западе. Специфически современным и беспрецедентным является возведение целой цивилизации на чисто негативных основаниях, на абсолютном отсутствии высшего Принципа. Именно эта всеобщесть отрицания придает современному миру совершенно ненормальный характер, делает его воистину чудовищным и понятным только в свете тех соображений относительно конца определенного циклического периода, которые мы привели в начале этого труда. Определяемый таким образом индивидуализм можно рассматривать как главную причину настоящего упадка Запада, поскольку он тождественен развитию исключительно низших возможностей человечества, возможностей, не требующих для своей актуализации никакого вмешательства сверх-человеческого элемента и, более того, способных свободно реализоваться лишь при полном отсутствии такого сверх-человеческого элемента, так как эти низшие возможности суть полная противоположность всякой духовности и всякому подлинному

интеллекту.

В первую очередь, индивидуализм предполагает полное отрицание интеллектуальной интуиции, так как она является однозначно сверхиндивидуальным качеством, а также отрицание метафизического знания (в подлинном смысле этого слова), образующего сферу, к которой эта интуиция обращена. Следует заметить, что все то, в отношении чего современные философы используют термины «метафизика» и «метафизический» (разумеется, если подобные термины еще вообще используются), не имеет к истинной метафизике ни малейшего отношения и чаще всего представляет из себя совокупность рассудочных структур или чисто имагинативных гипотез, то есть исключительно индивидуальных концепций, кроме того, как правило, относящихся к области «физики» или, иными словами, природы. Даже в тех случаях, когда поставленный вопрос может действительно иметь отношение к истинам метафизического порядка, сам способ его постановки и решения сводит проблему к псевдо-метафизике, закрывая тем самым возможность получения полноценного и адекватного результата. Кроме того, иногда складывается впечатление, что философы намного больше заинтересованы в постановке проблем, пусть даже совершенно искусственных и иллюзорных, нежели в их разрешении; и это один из примеров смутной любви современных людей к исследованию ради исследования, то есть к предельно и заведомо тщетной активности, к бессмысленному ажиотажу на всех душевных и физических планах. Следует также обратить внимание на стремление философов любой ценой дать свое имя какой-нибудь «системе», то есть узко ограниченной и строго определенной совокупности взглядов, являющихся исключительно порождением их собственного разума. Отсюда возникает стремление быть оригинальным во что бы то ни стало, даже если для этого пришлось бы пожертвовать истиной. Имя философа становится популярным по мере того, как он придумывает новую ложь, а не по мере того, как он повторяет старую уже высказанную другими истину. Эта же форма индивидуализма, порождающая множество противоборствующих «систем» (противопоставленных друг другу даже в том случае, если в рациональном содержании обоих объективно не содержится никаких противоречий), встречается также среди современных ученых и деятелей искусства. Однако именно в философии порожденная индивидуализмом интеллектуальная анархия наиболее очевидна и показательна.

В традиционной цивилизации почти невозможна ситуация, в которой человек приписывал бы ту или иную идею исключительно самому себе. А если бы все же кому-нибудь пришло в голову совершить нечто подобное,

его авторитет тут же упал бы, и доверие к нему было бы полностью подорвано, при том, что сама подобная идея была бы расценена как бессмысленная фантазия. Если идея истинна, она принадлежит всем, кто способен ее постичь. Если она ложна, то ее изобретение не может представлять никакой ценности, и вера в нее не будет иметь никакого смысла. Истинная идея не может быть «новой», так как истина не является продуктом человеческого разума. Она существует независимо от нас, и все, что мы должны сделать — это постараться понять ее. Вне такого познания существуют лишь ошибки и заблуждения. Но разве современные люди хотя бы в малейшей степени озабочены истиной? Разве у них осталось еще хотя бы какое-то представление о том, что она из себя представляет? В данном случае, как и во многих других, слова окончательно потеряли всякий смысл, и некоторые современные прагматисты доходят до того, что применяют понятие «истина» ко всему тому, что может быть практически полезным, то есть к тому, что лежит совершенно за пределом интеллектуальной сферы. Впрочем, отрицание истины, равно как и интеллекта, объектом которого является истина, есть закономерное и логическое следствие современного извращения. Но не будем пока делать дальнейших логических выводов; заметим лишь, что именно вышеупомянутый индивидуализм является главным источником особой, хотя и совершенно иллюзорной, значимости так называемых "великих людей". На самом деле свойство «гениальности» в профаническом смысле этого слова есть категория довольно малозначительная и далеко не достаточная, и это свойство никак не может восполнить собой недостаток подлинного знания.

Раз уж мы заговорили о философии, продемонстрируем несколько ярких примеров проявления индивидуализма в этой области. Для индивидуализма в философии более всего характерно отрицание интеллектуальной интуиции и логически вытекающее из него утверждение превосходства рассудка надо всем остальным. Рассудок — это чисто человеческое и относительное качество — рассматривается при этом как высшее проявление интеллекта, а порой и вообще отождествляется с самим интеллектом. В этом заключается основной принцип рационализма, подлинным изобретателем которого был Декарт. Но подобное ограничение интеллекта сферой рассудка — это лишь первый шаг. Сам рассудок постепенно стал рассматриваться в его сугубо практической функции, а утилитарные и прикладные стороны стали постепенно брать верх над тем, что еще сохраняло некоторый умозрительный характер. Да и сам Декарт был уже скорее озабочен прикладными возможностями и практическими

выводами, нежели чистой наукой. Более того, индивидуализм всегда с неизбежностью приводит к натурализму, так как все превосходящее природу, логически лежит вне досягаемости индивидуума как такового. В сущности, натурализм и отрицание метафизики — это одно и то же. Там, где не признается интеллектуальная интуиция, не может быть никакой метафизики. И если некоторые авторы тщетно настаивают на изобретении некоей «псевдометафизики», то другие, более откровенные, утверждают ее принципиальную невозможность и однозначно становятся на позиции релятивизма в любых его формах — от «критицизма» Канта до позитивизма Огюста Конта. Поскольку рассудок является чем-то весьма относительным и применимым лишь в столь же относительной области, логичным и понятным оказывается то, что естественным результатом рационализма становятся «относительность», релятивизм. Но таким образом рационализм сам по себе логически приходит к самоуничтожению. Дело в том, что «природа» и «становление», как мы указали выше, — это синонимы. Последовательный «натурализм» может являться только "философией становления", специфически современной формой которой служит эволюционизм. Но именно такой подход приводит, в конце концов, к отрицанию рационализма, к вскрытию его неадекватности, коль скоро он, с одной стороны, способен разбирать лишь явления, находящиеся в постоянном изменении, в постоянной эволюции, а, с другой, не в состоянии покрыть неопределенно большую и сложную область чувственных объектов. Именно эти доводы приводят при критике рационализма некоторые эволюционистские учения, в частности, интуиционизм Бергсона, хотя они и остаются столь же индивидуалистическими и анти-метафизическими, как и сам рационализм. Более того, именно засчет критики рационализма интуиционизм пошел еще дальше по пути извращения мышления, обращаясь к такому недо-разумному, инфра-рациональному качеству, как смутная и неопределенная чувственная интуиция, более или менее смешанная с воображением, то есть, в конечном счете, к смеси инстинкта с сентиментом. Показательно, что в интуиционизме об «истине» уже не идет и речи. Вопрос ставится только о «реальности», причем сведенной исключительно к ее низшему чувственному уровню и понимаемой как нечто, находящееся в перманентном движении и сущностно непостоянное. В подобных теориях вся сфера интеллекта низведена до его нижайшего пласта, вплоть до того, что даже рассудок (рацио) либо вообще исключается, либо допускается как средство, необходимое для обработки материи в промышленных целях. После всего этого до логического конца остается сделать только один шаг

— полное и абсолютное отрицание интеллекта и знания как таковых и однозначная замена критерия «истинности» критерием «полезности». Этот шаг делают представители «прагматизма», о которых мы уже упоминали. И здесь мы сталкиваемся уже не просто с чисто человеческой сферой, как в случае с рационализмом; в силу обращения к «подсознательному», знаменующему собой последнюю стадию переворачивания с ног на голову всей нормальной иерархии вещей, мы прямо вступаем в сферу «под-человеческого», «недо-человеческого» в самом прямом смысле этого слова. Вот в общих чертах тот путь, который «профаническая» философия, предоставленная самой себе и претендующая на ограничение всей области знания своими узкими горизонтами, с логической необходимостью вынуждена проделать, и мы видим, что именно это и происходит в настоящее время. Если бы наряду с чисто человеческой философией существовало знание более высокого порядка, такого ограничения всей сферы знаний узко индивидуалистическими рамками не произошло бы, поскольку в таком случае философия вынуждена была бы, по меньшей мере, уважать то, что она не в силах постичь, но реальность чего она не в состоянии опровергнуть. Но когда это высшее знание исчезает, отрицание такого знания пост-фактум возводится в теорию, становясь отрицательным фундаментом мировоззрения. Именно это и произошло с современной западной философией, которая целиком и полностью основывается на подобном отрицании.

Однако мы слишком задержались на рассмотрении философии, которой отнюдь не следует уделять столь большого внимания, каковыми бы ни были убеждения большинства наших современников на этот счет. С нашей точки зрения, философия интересна лишь потому, что она с максимальной ясностью отражает основополагающие тенденции, характерные для того или иного циклического периода, а отнюдь не потому, что она эти тенденции порождает. Если же это подчас и происходит, и философия на самом деле направляет цивилизационные тенденции в ту или иную сторону, ее роль, тем не менее, всегда вторична и лишь отражает то, что уже сформировалось по совершенно иным законам — по законам иного бытийного уровня. Несмотря на тот очевидный факт, что вся современная философия проистекает из Декарта, его влияние на умонастроение своей эпохи, а позднее и на последующие поколения — причем это влияние распространялось не только на одних лишь чистых философов — не смогло бы стать столь решающим и всеобщим, если бы его концепции с предельной точностью не соответствовали тем тенденциям, которые преобладали среди его современников в целом и

которые были унаследованы позднее мыслителями других веков Нового времени. В картезианстве в максимальной степени отразилось специфически современное мировоззрение, и именно через картезианство оно приобрело более ясное, чем прежде, самосознание. Кроме того, если разительные изменения, подобные тем, которые произошли параллельно утверждению картезианства в области философии, обнаруживаются в других областях, как правило, они являются скорее результатами, а отнюдь не начальными точками. Они далеко не так спонтанны, как это иногда кажется, и им предшествуют огромные, хотя и не выходящие на поверхность усилия. Если такой человек, как Декарт особенно показателен как ярчайший носитель современного извращения, вплоть до того, что, с определенной точки зрения, его можно назвать интеллекутальным воплощением этого извращения, его персонификацией, то это все же не означает, что именно он является его истинным творцом или основоположником. Для того, чтобы добраться до истинных истоков этого извращения, этой общей анти-традиционной тенденции, мы должны углубиться в гораздо более ранние периоды истории. Точно так же можно сказать, что Возрождение и Реформация, которые принято считать первыми крупными проявлениями сугубо современного мировоззрения, не столько положили начало разрыву с истинной Традицией, сколько довершили этот разрыв. С нашей точки зрения, начало этого разрыва следует искать в 14 веке, и именно это время, а не события нескольких последующих столетий, следует принять за подлинное начало "современной эпохи".

Тема разрыва с Традицией нуждается в дальнейшем развитии, так как именно такому разрыву обязан своим существованием сугубо современный мир, и можно сказать, что все характеристики этого мира могут быть сведены к одной — абсолютная противоположность традиционному мировоззрению. Но отрицание традиции и индивидуализм — это одно и то же. В сущности, это вполне согласуется с тем, что мы высказали выше, так как именно интеллектуальная интуиция и метафизическая доктрина связывают всякую традиционную цивилизацию с ее Принципом. Коль скоро этот Принцип отрицается, отрицаются, пусть и неявно, все его следствия, и поэтому логически уничтожается все, что по праву могло бы заслуживать имени «традиция». Мы видели, как этот процесс происходил в области наук. Не будем возвращаться к этой теме и перейдем к другой области, в которой проявления антитрадиционного мировоззрения бросаются в глаза еще в большей степени, так как трансформации, вызванные этими проявлениями, затронули огромные массы обитателей

Запада. Во времена Средневековья традиционные науки были достоянием немногочисленной элиты, а некоторые из этих наук, представляя собой эзотеризм в самом полном смысле этого слова, являлись монополией строго закрытых школ. Но существовала также и внешняя часть традиции, доступная всем и каждому. Об этой внешней части мы и хотели бы поговорить. В эту эпоху традиция на Западе внешне проявлялась в исключительно религиозной форме, в форме католицизма. Поэтому именно религия в первую очередь была затронута революцией против традиционного мировоззрения. Эта революция приняла вполне определенную форму — форму протестантизма. Нетрудно заметить, что протестантизм с очевидностью был проявлением именно индивидуализма, а точнее, индивидуализма в области религии. Протестантизм, как и весь современный мир, основывается на чистом отрицании, на том же самом отрицании Принципа, что и сущностный индивидуализм. И именно в протестантизме мы видим один из ярчайших примеров того состояния анархии и разложения, которые с необходимостью проистекают из всякого отрицания.

Индивидуализм подразумевает отказ от всякого авторитета, превышающего границы индивидуальности, а также отказ от любого знания, превосходящего уровень индивидуального рассудка. Оба этих элемента на самом деле неотделимы друг от друга. Следовательно, современное мировоззрение логически должно отвергать всякий духовный авторитет, относящийся к сверхчеловеческому уровню, а также всякую истинно традиционную организацию, по самой своей природе всегда основывающуюся именно на духовном авторитете, независимо от его конкретной формы, которая естественно варьируется в зависимости от той или иной традиционной цивилизации. Именно это и произошло в случае с протестантизмом. Протестантизм открыто отрицает авторитет той организации, которая ответственна за законную интерпретацию религиозной традиции на Западе, а на ее месте стремится утвердить "свободный критицизм", то есть интерпретацию, полученную на основании частного суждения нередко даже самой невежественной и некомпетентной личности, и основывающуюся, кроме всего прочего, на заключениях сугубо человеческого рассудка. В этом случае в области религии случилось нечто подобное тому, что произошло в философии после утверждения в ней рационализма. Дверь отныне была открыта для всяких дискуссий, разнотолков и противоречий. И отсюда вполне закономерный результат: возникновение постоянно растущего количества сект, каждая из которых представляет собой не более, чем частное мнение тех или иных отдельно

взятых индивидуумов. Так как в подобных условиях невозможно было прийти к соглашению относительно основной доктрины, она была отставлена в сторону, и второстепенный аспект религии, то есть мораль, вышел на передний план. Отсюда вырождение до уровня морализма, который столь ощутим в современном протестантизме. Таким образом, мы и здесь имеем дело с феноменом, во многом параллельным положению дел в современной философии — с распадом доктрины и потерей религией ее интеллектуальных элементов. От рационализма религия неизбежно должна была опуститься и до сентиментализма, шокирующий пример которого мы видим в англо-саксонских странах. То, что осталось в результате всех этих извращений, уже нельзя более назвать религией даже в самой искаженной и ухудшенной форме. Это простая «религиозность», то есть смутное и неосмысленное душевное влечение, не основанное ни на каком подлинном знании. Этой предельной точке религиозного вырождения соответствует "религиозный опыт" Уильяма Джеймса, который доходит до того, что видит в человеческом подсознании средство для вхождения в прямой контакт с божественным миром. На этой стадии финальные продукты религиозного и философского извращения перемешиваются друг с другом, и "религиозный опыт" легко сливается с прагматизмом, во имя которого "ограниченный бог" признается наделенным большими преимуществами по сравнению с бесконечным богом, поскольку "ограниченного бога" можно любить так же чувственно, как возвышенного человека. Одновременно с этим обращение к подсознательному прекрасно сочетается с современным спиритуализмом и всеми теми псевдо-религиями, которые мы разбирали в других работах. Иное направление в развитии протестантизма — протестантский морализм — привело к тому, что, постепенно уничтожив весь доктринальный фундамент, этот морализи превратился в так называемую "светскую мораль", находящую своих приверженцев как во всех разновидностях "либерального протестантизма", так и среди открытых врагов религиозной идеи. В сущности, и те и другие движимы одними и теми же тенденциями, с той лишь разницей, что одни заходят дальше других в логическом развитии содержания, лежащего в основании всех этих тенденций.

Являясь сущностно формой традиции, религия не может не находиться в оппозиции к анти-традиционному мировоззрению, а это анти-традиционное мировоззрение не может, в свою очередь, не быть анти-религиозным. Анти-традиционализм начинает с искажения религии, но всегда заканчивает ее полным уничтожением. Протестантизм в своей основе нелогичен: стремясь любой ценой «очеловечить» религию, он, тем

не менее (по крайней мере, теоретически), признает откровение как сверхчеловеческий элемент. Он не осмеливается довести отрицание до его логического конца, но превращая откровение в объект многочисленных дискуссий, всецело основывающихся на чисто человеческих толкованиях, практически сводит это откровение и его ценность на «нет». Наблюдая людей, настаивающих на том, чтобы считаться христианами, но при этом полностью отрицающих божественность Христа, трудно поверить в их искренность, так как подобная позиция куда ближе к чистому отрицанию Христа и христианства, нежели к какому бы то ни было христианству, что бы при этом ни утверждали сами подобные «христиане». Однако такие противоречия не должны нас удивлять, так как они являются столь же показательным симптомом беспорядка и анархии нашего времени, как и постоянное деление протестантизма на множество сект. Это одно из характерных проявлений прогрессирующей дробности, которая, как мы показали, составляет саму основу современной жизни и современной науки. Кроме того, естественно, что именно протестантизм засчет оживляющего его духа отрицания, породил тот разрушительный «критицизм», который в руках так называемых "историков религии" превратился в оружие, направленное против религии как таковой, вплоть до того, что протестантистское движение, претендующее на признание единственного авторитета — авторитета Святой Библии — на самом деле весьма поспособствовало разрушению и этого авторитета, то есть того последнего минимума традиции, который остался в распоряжении протестантов.

Здесь нам могут возразить: даже несмотря на то, что протестантизм порвал с католической организацией, разве он не сохранил, в силу признания им авторитета Библии, традиционных доктрин, содержащихся в христианстве? Однако введение тезиса о "свободном критицизме" опровергает это допущение, так как оно открывает возможность для любых индивидуалистических фантазий. Кроме того сохранность доктрины предполагает организованное традиционное обучение, которое поддерживало бы необходимую традиционную и ортодоксальную интерпретацию, но в западном мире такая система обучения целиком отождествлена с католицизмом. Без сомнения, в других цивилизациях соответствующие функции могут выполняться совершенно отличными по форме организациями, но здесь мы говорим о западной цивилизации и о специфических условиях, характерных только для нее одной. Было бы бессмысленно сожалеть, что в Индии не существует ничего подобного институту папства. Это совершенно иной случай, во-первых, потому, что

традиция в Индии приняла полностью отличную от религии Запада форму, а значит, и средства ее передачи с необходимостью должны отличаться от западных. А во-вторых, засчет существенного отличия индуистского мышления от мышления европейского, традиция Индии обладает гораздо более значительной внутренней силой, намного превосходящей возможности западной традиции, которая не может обойтись без строгой и одназначно определенной на внешнем уровне организации с жесткой структурой. Мы уже говорили, что западная традиция, начиная с распространения на Западе Христианства, проявляется исключительно в форме религии. Здесь мы не можем более подробно остановиться на объяснении причин подобного положения дел, что, кроме всего прочего, потребовало бы изложения довольно сложных концепций, необходимых для того, чтобы этот тезис был бы адекватно и всесторонне понят. Тем не менее это является фактом, отрицать который невозможно.[23] Коль скоро мы признаем этот факт, мы логически будем вынуждены признать все вытекающие из него следствия, и в частности, необходимость организации, соответствующей именно такой сугубо западной традиционной форме.

Совершенно очевидно, и мы показали это выше, что только в католицизме могли сохраниться остатки традиционного духа Запада. Но означает ли это, что католицизм сохранил всю полноту традиции и остался совершенно незатронутым современным духом? Строго говоря, следует признать, что внешняя оболочка традиции сохранилось в целостности, и это само по себе уже очень много. Но, увы, весьма сомнительным представляется то, что глубочайший смысл этой традиции ясно осознается хотя бы самой незначительной в количественном отношении элитой. Если бы это было так, само существование такой духовной элиты обязательно проявилось бы в действии или, точнее, в определенном влиянии, но следов этого, к сожалению, сегодня нигде не обнаруживается.

Скорее всего, можно говорить о сохранении традиции в латентном состоянии, то есть в таком, когда остается возможность открыть ее истинный смысл для тех, кто способен сделать это, даже если в настоящее время никто и не осознает в полной мере всей полноты этого смысла. Кроме того и вне религиозной области в западном мире повсюду рассеяны знаки и символы древних традиционных доктрин, которые сохранились несмотря на то, что их понимание полностью утрачено. В подобных случаях для того, чтобы разбудить то, что уснуло, и восстановить потерянное понимание, необходим контакт с живым традиционным духом. И здесь снова следует повторить, что для этой цели, для того, чтобы восстановть знание о своей собственной традиции, Западу обязательно

потребуется помощь традиционного Востока. То, о чем здесь идет речь, относится к возможностям, сохраняющимся в латентном, но постоянном и неизменном виде в католицизме. Таким образом, в отношении католицизма влияние современного мировоззрения может лишь помешать и оттянуть — лишь на определенный срок — полное и подлинное понимание католиками некоторых важнейших традиционных истин. Однако можно заметить и более серьезное и глубокое влияние современного мировоззрения на актуальное положение дел в католичестве, если, конечно, вообще можно употребить слова «серьезное» и «глубокое» в отношении того, что является в своей сущности целиком и полностью негативным, пародийным и поверхностным. Здесь мы имеем в виду не столько более или менее строго определенные течения (называемые сегодня "модернизмом"), предпринявшие попытку — к счастью, неудачную — внедрить протестантское мировоззрение в саму католическую Церковь. Мы, скорее, хотим выделить то смутное состояние сознания, которое засчет этой смутности становится еще более опасным, поскольку те, кто затронут этим состоянием, часто даже не подозревают о его подлинной природе. В наши дни существует множество людей, считающих себя вполне религиозными, но в действительности не являющихся таковыми. Некоторые даже причисляют себя к "традиционалистам," не имея ни малейшего представления об истинном духе традиции. Все это — еще один симптом интеллектуального хаоса нашей эпохи. То состояние сознания, о котором мы только что упомянули, состоит в бессознательной «минимализации» религии, в отношении к ней как к тому, что должно затрагивать лишь одну определенную сторону человеческого существования, что приемлемо лишь в узко ограниченных конвенциональных рамках. При этом религия ограждается от всех других сторон жизни непреодолимым барьером и не может более оказывать на них хоть сколько-нибудь ощутимого воздействия. Много ли найдется сегодня католиков, чье мышление и поведение в обыденной, повседневной жизни значительно отличались бы от мышления и поведения большинства их неверующих сограждан? Кроме того, у многих верующих нетрудно констатировать полное невежество в отношении доктрин и абсолютное безразличие к ним и всему тому, что к ним относится. Религия для многих современных людей — это всего лишь обряд или обычай, если не сказать простая рутина. Часто такое отношение сопровождается сознательным отказом от всяких попыток как-то разобраться в религии, и подчас это доходит до откровенного утверждения, что религию вообще невозможно понять, или что и понимать в ней нечего. На самом деле, разве реально понимающий религию человек мог бы

выделять ей такое незначительное место среди всех остальных повседневных забот? Соответственно, доктрина частично или полностью забывается или сводится практически к нулю, что низводит католическую практику почти до уровня протестантской концепции. И это вполне логично, так как оба феномена являются продуктами одних и тех же современных тенденций, открыто враждебных всякой интеллектуальности. И особенно печально, что традиционное католическое обучение, которое должно было бы этому активно противостоять, пытаясь изменить это современное состояние сознания, на самом деле с готовностью ему уступает. Все постепенно сводится к вопросам морали, а о доктрине говорится все меньше и меньше, под тем предлогом, что это слишком сложно для понимания. Таким образом, религия превращается в морализм, или, по меньшей мере, никто более не стремится понять, чем же она является на самом деле. Если же подчас предметом обсуждений и дискуссий становится собственно католическая доктрина, это чаще всего лишь наносит ей ущерб, так как диалог с «противниками» ведется, как правило, на их собственной сугубо «профанической» территории, что изначально предполагает ничем не оправданные уступки сторонникам «профанизма». Паразительна та легкость, с которой защитники религиозной доктрины соглашаются принимать во внимание результаты современного «критицизма», в то время, как, встав на другую, не зависящую от современных предрассудков, точку зрения, нет ничего проще, чем показать полную бессмысленность, несостоятельность и негативность всех этих результатов. Стоит ли удивляться в такой ситуации тому, что мы не видим ни малейших признаков традиционного духа. Да и как в подобных условиях он мог бы сохраниться?

Предпринятое нами отступление, касающееся проявлений индивидуализма в религиозной области, является вполне оправданным, так как оно демонстрирует, что зло гораздо глубже и опаснее, чем это может показаться на первый взгляд. Кроме того это отступление, по сути, имеет отношение к тому же индивидуализму — ведь именно дух индивидуализма повсюду вызывает к жизни разнообразные дискуссии и дебаты. Для наших современников невероятно сложно понять, что существуют вещи, которые по самой своей природе не подлежат обсуждению. Вместо того, чтобы попытаться возвысить себя до истины, современный человек претендует на низведение истины до своего собственного уровня. Именно поэтому многие, нисколько не смущаясь, уверены, что, когда им говорят о "традиционных науках" или даже о "чистой метафизике", речь идет всего лишь о "профанической науке" или о «философии». В границах

индивидуального мнения дискуссия возможна по любому поводу, так как все остается в рамках рационального, и если не обращаться к высшему принципу, превосходящему уровень рационального, каждая из спорящих сторон всегда может найти более или менее солидные аргументы для защиты своей точки зрения. Часто такая дискуссия может длиться неопределенно долго без того, чтобы прийти к какому-нибудь определенному выводу. Поэтому почти вся современная философия построена на софизмах и безобразно сформулированных высказываниях. Дискуссии отнюдь не проясняют вопрос, как это почему-то принято считать, но, как правило, лишь затемняют и запутывают его еще больше, и чаще всего, в результате дискуссии каждый из участников, стремясь переубедить оппонента, лишь еще более укрепляется в своей собственной точке зрения и как никогда раньше убеждается в своей собственной правоте. Действительным мотивом такой дискуссии служит не желание постичь или выяснить истину, но убедить других в своей собственной правоте, несмотря на возможные нападки, а если это не удается, по меньшей мере, самому почувствовать себя правым вопреки всему. Неспособность убедить других вызывает, как правило, лишь чувство сожаления, так как стремление к «прозелитизму» — одна из характерных черт современного западного сознания. Иногда индивидуализм в самом низшем и вульгарнейшем смысле этого слова проявляется еще более наглядным образом: например, в стремлении оценить творчество человека, исходя из того, что известно о его личной жизни, хотя между творчеством и личной жизнью могут существовать самые разнообразные и подчас предельно сложные соотношения. Эта же тенденция, усиленная маниакальным желанием знать мельчайшие детали, проявляется в интересе к самым незначительным подробностям жизни "великих людей", а также в совершенно иллюзорной уверенности, что всякое действие этих людей может быть объяснено на основе "психо-физиологического" анализа их индивидуальности. Все это должно быть весьма выразительными знаками для тех, кто действительно стремится постигнуть истинную природу современного мышления.

Возвращаясь к привычке привносить дискуссию даже в те области, где она не имеет никаких прав на существование, следует однозначно констатировать, что «апологетическая» установка является чрезвычайно уязвимой позицией, так как это фактор «защиты» в юридическом смысле этого слова. Характерно, что термин «апологетика» этимологически восходит к слову «апология», что означает в юриспруденции адвокатскую жалобу и в сущности тождественно слову «извинение». Та исключительная

важность, которая придается сегодня апологетике, является неоспоримым доказательством слабости религиозного духа. Эта слабость особенно усугубляется тогда, когда «апологетика» вырождается до уровня совершенно «профанической» (как по методу, так и по качеству) дискуссии, в которой религия низводится до уровня конвенциональных и предельно гипотетических философских, научных или псевдо-научных теорий, и в которой подчас апологеты религии в «примирительных» целях доходят до того, что до определенных пределов допускают правомочность концепций, выдуманных с единственной целью — уничтожить религию как таковую. Такие апологеты, со своей стороны, представляют неоспоримые доказательства своего полнейшего невежества в отношении истинного содержания той доктрины, более или менее полномочными представителями которой они себя мнят. Тот, кто действительно может с полным основанием говорить от имени традиционной доктрины, не нуждается ни в дискуссиях с «профанами», ни в разнообразных полемиках. Таким людям следует лишь изложить доктрину как она есть тем, кто еще способен ее понять, и одновременно разоблачить ошибку и заблуждение, осветив соответствующие места светом подлинного знания. Их функция заключается не в дискредитации доктрины через вовлечение ее в различные профанические споры, а в высказывании суждения, на которое они имеют полное право, коль скоро они действительно сознают неизменные принципы и именно в них черпают свое вдохновение. Сфера полемики — это сфера действия, то есть индивидуальная и временная область. "Недвижимый движитель" порождает и направляет действие, не будучи, однако, вовлеченным в него. Знание освящает действие, не разделяя его необходимые издержки. Духовное управляет временным, не смешиваясь с ним. Таким образом, все остается на своем месте, на своем собственном уровне в пределах универсальной иерархии. Но где в современном мире мы сегодня можем еще встретить идею иерархии? Никто и ничто сегодня не находится на своем надлежащем месте. Люди не признают более никакого подлинно духовного авторитета на собственно духовном уровне и никакой законной власти на уровне временном и «светском». Профаническое считает себя вправе оценивать Сакральное, вплоть до того, что позволяет оспаривать его качество или даже отрицать его вовсе. Низшее судит о высшем, невежество оценивает мудрость, заблуждение господствует над истиной, человеческое вытесняет божественное, земля ставит себя выше неба, индивидуальное устанавливает меру вещей и претендует на диктовку Вселенной ее законов, целиком и полностью выведенных из относительного и преходящего

рассудка. "Горе вам, слепые поводыри!" — гласит Евангелие. И в самом деле сегодня повсюду мы видим лишь слепых поводырей, ведущих за собой слепое стадо. И совершенно очевидно, что, если эта процессия не будет вовремя остановлена, и те и другие с неизбежностью свалятся в пропасть, где они все вместе безвозвратно погибнут.

Глава 6. СОЦИАЛЬНЫЙ ХАОС

В настоящей работе мы не намерены специально останавливаться на рассмотрении социальной действительности, так как она интересует нас лишь косвенно, представляя собой довольно второстепенную область приложения фундаментальных принципов. Именно за счет этой второстепенности социальный уровень ни в коем случае не может стать той областью, с которой должно начаться исправление актуального положения дел в современном мире. Если бы все же это исправление началось именно с социальной сферы, с исправления следствий, а не причин, оно не имело бы никакого серьезного основания и, в конце концов, оказалось бы очередной иллюзией. Чисто социальные трансформации никогда не могут привести к установлению истинной стабильности, и если упустить из виду необходимость изначального согласия в отношении основополагающих и абсолютных принципов (запредельных сугубо социальной действительности), в этой области придется всякий раз все начинать заново. Поэтому мы глубоко убеждены, что политический уровень цивилизации есть не что иное, как внешнее, коллективное выражение общепринятого в данный период типа мышления. Тем не менее нам не удастся полностью обойти молчанием те аспекты современного хаоса, которые пропитывают эту социальную сферу.

Как мы уже показали, при существующем положении вещей на Западе никто более не занимает места, свойственного ему в соответствии с его внутренней природой. Именно это имеется в виду, когда говорится об отсутствии в современном мире кастовой системы. Каста в традиционном понимании этого термина есть не что иное, как выражение глубинной индивидуальной природы человека со всем набором особых предрасположенностей, слитых с этой природой и предопределяющих каждого к выполнению тех или иных обязанностей. Но как только выполнение этих обязанностей перестает подчиняться строго установленным правилам (основанным на кастовой природе человека), неизбежным следствием этого оказывается такое положение, когда каждый вынужден делать лишь ту работу, которую ему удалось получить, даже в том случае, если человек не испытывает к ней ни малейшего интереса и не имеет никакой внутренней квалификации для ее исполнения. Роль человека в обществе в таких условиях определяется не случайностью, которой вообще не существует,[24] но тем, что имеет видимость

случайности — системой самых разнообразных условных и незначительных факторов. При этом единственный имеющий основополагающее и глубинное значение фактор — мы имеем в виду принципиальное различие внутренней природы людей — учитывается менее всех остальных. Именно отрицание этого существеннейшего различия, неминуемо ведущее к отрицанию социальной иерархии в целом, является истинной причиной всего того социального хаоса, который царит сегодня в общественной жизни Запада. Это отрицание изначально не было вполне осознанным и реализовалось скорее на практике, нежели в теории, так как полной отмене каст предшествовало их смешение, или, иными словами, все началось с неверного понимания врожденной индивидуальной природы человека, а закончилось полным забвением самого факта существования такой природы (а также связанного с ней естественного неравенства). Как бы то ни было, это отрицание различия внутренней природы людей было возведено в принцип под именем «равенство». Не составляет никакого труда доказать, что равенство вообще невозможно, и что его нигде не существует, хотя бы уже потому, что не может существовать двух совершенно одинаковых и, тем не менее, совершенно отличных друг от друга существ. Гораздо труднее продемонстрировать различные нелепые последствия этой абсурдной идеи «равенства», во имя которой людям пытаются навязать полное единообразие во всем, в частности, через всеобщее и одинаковое для всех образование, основываясь на совершенно ложной предпосылке, будто все в одинаковой степени способны понять определенные вещи, и будто одни и те же методы для объяснения этих вещей годятся для всех без исключения. Однако здесь следует заметить, что в современном образовании речь, как правило, идет отнюдь не о том, чтобы обучающиеся «поняли» те или иные идеи, а о том, чтобы они «заучили» их. При этом память здесь подменяет собой разум, а само образование, видимое как нечто сугубо вербальное и книжное, согласно современной концепции, имеет своей целью такое накопление рудиментарных и беспорядочных, гетерогенных идей, при котором качество полностью приносится в жертву количеству. Как и во всех остальных областях современного мира, здесь мы имеем дело с распылением и множественностью. Можно было бы долго распространяться о порочности "всеобщего образования", однако мы не можем сделать этого в рамках данной работы. Кроме того, помимо частного применения принципа «равенства» к социальной сфере, существует множество других не менее извращенных и порочных его применений в других сферах; при этом последние настолько

многообразны, что даже их простое перечисление является почти невыполнимой задачей.

Сталкиваясь с идеями «равенства» и «прогресса» или с какими-то другими подобными современными догмами, большинство из которых окончательно оформились в 18 веке, мы, естественно, не можем допустить, что они появились спонтанно и самопроизвольно. На самом деле это результаты "гипнотического внушения" в самом прямом смысле этого слова, хотя, конечно, эти идеи никогда не смогли бы серьезно повлиять на общество, не будь оно само в какой-то степени готово к их восприятию. Нельзя сказать, что именно подобные идеи породили современное мировоззрение, но они, без сомнения, весьма способствовали утверждению этого мировоззрения, равно как и его развитию вплоть до достижения им критической стадии, до которой оно никогда не смогло бы дойти без их помощи. Если бы это «внушение» внезапно потеряло свою силу, коллективное человеческое мышление почти сразу изменило бы свое качество и свою ориентацию. Именно поэтому подобное «внушение» бдительно поддерживается теми, кто прямо заинтересованы в сохранении современного извращенного состояния цивилизации и особенно теми, кто стремятся еще больше извратить его. Не потому ли, несмотря на стремление современных людей превращать все в предмет дискуссии, эти догмы тщательно уберегаются от того, чтобы стать объектами полемики, и считаются бесспорными и абсолютными при полном отсутствии каких бы то ни было логических оснований для этого? Кроме того, не так просто выяснить, до какой степени честны пропагандисты подобных идей, и в какой мере эти люди попадаются в свою собственную ловушку и, обманывая других, становятся в конце концов жертвами собственной лжи. В подобных случаях именно обманутые и реально поверившие в ложь чаще всего служат наилучшим инструментом для обмана других, так как истинным инициаторам лжи довольно трудно симулировать личную убежденность в правоте заведомо фальшивых идей. И тем не менее, у истоков подобного внушения должны стоять вполне сознательные личности, прекрасно отдающие себе отчет в прагматических целях подобных "гипнотических сеансов", а также отлично знающие истинную цену этим идеям. В данном случае мы используем термин «идея» весьма условно, так как совершенно очевидно, что здесь мы сталкиваемся с тем, что не имеет ни малейшего отношения к интеллектуальной области, а значит, строго говоря, не может быть названо "чистой идеей". Это — "ложные идеи" или, другими словами, «псевдо-идеи», предназначенные, в первую очередь, для пробуждения у людей "сентиментальных реакций" —

именно с их помощью легче всего влиять на толпу. В подобных случаях гораздо важнее сами слова, нежели заключенные в них идеи, и большинство идолов современности — это не что иное, как слова. Часто мы даже сталкиваемся с таким удивительным явлением, как «вербализм», сущность которого состоит в том, что само звучание произносимых слов порождает у невежественных слушателей или читателей иллюзию мысли. В этом отношении особенно показательно влияние, оказываемое на толпу ораторами, и, даже не подвергая феномен «вербализма» специальному анализу, легко понять, что речь здесь идет о самом простом и классическом гипнозе.

Но оставим разбор этих сторон нашей темы, и вернемся к следствиям, проистекающим из отрицания всякой подлинной иерархии. Заметим, что в настоящее время случаи, когда человек выполняет свойственные его внутренней природе функции, являются исключительными, тогда как в нормальной ситуации исключительным должно являться прямо противоположное. Более того, сегодня часто один и тот же человек выполняет последовательно совершенно различные функции, как если бы он мог менять свои способности по своему желанию. В эпоху предельной «специализации» это должно было бы выглядеть парадоксальным, но, однако, это факт, особенно часто встречающийся в сфере политики. Несмотря на то, что компетентность так называемых специалистов зачастую является чистой иллюзией или, по меньшей мере, ограничена чрезвычайно узкими рамками, все же большинство людей искренне верит в эту компетентность. В этом случае следует задать вопрос, почему подобная вера в компетентность специалистов не распространяется на политиков, и почему полное ее отсутствие у них практически никогда не служит препятствием для их карьеры? При здравом размышлении в этом, в сущности, не окажется ничего удивительного, так как здесь мы имеем дело с естественным результатом демократической концепции, согласно которой власть должна приходить снизу и корениться в большинстве, что с необходимостью предполагает отказ от всякой подлинной компетентности, всегда несущей в себе элемент хотя бы незначительного превосходства, естественно превращающего ее в достояние меньшинства.

Здесь следует, с одной стороны, вскрыть ряд софизмов, лежащих в основании демократической идеи, а с другой — показать связь этой идеи с современным мировоззрением в целом. Едва ли надо специально подчеркивать, что наша собственная точка зрения, лежащая в основе наших суждений и оценок, выше какой бы то ни было партийности и не имеет прямого отношения к актуальным политическим дискуссиям. Мы

рассматриваем данные вопросы совершенно объективно, точно так же, как мы рассматривали бы любой другой предмет, стремясь лишь с предельной ясностью обнаружить основания, на которых покоятся те или иные явления. На самом деле для того, чтобы все демократические иллюзии, столь характерные для современных людей, были раз и навсегда рассеяны, необходим именно такой объективный и беспристрастный подход. В случае идеи демократии мы снова имеем дело именно с «внушением», таким же очевидным, как и та его форма, о которой мы говорили несколько выше. Когда то или иное убеждение распознается как результат простого внушения, и когда механизм воздействия этого внушения становится очевидным, само оно тут же теряет свою силу: в подобных вопросах беспристрастное и чисто «объективное» (как это модно говорить сегодня вслед за специфической терминологией некоторых немецких философов) исследование намного более эффективно, нежели сентиментальные декламации и партийные дебаты, которые, будучи лишь выражением тех или иных сугубо индивидуальных и частных мнений, ничего никогда никому не доказывают.

Самые решительные доводы против демократии можно сформулировать следующим образом: высшее не может происходить из низшего, поскольку из меньшего невозможно получить большее, а из минуса плюс. Это абсолютная математическая истина, отрицать которую просто бессмысленно. Следует заметить, что точно такой же аргумент применительно к иной области можно выдвинуть против материализма. И в подобном сближении демократии с материализмом нет никакой натяжки, так как они гораздо теснее связаны между собой, чем это кажется на первый взгляд. Кристально ясным и в высшей степени очевидным является утверждение, гласящее, что народ не может доверить кому бы то ни было свою власть, если он сам ею не обладает. Истинная власть приходит всегда сверху, и именно поэтому она может быть легализована только с санкции того, что стоит выше социальной сферы, то есть только с санкции власти духовной. В противном случае мы сталкиваемся лишь с пародией на власть, не имеющей оправдания из-за отсутствия высшего принципа и сеющей повсюду лишь хаос и разрушение. Нарушение истинного иерархического порядка начинается уже тогда, когда чисто временная власть стремится освободиться от власти духовной или даже подчинить ее в целях достижения тех или иных сугубо политических целей. Это является первоначальной формой узурпации, которая пролагает путь всем остальным ее формам. Истинность данного положения легко продемонстрировать на примере французской монархии, которая, начиная

с 14-го века, сама того не ведая, подготовляла Революцию, уничтожившую, в свою очередь, и ее саму. В другом месте мы поясним это более подробно, в настоящий же момент ограничимся лишь простым упоминанием этого факта.[25]

Если под словом «демократия» понимать полное самоуправление народа, правление народа над самим собой, в таком случае оно заключает в себе абсолютную невозможность и не может иметь никакого реального смысла ни в наше время, ни когда бы то ни было еще. Не следует поддаваться гипнозу слов: представление о том, что одни и те же люди одновременно и в равной степени могут быть и управляющими и управляемыми, является чистейшим противоречием, поскольку, если использовать аристотелевские термины, одно и то же существо в одной и той же ситуации не может пребывать одновременно в состоянии «акта» и «потенции». Соотношение между управляющим и управляемым с необходимостью предполагает наличие именно двух полюсов: управляемые не могут существовать без управляющих, даже если эти последнии незаконны и не имеют на власть никаких других оснований, кроме своих собственных претензий. Но вся искусная хитрость тех, кто в действительности контролируют современный мир, состоит в способности убедить народы, что они сами собой правят. И народы верят тем охотнее, что это для них весьма лестно, тем более, что они просто не обладают достаточными интеллектуальными способностями, чтобы убедиться в совершенной невозможности такого положения дел как на практике, так и в теории. Для поддержания этой иллюзии было изобретено "всеобщее голосование": предполагается, что закон устанавливается мнением большинства, но при этом почему-то всегда упускается из виду, что это мнение крайне легко направить в определенное русло или вообше изменить. Этому мнению с помощью соотвествующей системы внушений можно придать желаемую ориентацию. Мы не помним, кто впервые употребил выражение "фабрикация мнений", но оно удивительно точно характеризует данное положение вещей, хотя к этому следует добавить, что не всегда те, кто внешне контролируют ситуацию в обществе, располагают всеми необходимыми для этого средствами. Последнее замечание помогает понять, почему полная некомпетентность даже самых высоких политических деятелей не имеет все же решающего значения для состояния дел в обществе. Но поскольку мы не намереваемся здесь разоблачать систему действия того, что называют "механизмом власти", заметим лишь, что сама эта некомпетентность политиков лишь служит укреплению демократической иллюзии, о которой мы говорили выше.

Более того, некомпетентность необходима таким политикам, чтобы подкрепить видимость своей изначальной причастности к большинству, чтобы доказать свое сходство с большинством, которое, будучи поставленным перед необходимостью высказать свое мнение по тому или иному вопросу, обязательно обнаружит свою полнейшую некомпетентность, так как большинство в своей массе с необходимостью состоит из людей некомпетентных, в то время как люди, основывающие свое мнение на действительно глубоком знании предмета, всегда неизбежно окажутся в меньшинстве.

Итак мы показали, что даже допущение возможности большинства самому устанавливать законы, является глубочайшим заблуждением. Даже если это допущение остается только теоретическим и не соответствует никакой реальности, все равно интересно исследовать, каким образом такое мнение смогло укорениться в современном мировоззрении, каким тенденциям оно соответствует и какие потребности (хотя бы по-видимости) оно удовлетворяет. Принципиальная несостоятельность данного положения заключается в уже отмеченном нами аспекте: мнение большинства не может быть ничем иным, кроме как выражением некомпетентности, независимо от того, является ли оно результатом недостатка умственных способностей или следствием простого невежества. Здесь можно привести в пример некоторые наблюдения относительно "массовой психологии" и особенно тот широко известный факт, что ментальные реакции, возникающие среди объединенных в толпу индивидуумов, проявляются в форме коллективного психоза, и их интеллектуальное качество соответствует не просто среднему интеллектуальному уровню индивидуумов, собравшихся в толпе, но уровню самых низменных и недалеких среди них. В несколько ином контексте следует заметить также, что некоторые современные философы пытаются ввести демократическую теорию в гносеологию и утверждают, что мнение большинства должно быть решающим и в самой интеллектуальной сфере. При этом "критерий истинности" они усматривают в так называемом "общественном договоре" или "универсальном консенсусе". Даже если предположить, что по какому-то вопросу все люди придут к определенному согласию, это еще отнюдь не означает, что такое согласие доказывает истинность чего бы то ни было. Более того, если подобное единство взглядов действительно наличествует (хотя это почти невероятно, поскольку, каким бы ни был конкретный вопрос, всегда найдутся люди, у которых вообще нет никакого мнения по этому поводу или которые просто никогда о нем не размышляли),

истинность его невозможно проверить на практике, так что подтверждением и признаком его адекватности останется лишь само это согласие большинства, но большинства конкретного, то есть принадлежащего к той или иной группе, с необходимостью ограниченной в пространстве и времени. В этой области отсутствие подлинного интеллектуального обоснования у подобных теорий представляется тем нагляднее, чем активнее задействованы здесь сентименты — ведь именно они играют столь важную роль во всем, что касается политической сферы. Влияние сентиментов, чувств, являются наибольшим препятствием для понимания определенных вещей, которые при иных обстоятельствах без труда могли бы быть адекватно поняты теми, кто обладает для этого достаточными интеллектуальными качествами. Эмоциональные импульсы мешают мысли, и использование этого обстоятельства является обычной хитростью всех политических манипуляций.

Но давайте посмотрим еще глубже: что составляет сущность закона о большинстве, который проповедуется современными правительствами, и в котором эти правительства видят оправдание своей власти? Это — закон материи и грубой силы, закон тождественный физическому закону, согласно которому масса, увлекаемая своим весом, давит на все то, что находится у нее на пути. Здесь мы и обнаруживаем точку соприкосновения между демократической концепцией и материализмом, и именно в этом следует искать причины тому, что данная концепция так укоренилась в современном мышлении. Благодаря ей полностью переворачивается нормальный порядок вещей, и устанавливается приоритет множественности, который на самом деле существует только в материальном мире.[26] В духовном же мире, и более обобщенно, в универсальном порядке во главе иерархии стоит Единство, поскольку именно Единство, Единица есть изначальный принцип, из которого происходит в дальнейшем всякая множественность.[27] Как только этот принцип Единства теряется из виду или отрицается, остается лишь чистая множественность, которая строго тождественна материи. Более того, говоря несколько выше о законе массы и о весе, мы употребили понятие «веса» не только в качестве простого примера для сравнения. Дело в том, что в области физических сил, в самом обычном понимании этого слова, вес означает стремление к падению и тенденцию сжатия, предполагающих все возрастающую ограниченность существа и одновременно постоянно увеличивающуюся множественность, представленную в данном случае увеличивающейся плотностью.[28] Именно эта тенденция определила

форму человеческой активности с самого начала современной эпохи. И следует заметить, что благодаря своей способности к одновременному разделению и ограничению материя была названа схоластической философией "принципом индивидуации". Это помогает связать воедино предмет нашего настоящего анализа, и все, сказанное выше относительно индивидуализма: демократическая эгалитарная тенденция тождественна тенденции «индивидуализации», которая в иудео-христианской традиции именуется «грехопадением», нарушившим изначальное единство.[29] Множественность, рассматриваемая отдельно от своего принципа, истока и поэтому не могущая более быть приведенной к единству, в социальной области проявлется в представлении об общности, понимаемой лишь как арифметическая совокупность составляющих ее индивидуумов. И на самом деле подобная общность не может являться ничем иным, так как она не связана в этом случае ни с каким принципом, превосходящим индивидуальный уровень. Законом подобной общности может служить лишь закон большинства, закон большого количества, и на этом, собственно, и основана демократическая идея.

Здесь следует заранее предупредить о возможности неадекватного понимания изложенных нами положений: когда мы говорили о современном индивидуализме, мы разбирали почти исключительно его проявления в интеллектуальной сфере, и кое у кого могло поэтому сложиться впечатление, что в социальной сфере дела обстоят несколько иначе. На самом деле, если брать термин «индивидуализм» в его узком понимании, может возникнуть иллюзия, что индивидууму может быть противопоставлена общность, и что прогрессирующее вторжение государства во все сферы жизни, параллельно с разрастанием социальных институтов, является признаком тенденции, направленной против индивидуализма. Однако это не соответствует действительности в том случае, если общность представляет собой простую математическую совокупность индивидуумов, и как таковая не может быть противопоставлена им. Равно и государство в современном его понимании есть не что иное, как простое представительство масс, не отражающее более никакого высшего принципа. При этом следует напомнить, что сам индивидуализм в нашем определении как раз и является отрицанием всякого высшего и сверх-индивидуального принципа. Поэтому, если и возникают конфликты между различными социальными тенденциями, коренящимися в сугубо современном мировоззрении, они являются конфликтами не между индивидуализмом и чем-то отличным от него, но между различными формами одного и того же индивидуализма, под какой

бы личиной он ни выступал. И нетрудно заметить, что подобные конфликты никогда еще не были столь частыми и серьезными, как сегодня, благодаря отсутствию всякого принципа, способного объединить множественность, а также и потому, что сам индивидуализм уже изначально предполагает разделение. Это разделение и проистекающий из него хаос являются неизбежными следствиями всецело материальной цивилизации, так как сама материя есть истинный исток всякого разделения и множественности.

И наконец, остается рассмотреть последнее следствие демократической концепции, состоящее в отрицании идеи элиты. Не случайно «демократия» противопоставляется «аристократии», поскольку этимологически слово «аристократия» означает "власть лучших", "власть элиты". Элита в своем изначальном смысле может представлять собой только меньшинство, и ее сила, а точнее, ее авторитет, основывающиеся на ее интеллектуальном превосходстве, не имеет ничего общего с силой количества, на которой основывается демократия, в соответствии со своей собственной логикой настаивающая на принесении меньшинства в жертву большинству, а значит, качества в жертву количеству, и элиты в жертву массам. Поэтому направляющее воздействие подлинной элиты и даже сам простой факт ее существования — естественно, она может выполнять свои функции, при условии, что она действительно существует — в принципе не совместимы с демократией, основывающейся на эгалитарных концепциях, а значит, на отрицании всякой иерархии (ведь в самом своем основании демократическая идея исходит из предположения, что любого индивидуума вполне можно заменить другим индивидуумом, так как все они математически тождественны, хотя на этом математическом тождестве все сходство и заканчивается). Подлинная элита может быть только интеллектуальной элитой. Поэтому и современная демократия может возникнуть только там, где подлинной интеллектуальности более не существует, что и имеет место в случае современного мира. Однако никакого равенства на деле не существует, и, несмотря на все попытки свести всех к единому уровню, различия между людьми никогда до конца не исчезают. Это заставляет (вопреки самой логики демократии) изобретать различные ложные или псевдоиерархии, высшие уровни которых зачастую претендуют на то, чтобы считаться единственной подлинной элитой. И эти ложные иерархии строятся всегда на относительных и условных основаниях чисто материального характера. В качестве единственного социального различия современные общества признают лишь различие в материальном положении, то есть параметр

чисто материальный и количественный, и это является единственной формой неравенства, допускаемой демократическими режимами, материальными и количественными в самой своей основе. И даже те, кто выступают против такого положения дел, неспособны предложить никакого действенного средства для исправления существующей аномалии, из-за отсутствия обращения к принципам высшего порядка подчас даже усугубляя в негативном ключе актуальную ситуацию. И здесь борьба разворачивается между различными аспектами демократии, в большей или меньшей степени акцентирующими эгалитарную тенденцию, точно так же, как в другом случае речь шла о борьбе между различными аспектами индивидуализма. Фактически демократизм и индивидуализм в конце концов совпадают.

Все эти соображения позволяют ясно понять сущность социальной ситуации в современном мире, и вместе с тем показывают единственно возможный выход из хаоса в социальной сфере, равно как и во всех остальных: этим выходом является восстановление подлинной интеллектуальности, которая должна привести к очередному формированию новой истинной элиты. В настоящее время такой элиты на Западе не существует, так как этот термин нельзя применять к тем разрозненным и изолированным друг от друга элементам, которые несут в себе лишь потенции истинно духовного порядка. Эти элементы чаще всего представляют собой лишь тенденции, стремление к восстановлению нормы, и уже одно это заставляет их противодействовать современному миру. Но будучи только потенциями, они не могут влиять на положение дел хоть сколько нибудь эффективно и серьезно. Всем им недостает истинного знания доктрин традиции, которые невозможно воссоздать путем простой импровизации, исходя только из чистой автономной интеллектуальной логики, способной, особенно в актуальных крайне неблагоприятных для этого обстоятельствах, возместить недостаток знания весьма фрагментарно и неполно. В конечном итоге, мы имеем дело лишь с разрозненными усилиями, которые часто оказываются дезориентированными из-за недостатка знаний принципов и отсутствия руководства, в нормальном случае осуществляющегося посредством традиционных доктрин. Можно было бы утверждать, что свойственная современному миру дисперсия, разрозненность, распространяющаяся даже на его заклятых врагов, есть способ самосохранения этого мира. Это положение дел неизбежно сохранится до тех пор, пока противодействие современному миру протекает лишь в сугубо «профанической» сфере, которая, будучи естественной и единственно приемлемой для луха

современности территорией, всегда предоставляет этому духу исключительные преимущества. И сам тот факт, что враги современного мира все же предпочитают оставаться в рамках именно этой области, свидетельствует, что влияние самого этого мира затрагивает и их самих. Вот почему, многие люди, чьи благие намерения не подлежат никакому сомнению, неспособны понять, что начинать надо только с первопринципов, и они продолжают растрачивать свою энергию в той или иной относительной, частной сфере (социальной или какой-то иной), где по определению в актуальных условиях невозможно добиться ничего подлинного или долговечного. У истинной элиты, если бы таковая существовала, не было бы необходимости прямо вмешиваться в подобные частные сферы или участвовать в каких-либо внешних действиях. Она управляла бы ходом вещей так, что большинство людей просто не знало бы об этом, и она была бы тем более эффективной, чем более невидимой. Достаточно вспомнить все, сказанное выше о силе внушения, которая для того, чтобы быть эффективной, отнюдь не требует никакой истинной интеллектуальности. И этот пример поможет нам представить, какой могущественной должна быть сила влияния истинной интеллектуальной элиты, действующей еще более невидимо и тайно в гармонии со своей внутренней природой, укорененной в чистой интеллектуальности и чистой духовности. И вместо того, чтобы ослаблять эту интеллектуальную силу противостоящей современному миру элиты, разделяя ее под влиянием законов множественности и вовлекая ее в сферу иллюзий и лжи, следовало бы, напротив, позволить ей сконцентрироваться на единстве принципа, и тогда она рано или поздно должна была бы отождествиться с силой самой истины.

Глава 7. МАТЕРИАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Из всего вышесказанного ясно видно, что упреки людей Востока по отношению к западной цивилизации как к цивилизации исключительно материальной совершенно обоснованы. Эта цивилизация развивалась только в материальном смысле, и с какой бы точки зрения мы ее ни рассматривали, мы всегда имеем дело с прямыми результатами такой материализации и сугубо материального развития. Однако ко всему предыдущему следует добавить еще кое-что: во-первых, мы должны разъяснить различное содержание, которое может быть вложено в слово материализм, поскольку если мы определим современный мир как материалистический, обязательно найдутся люди, которые, считая себя сугубо современными, но при этом отнюдь не материалистами, обязательно воспротивятся такому отождествлению и посчитают его оскорбительным. Поэтому мы должны дать некоторые объяснения по этому поводу, чтобы устранить все возможные недоразумения и двусмысленности.

Показательно, что само слово материализм появилось не ранее 18-го века. Этот термин изобрел философ Беркли для характеристики теорий, признающих реальное существование материи. Очевидно, что нас здесь интересует отнюдь не это значение термина, так как самого вопроса о существовании материи мы сейчас не затрагиваем. Несколько позднее слово материализм приобрело более узкий смысл, который оно сохранило вплоть до настоящего времени: материализм стал обозначать концепцию, согласно которой кроме материи и ее производных вообще ничего не существует. Следует заметить, что такая концепция является совершенно новой и представляет собой продукт сугубо современных воззрений, будучи даже одной из самых существенных составляющих современного мировоззрения в целом.[30] Мы же в настоящий момент будем говорить о материализме в ином, намного более широком, но при этом достаточно определенном смысле. В этом смысле материализм, совершенно независимо ни от каких отдельных философских теорий и помимо вышеупомянутого собственно философского материализма, тождественен некоему общему и изначальному мировоззрению, породившему еще множество других концепций и теоретических построений. Это

мировоззрение состоит в более или менее сознательной постановке материальных вещей и связанных с ними проблем на первый план, независимо от того, осуществляется ли это на умозрительном или на чисто практическом уровне. Вряд ли кто-то станет всерьез возражать, что именно такое мировоззрение свойственно подавляющему большинству современных людей.

Вся профаническая наука, развившаяся за последние столетия, основана исключительно на изучении чувственного мира, ограничена только его пределами, и используемые ею методы применимы лишь к одной этой сфере. Но только такие методы, в противоположность всем остальным, и признаются научными, что отрицает саму возможность существования науки, не занимающейся материальными вещами. Однако найдутся многие, кто, разделяя эту точку зрения и даже посвящая себя целиком этим наукам, все же отказываются считать себя материалистами или признавать философскую теорию, известную под именем материализма. Есть среди них и такие, кто открыто исповедуют религию, и в чьей искренности нет оснований сомневаться. Но в то же время научные установки подобных людей ни в чем не отличаются от позиций завзятых материалистов. Часто поднимают вопрос о том, следует ли с чисто религиозной точки зрения вообще отрицать современную науку как атеистическую и материалистическую. Однако, как правило, проблема ставится неадекватно. Очевидно, что сама эта наука не декларирует открыто свой атеизм или материализм. Просто в силу своей предвзятости она проходит мимо определенных вещей, не отрицая заведомо их существования, как это делают те или иные философы. В контексте современной науки, таким образом, можно говорить о материализме de facto, о своего рода практическом материализме. Но от этого зло становится еще более серьезным, так как оно проникает и шире и глубже. Философская установка может быть подчас весьма поверхностной, даже если речь идет о профессиональных философах. А кроме того, многие люди с недоверием воспримут формальное отрицание определенных вещей, тогда как полное безразличие по отношению к ним не вызывает, как правило, никаких подозрений. И это как раз и является самым опасным, так как, чтобы отрицать нечто, необходимо хотя бы в самой незначительной степени об этом задуматься, тогда как позиция полного безразличия вообще избавляет людей от этой необходимости. Если исключительно материальная наука выдает себя за единственно возможную; если люди приучились считать неоспоримой истиной, что вне этой науки не может существовать никакого полноценнного знания; и если образование,

получаемое этими людьми, буквально пропитывает их предубеждениями и предрассудками, свойственными этой науке, а точнее, сциентизму, — как могут эти люди не стать материалистами, или, иными словами, как могут они ориентировать свои интересы и усилия в направлении, отличном от материи и материального мира?

Для современных людей за пределом видимого или ощутимого вообще ничего не существует. Даже если они теоретически допускают, что может существовать нечто еще, они тут же объявляют это нечто не только непознанным, но и непознаваемым, что избавляет их от необходимости об этом задумываться. Конечно, существуют и те, кто пытаются выработать некоторые идеи относительно потустороннего мира, но они полагаются в таких случаях исключительно на свое собственное воображение, представляя потусторонний мир как копию мира земного, наделяя его теми же условиями существования, что и земной мир — пространством, временем и даже некоторой телесностью. В другом месте, говоря о спиритических доктринах, мы приводили шокирующие примеры подобных грубо материалистических представлений. Даже если подобные экстравагантные крайности являются предельным случаем, где все преувеличено до карикатурных пропорций, было бы неверно приписывать этот феномен в целом лишь спиритам или более или менее с ними связанным сектам. В целом, вторжение воображения в области, в нормальном случае закрытые для этого человеческого качества, в сферы, где оно неуместно и непригодно, вообще наглядно свидетельствует о неспособности людей Запада подняться над сферой чувств. Многие даже не видят разницы между постижением и представлением (воображением), и некоторые философы, в частности Кант, зашли настолько далеко, что объявили непостижимым и немыслимым все то, что не поддается представлению и что невозможно вообразить. Итак, все обычно именуемое спиритуализмом или идеализмом, является не более, чем перенесением материализма на нематериальные уровни, простой транспозицией материализма. Это справедливо не только в отношении того, что мы назвали термином нео-спиритуализм, но и в отношении самого философского спиритуализма, хотя сам он и определяет себя как противоположность материализму. На самом деле, материализм и спиритуализм в философском смысле этих слов немыслимы друг без друга, поскольку они суть две половины картезианского дуализма, ставшие вслед за их первоначальным разделением противоположностями. И с тех пор вся философия ограничена этими двумя пределами, не будучи в состоянии выйти за них. Несмотря на этимологию, спиритуализм не имеет ничего

общего с духовностью,[31] и его борьба против материализма вообще не может ни в малейшей степени заинтересовать тех, кто стоит на более высокой интеллектуальной позиции, и кто прекрасно видит, что две эти противоположности в сущности почти совпадают, и в большинстве случаев противоречия между ними сводятся, в конечном итоге, лишь к вербальным и терминологическим расхождениям.

Современный человек в целом не может себе представить никакой иной науки, кроме науки, занимающейся вещами, которые можно измерить, посчитать или взвесить, или, иными словами, материальными вещами, так как только к таким вещам вполне применим чисто количественный подход. Стремление свести качество к количеству является типичным для современной науки. Эта тенденция дошла до того, что появилось положение, гласящее, что наука в подлинном смысле слова существует только в том, что можно измерить, и никаких подлинно научных законов, кроме законов, выражающих количественные соотношения, просто не может быть. Эта тенденция возникла вместе с механицизмом Декарта и становилась с тех пор все более и более ярко выраженной, несмотря даже на отвержение картезианской физики, так как она была связана не с какой-либо частной теорией, но с общим представлением о научном знании. Сегодня принцип измерения пытаются применить даже к области психологии, по самой своей природе заведомо исключающей подобный метод. На настоящем этапе никто более не способен понять, что возможности измерения проистекают из основополагающего качества, присущего самой материи, то есть из ее неопределенно большой делимости. И утверждение, что это качество присуще вообще всему существующему, равнозначно сведению всего до уровня материи. Как мы говорили ранее, именно материя является принципом разделения и всякой множественности. Поэтому предпочтение, отдаваемое количественному подходу и обнаруживаемое, как мы показали выше, даже в сфере социальной, тождественно настоящему материализму в том смысле, в каком мы его определили. И такой подход не обязательно связан с философским материализмом, так как на самом деле в развитии тенденций, составляющих сугубо современное мировоззрение, сам материализм появился несколько позднее материалистических тенденций. Мы не станем останавливаться на изначальной ошибочности стремления свести качество к количеству или на неправомочности всех объяснений более или менее механицистского типа. Это не входит здесь в наши задачи, но заметим лишь по этому поводу, что даже в сфере чувственного материального мира, наука, практикующая подобный подход, имеет самое

отдаленное отношение к действительности, и большая часть реальности с необходимостью остается вне сферы ее компетенции.

Упоминание термина реальность обращает наше внимание на иной факт, который многими остается не замеченным, но который при этом является чрезвычайно выразительным признаком всей совокупности разбираемых нами воззрений: люди обычно употребляют слово реальность исключительно для описания реальности чувственного уровня. Так как любой язык отражает особый тип мышления, свойственного тому или иному народу или временному периоду, из этого следует заключить, что для подобных людей все, что не может быть воспринято с помощью чувств, является нереальным, то есть иллюзорным или даже вообще несуществующим. Возможно, не все до конца осознают это, но тем не менее, именно таковым является их внутреннее убеждение. Даже если некоторые внешне и отрицают это, подобное отрицание проистекает из более поверхностных структур их ментальности, хотя они об этом и не подозревают, а иногда подобное отрицание вообще остается чисто вербальным. Если кое-кто подумает, что мы преувеличиваем, ему следует лишь повнимательней приглядеться к тому, что представляют из себя религиозные убеждения многих современных людей: несколько идей, заученных наизусть чисто механическим, школьным образом, без какого бы то ни было подлинного усвоения, о которых никогда серьезно никто не задумывался, но которые хранятся в памяти и повторяются от случая к случаю как дань условностям или формальной позиции — вот и все, что понимается сегодня под религией. Мы уже говорили о минимализации религии, и подобный вербализм представляет собой одну из ее последних стадий. Это объясняет, в частности, почему так называемые верующие заходят столь же далеко в практическом материализме, как и неверующие. Мы еще вернемся к этой теме, но пока следует еще раз подчеркнуть материалистический характер современной науки, так как эту проблему необходимо рассматривать под различными углами зрения.

Следует снова вернуться к уже упомянутому нами тезису: современные науки не являются сферой чистого знания, и их умозрительный характер, даже для тех, кто искренне в них верит, не более, чем маска, скрывающая чисто практические интересы. Но именно эта маска порождает иллюзию псевдо-интеллектуальности. Сам Декарт, разрабатывая свою физику, был изначально заинтересован в выведении из нее системы механики, медицины и морали. Но еще большие изменения произошли с распространением англо-саксонского эмпиризма. Более того, именно извлекаемые из науки практические результаты делают ее столь

престижной в глазах широкой публики, поскольку здесь снова вещи можно увидеть и потрогать. Мы указали, что прагматизм представляет собой логическое завершение современной философии и последнюю стадию ее упадка. Но несистематизированный прагматизм был распространен уже задолго до появления прагматической философии, и такой прагматизм находится в том же отношении к этой философии, как практический материализм к материализму теоретическому. Именно этот прагматизм и называют обычно здравым смыслом. Более того, инстинктивный утилитаризм также почти неразделим с материалистической тенденцией, так как здравый смысл заключается в ограничении сферы интересов интересами чисто житейскими, а также в игнорировании всего, что не имеет непосредственной практической пользы. Именно здравый смысл рассматривает чувственный мир как единственно реальный и признает лишь знание, полученное с помощью органов чувств. Кроме того, он наделяет ценностью эту узкую сферу знаний только в той степени, в которой она дает возможность удовлетворить либо материальные потребности, либо определенные сентиментальные склонности, так как сентименты — мы должны откровенно признать это, рискуя шокировать современных моралистов на самом деле расположены очень близко к уровню материи. Во всем этом собственно интеллекту вообще не остается места, или в лучшем случае, ему отводится служебная роль при достижении практических целей, и он становится не более чем инструментом, подчиненным потребностям низшего и телесного уровня человеческой индивидуальности, прибором для производства приборов, как довольно точно выразился Бергсон. Прагматизм во всех своих формах порождает абсолютное безразличие к истине.

В таких условиях промышленность перестает быть только приложением науки, от которого наука сама по себе была бы независима, но превращается в смысл существования и в оправдание самой науки, так что нормальные соотношения между вещами совершенно переворачиваются. Современный мир изо всех сил стремится, даже тогда, когда он декларирует, что следует за наукой, к единственной цели — к развитию промышленности и механизации. И таким образом, стремясь подчинить себе материю и поставить ее себе на службу, люди в конечном итоге, как мы отметили в самом начале, лишь становятся ее рабами. Они не только ограничили свои интеллектуальные претензии — если о существовании таких претензий сегодня вообще можно говорить изобретением и конструированием механизмов. Они кончили тем, что сами превратились в механизмы. Не только ученые, но и техники, и даже

рабочие проходят специализацию, столь восхваляемую сегодня некоторыми социологами под видом разделения труда. И это окончательно лишило рабочих возможности разумного труда. В противоположность артизанам и артельщикам прошлых времен они превратились в простых рабов механизмов, с которыми они составляют единый блок. Чисто механическим образом они вынуждены постоянно повторять определенные движения, всегда одни и те же и выполняющиеся в одинаковой последовательности, чтобы избежать малейшей потери времени. По крайней мере, именно этого требуют американские методы, которые рассматриваются как самая передовая стадия технического прогресса. Цель всего этого производить как можно больше. Качество мало что значит, важно лишь количество. И это снова отсылает нас к замечанию, сделанному нами по другому поводу: современная цивилизация может быть названа количественной цивилизацией, а это лишь иная форма выражения для определения ее как цивилизации материальной.

Все те, кто хотят других подтверждений этой истины, должны обратить внимание на то, какое гигантское значение имеют сегодня экономические факторы в жизни народов и отдельных людей. Промышленность, коммерция, финансы — это, кажется, единственное, что сегодня принимается в расчет. И это вполне логично согласуется с тем уже упомянутым фактом, что единственным сохранившимся до сего времени социальным различием является различие в материальном благосостоянии. Политика полностью контролируется финансами, и торговая конкуренция оказывает решающее влияние на отношения между народами. Возможно, однако, что такая картина соответствует только внешней стороне вещей и что на самом деле эти факторы суть скорее поводы к действию, чем его настоящие причины, но тем не менее, уже сам выбор таких поводов ярко показывает специфику того периода, в котором они используются. Более того, современные люди убеждены, что сегодня только экономические условия предопределяют исторические события, и они даже воображают себе, что так было всегда. Была изобретена особая теория, которая все объясняет исключительно экономическими факторами, и которая носит чрезвычайно показательное название — исторический материализм. Здесь также можно различить эффекты внушения, о котором мы упоминали выше, и сила этого внушения тем больше, чем точнее оно соответствует всеобщим тенденциям актуального мышления. И в результате подобного внушения экономические факторы действительно начинают становится решающими в отношении всего происходящего в социальной сфере. Конечно, массы всегда были тем или иным образом ведомы, и можно

сказать, что их роль в истории и заключалась в том, чтобы позволять себя вести, поскольку они представляют собой пассивный элемент, материю в аристотелевском смысле этого слова. Но чтобы вести их сегодня, достаточно обладать чисто материальными (на сей раз в обыденном смысле слова) средствами, и это ясно показывает, до каких глубин падения дошла наша эпоха. И в то же время массам внушается, что они отнюдь не ведомы, что они действуют спонтанно и управляют собой самостоятельно, и тот факт, что они верят этому, убедительно доказывает, что свойственная массам глупость является воистину беспредельной.

Раз уж мы заговорили об экономических факторах, воспользуемся случаем, чтобы рассеять иллюзию относительного того, что установление коммерческих связей якобы способствует сближению народов и устанавливает между ними взаимопонимание. На самом же деле это приводит как раз к обратному результату. Материя, как мы уже неоднократно указывали, есть по существу множественность и разделение, делимость, и поэтому она является причиной борьбы и конфликтов. И в случае народов, и в случае отдельных личностей экономическая сфера есть сфера конкуренции интересов. Так, в частности, Запад не может рассчитывать ни на промышленность, ни на неотделимую от нее науку в качестве основы для взаимопонимания с Востоком. Если люди Востока вынуждены принять промышленность как неприятную и временную неизбежность и для них она в принципе не может быть чем-то иным, они используют ее лишь как оружие, позволяющее протовостоять экспансии Запада и оберегать свое собственное существование. Следует четко усвоить, что это и должно быть именно так: люди Востока, признающие необходимость экономической конкуренции с Западом, несмотря на все отвращение, которое они к этому испытывают, идут на это с единственной целью спастись от иноземного господства, основанного на грубой силе и на материальных возможностях, открывающихся благодаря промышленности. Насилие призывает насилие, но следует признать, что к сражению на этом поприще первыми стремились отнюдь не люди Востока.

Более того, вне всякой связи с отношениями между Востоком и Западом, легко заметить, что среди результатов индустриального развития наиболее показательными являются сегодня достижения в сфере производства военной техники, которая постоянно совершенствуется, увеличивая свои разрушительные возможности до тревожных пропорций. Уже одного этого достаточно, чтобы развеять пацифистские мечты некоторых фанатиков прогресса. Но мечтатели и идеалисты неисправимы, и их доверчивость, кажется, не знает границ. Столь популярный сегодня

гуманитаризм вообще не следует принимать всерьез. Но все же странно, что люди так много говорят о прекращении вообще всех войн, об установлении вечного мира, в то время как приносимые сегодня войной разрушения несопоставимы ни с какими предыдущими эпохами, и не только потому, что умножились орудия уничтожения, но и потому, что, в отличие от прошлых войн, в которых участвовали сравнительно небольшие армии, состоящие из профессиональных солдат, сегодня все люди враждующих стран набрасываются друг на друга сообща, включая и тех, кто менее всего предрасположен к подобной деятельности. И здесь снова перед нами ярчайший пример современного смешения. Особенно зловещим для тех, кто даст себе труд задуматься об этом, должно представляться то, что восстание масс или всеобщая мобилизация становится постепенно совершенно нормальным явлением, и почти все за редким исключением спокойно принимают идею вооруженной нации. И в этом также проявляется эффект веры в силу числа самого по себе: приведение в движение масс или гигантского числа воюющих вполне соответствует количественному характеру современной цивилизации. И здесь снова, равно как в системе обязательного образования или всеобщих выборов, проявляется характерный эгалитаризм. Добавим, что эти тотальные войны стали возможными благодаря другому специфически современному феномену — формированию наций, произошедшему как следствие разрушения феодальной системы и разложения высшего единства средневекового Христианства. Не имея возможности развить здесь эту тему полнее, так как это завело бы нас слишком далеко, укажем лишь, что вещи усугубляются еще и засчет непризнания никакой духовной власти, которая в нормальных условиях смогла бы выступить как подлинный арбитр, в силу своей собственной природы находясь выше всех конфликтов чисто политического уровня. Отрицание духовной власти также является практическим материализмом. Даже те народы, которые теоретически признают эту духовную власть, на практике отказывают ей в каком-либо действенном влиянии или вмешательстве в социальную сферу, подобно тому, как религия выносится за пределы каждодневного существования простых верующих: и в общественной, и в личной жизни преобладает одно и то же мировоззрение.

Даже если допустить, что материальное развитие имеет на самом деле некоторые преимущества, хотя и весьма относительные, рассмотрение его последствий, которые мы упоминали выше, с необходимостью ведет к закономерному сомнению: не перевешивают ли негативные результаты такого развития его позитивных результатов? Мы уже не говорим о

множестве несравнимо более ценных вещей, принесенных в жертву чисто материальной форме развития; о забытом в угоду материализму высшем знании, о заброшенной интеллектуальности и об исчезнувшей духовности. Мы утверждаем, что даже при оценке современной цивилизации в ее собственных терминах, сравнение ее преимуществ с ее недостатками, скорее всего, покажет, что преобладающими являются именно недостатки. Новые изобретения, число которых с каждым днем возрастает, становятся все более и более опасными благодаря тому, что они апеллируют к таким силам, чья истинная природа остается совершенно неизвестной для использующих их людей. И подобное невежество лишний раз доказывает неспособность современной науки объяснить что бы то ни было и ее несостоятельность как сферы истинного знания, даже в такой узкой области, как физика. Тот факт, что такое невежество отнюдь не препятствует практическим приложениям науки, свидетельствует лишь о том, что, в действительности, она ориентирована исключительно на практические цели, и что промышленность и ее проблемы являются единственной подлинной заботой всех ее поисков. Опасность, заключенная в подобных изобретениях, даже в том случае, если они не имеют прямого отношения к орудиям массового уничтожения (что не мешает им быть причиной множества катастроф, не говоря уже о нарушении экологического балланса окружающей среды), несомненно, будет все более и более возрастать до тех пределов, которые довольно трудно предвидеть. И более чем вероятно, что именно благодаря этим тревожным изобретениям современный мир сам породит причину собственной гибели, если движение в этом направлении не будет остановлено в ближайшее время, пока это еще возможно.

Однако при оценке современных изобретений не достаточно только сдержанности, основанной на понимании заключенной в них опасности. Здесь есть и другая сторона дела. Часто можно слышать славословия тем благодеяниям, которые несет с собой так называемый прогресс, и можно было бы согласиться с самим этим термином прогресс, если уточнить, что речь идет исключительно о материальном прогрессе. Но не являются ли эти благодеяния, которыми так гордятся сегодня, чисто иллюзорными? Современные люди настаивают, что с помощью прогресса они значительно повысили свое благосостояние. С нашей точки зрения, даже если они действительно добились в чем-то своей цели, вряд ли затраченные усилия могут быть оправданы полученными результатами. И более того, достигнуты ли эти цели, это еще вопрос. Во-первых, следует учесть, что не все люди имеют одинаковые вкусы и одинаковые потребности, и кое-кто,

быть может, с радостью избежал бы современной спешки и страсти к большим скоростям, хотя это более не представляется возможным. Разве можно считать благодеянием по отношению к подобным людям то, что их заставляют участвовать в чем-то совершенно противоположном их собственной природе? Могут в ответ на это возразить, что сегодня таких людей немного, и к ним поэтому можно относиться как к ничтожному меньшинству. И в этом случае, равно как и в области современной политики, большинство узурпирует полномочия на подавления меньшинства, которое в его глазах просто не имеет права на существование, так как такое существование идет вразрез с эгалитарной манией униформности. Но если принять во внимание все человечество, а не только один западный мир, то вопрос станет совершенно иначе: то, что было большинством станет меньшинством. Поэтому здесь используют иной аргумент, и несмотря на всю противоречивость данного утверждения поборники равенства во имя превосходства своей позиции стремятся навязать свою цивилизацию всему остальному миру, привнося тем самым смуту в народы, которые сами их никогда об этом не просили. И так как все это превосходство сводится к превосходству чисто материальному, для его утверждения используются самые грубые и материальные средства. Более того, надо прояснить этот вопрос до конца: если широкая публика действительно искренне верит в предлог о необходимости распространения цивилизации, для многих это лишь форма морализаторского лицемерия, прикрывающего чисто экономические интересы и амбиции. Насколько странно выглядит эпоха, в которую людей можно заставить верить, что счастье можно получить ценой своего полного подчинения посторонней силе, ценой разграбления всех их богатств, то есть всех ценностей их собственной цивилизации, ценой насильного насаждения манер и институтов, предназначенных для совершенно иных народов и рас, ценой принуждения к отвратительной работе ради приобретения вещей, не имеющих в их среде обитания никакого разумного применения! Но именно это и происходит сегодня: современный Запад не выносит людей, которые заведомо согласны были бы меньше работать и скромнее жить, и поскольку во всем в расчет принимается только количество, а все, что не воспринимается органами чувств считается, просто несуществующим, то всякий человек, не пребывающий в состоянии ажитации и не производящий материальных предметов, с неизбежностью квалифицируется как лентяй или бездельник.

В подтверждение этого (не говоря уже о расхожих мнениях относительно людей Востока) достаточно упомянуть об оценке, бытующей

даже среди людей, считающих себя религиозными, относительно чисто умозрительных монашеских орденов. В современном мире нет больше места ни для интеллекта, ни для каких бы то ни было вещей внутренней природы уже потому, что их нельзя ни увидеть, ни потрогать, ни взвесить, ни сосчитать. Всех занимают только чисто внешние действия во всевозможных формах, даже те из них, которые начисто лишены всякого смысла. Поэтому не следует удивляться тому, что англо-саксонская мания спорта с каждым днем распространяется все шире и шире: идеал современного мира — это человеческое животное, развившее свою мускульную силу до последних пределов. Его герои атлеты, даже если они грубы и бессмысленны. Именно такие персонажи вызывают всеобщий энтузиазм, и их достижения возбуждают страстный интерес толпы. Мир, в котором процветают подобные вещи, действительно безмерно пал и предельно близок к своему концу.

Однако посмотрим на вещи с позиции тех, чей идеал действительно состоит в материальном благосостоянии, и кто поэтому на самом деле восхищается всеми изменениями, привнесенными в жизнь современным прогрессом. Но не обманываются ли и они? Разве в действительности использование средств быстрого сообщения и других подобных вещей, а также более суетливая и усложненная современная жизнь делают сегодняшних людей более счастливыми, чем их предки? Напротив, справедливо скорее обратное: отсутствие сбалансированности и уравновешенности не может быть условием подлинного счастья. Кроме того, чем больше у человека потребностей, тем больше шансов, что ему чего-то будет не доставать, и поэтому он будет несчастлив. Современная цивилизация стремится искусственно создавать все новые и новые потребности, и как мы уже сказали, этих потребностей всегда будет больше, нежели она сможет удовлетворить, и раз ступив на этот путь, будет крайне сложно остановиться, а кроме того, для подобной остановки нет никаких весомых причин. Раньше для людей не составляло никакого труда обходиться без вещей, о существовании которых они и не подозревали, и к которым никогда и не стремились. Сегодня, напротив, им тягостно выносить отсутствие определенных вещей, так как они привыкли считать их необходимыми, и в конечном итоге, они действительно стали для них необходимы. Поэтому люди всеми возможными путями стремятся приобрести средства для удовлетворения своих материальных нужд, которые одни только и остались у современного человека. Все заинтересованы лишь в том, чтобы делать деньги, поскольку лишь деньги позволяют им приобрести все эти вещи, и чем больше этих вещей

находится в их распоряжении, тем больше они хотят приобрести еще, продолжая постоянно обнаруживать все новые и новые потребности. И эта страсть становится единственной целью в жизни.

С некоторых пор жестокая конкуренция в концепциях некоторых эволюционистов была возведена в статус научного закона под именем борьбы за существование, чьим логическим следствием стало утверждение, что только сильнейший, причем сильнейший в узко материальном смысле этого слова, имеет право на существование. Тогда же появилась зависть и даже бешеная ненависть к тем, кто имеет больше, со стороны тех, кто имеет меньше. И как могут люди, которым постоянно внушаются теории равенства, не восстать, видя вокруг полное неравенство во всем, что касается материальной стороны вещей, то есть именно той, которая затрагивает их более всего? И если современная цивилизация однажды будет уничтожена беспорядочными и безмерными аппетитами, пробужденными ею же самой в массах, надо быть слепым, чтобы не увидеть в этом справедливого воздаяния за ее же собственные грехи, или иными, не имеющими отношения к морали, словами, за последствия ее собственных действий в сфере развертывания этих действий. Евангелие гласит: Все те, кто возьмут меч, от него и погибнут. Те, кто пробуждают грубые силы материи, сами погибнут, раздавленные теми же силами, над которыми они хотели господствовать. Раз приведя их в движение, глупо затем надеяться, что контроль над ними будет продолжаться вечно. Неважно, будут ли это силы природы или сила людской толпы, или и то и другое одновременно. В любом случае это будут силы материи, впущенные в мир, и они неизбежно уничтожат того, кто хотел управлять ими, не умея при этом встать надо всем материальным уровнем. Евангелие также гласит: Если царство разделится в себе самом, оно не устоит. И это целиком и полностью относится к современной цивилизации, которая в силу своей собственной природы не может не сеять повсюду беды, конфликты и разделения. Из всего этого, даже не прибегая к другим доводам, можно со всей уверенностью сделать логический вывод, что этот мир, если в нем не произойдет радикального изменения, радикального вмешательства, которое перевернет естественный сегодня ход вещей, должен неизбежно прийти к трагическому концу, причем это должно случится в самом ближайшем времени.

Так как мы настаиваем на том, что современная цивилизация является исключительно материалистической и материальной, наверняка, многие обвинят нас в том, что мы упускаем из виду некоторые элементы, которые в определенном смысле смягчают этот материализм. На самом деле, если

таких элементов вообще не было бы, то, возможно, эта цивилизация в настоящее время уже прекратила бы свое жалкое существование и погибла бы. Поэтому мы никоим образом не оспариваем наличие подобных элементов, но, с другой стороны, и по этому поводу не следует строить себе никаких иллюзий: во-первых потому, что различные философские течения, именующие себя спиритуализмом и идеализмом, а равно такие современные тенденции, как морализм и сентиментализм, не принадлежат к числу этих подлинно нематериалистических элементов. Мы уже объясняли причины этого и напомним лишь, что для нас эти течения являются не менее профаническими, нежели сам теоретический или практический материализм, и вовсе не так уж и далеки от него, как это может показаться. Во-вторых, если остатки истинной духовности действительно сохранились, то лишь вопреки всей стихии современности и в полном противоречии с ней. Эти остатки духовности, если говорить лишь о собственно западной традиции, можно найти только в религии. Но мы уже отмечали, насколько сужена сегодня сфера религии, насколько скудное и посредственное представление о ней бытует среди самих верующих, и до какой степени она лишена подлинной интеллектуальности, тождественной истинной духовности. В таких условиях, если религия и содержит в себе еще некоторые возможности, то лишь в латентном, потенциальном состоянии, и ее реальное влияние чрезвычайно ограничено. Тем не менее поразительно видеть, с какой жизненной силой держится религиозная традиция, даже сузившись до виртуального, потенциального состояния, несмотря на все многовековые попытки уничтожить и вытеснить ее окончательно. Те, кто еще способен мыслить, не могут не заметить в этом сопротивлении знаки нечеловеческой силы. Но мы должны повторить еще раз, что эта традиция не принадлежит современному миру, не является одним из его компонентов, и, напротив, совершенно противоположна всем его тенденциям и целям. На этом следует настаивать, вместо того, чтобы тщетно пытаться примирить эти две непримиримые вещи: между религиозным сознанием в подлинном смысле этого слова и сознанием сугубо современным не может быть ничего, кроме радикального противостояния, и любой компромисс между ними только ослабит первое и усилит второе. В случае такого компромисса враждебность современного сознания по отношению к сознанию религиозному ни в коем случае не будет усмирена окончательно, так как его конечная цель и смысл существования состоит в уничтожении всего, что представляет в человечестве отблески реальности, далеко превосходящей собственно человеческий уровень.

Иногда современный Запад называют христианским, но это совершенно неверно. Современное сознание является глубоко анти-христианским, поскольку оно сущностно анти-религиозно. А анти-религиозно оно по той причине, что оно антитрадиционно в самом широком смысле этого слова. И именно это качество является его отличительной чертой, делает из него то, что оно есть. Без сомнения, кое-что от Христианства все же осталось и в современной анти-христианской цивилизации, так что даже самые передовые, по их собственному определению, ее представители подвержены, хотя подчас невольно и бессознательно, определенному, порой косвенному христианскому влиянию: каким бы решительным ни был порыв с прошлым, он никогда не может уничтожить вообще всякую связь с ним. Более того, мы утверждаем, что все, имеющее хотя бы малейшую ценность в современном мире, пришло в него именно из Христианства, или, по меньшей мере, через посредство Христианства, так как Христианство принесло с собой все наследие предыдущих традиций, оживляло это наследие, пока это было возможно, и до сих пор содержит в латентном состоянии многие подобные возможности. Но разве кто-нибудь сегодня, даже среди тех, кто называют себя христианами, имеет подлинное знание об этих возможностях? Где найти, хотя бы в католичестве, людей, которые сознавали бы глубинный смысл исповедуемых ими внешне доктрин, и которые, не довольствуясь более или менее поверхностным, скорее сентиментальным, нежели разумным верованием, действительно знали бы истины традиции, наследниками которой они сами себя считают? Мы бы хотели увидеть доказательство, что такие люди существуют, пусть даже в ничтожном количестве, и тогда это могло бы быть величайшей, и быть может, единственной надеждой действительно спасти Запад. Но мы вынуждены признать, что до сих пор мы не встречали ничего подобного: быть может, следует предположить, что они живут окруженные тайной в каком-то недоступном убежище, как некоторые мудрецы Востока? А может быть, надо вообще расстаться с этой надеждой на спасение? Запад был христианским в Средневековье, но он более таковым не является. Если кто-то скажет, что он снова может стать христианским, мы заметим, что ничего большего мы сами и не желали бы, и что мы искренне хотели бы верить, что это случится раньше, чем того позволяет ожидать внешнее течение событий. Но и в этом отношении не следует заблуждаться: если это случится, с современным миром будет покончено навсегда.

Глава 8. ЭКСПАНСИЯ ЗАПАДА

Как мы уже говорили, современное смешение коренится в западном мире, и вплоть до последнего времени оно имело более или менее локальные масштабы. Но сегодня процесс смешения приобретает такие пропорции, что его значение безмерно возрастает: смешение и хаос распространяются повсюду, и кажется даже, что сам Восток становится их жертвой. Конечно, западная экспансия не представляет собой ничего нового, но в предшествующие эпохи она ограничивалась более или менее грубой доминацией над народами, и воздействие Запада не распространялось дальше уровня политики и экономики: несмотря на все виды пропаганды, проводимой представителями Запада под любыми предлогами, сугубо восточное мышление оставалось незатронутым, и древние традиционные цивилизации продолжали существовать так же, как и прежде. Сегодня же, напротив, появляется все больше и больше восточных людей, которые целиком и полностью «вестернизированы», которые отрекаются от своих традиций и усваивают все заблуждения, свойственные сугубо современному мировоззрению. Подобные «вестернизированные» элементы, сбитые с пути обучением в европейских или американских университетах, становятся источниками смуты и волнений в своих собственных странах. Но при этом, по крайней мере, в настоящее время, не следует преувеличивать их значимость: люди Запада часто воображают, что эти шумные, но малочисленные персонажи и представляют собой современный Восток, но на самом деле их влияние не имеет какого бы то ни было широкого или глубокого резонанса. Это заблуждение имеет весьма простое объяснение: истинные представители Востока не имеют ни малейшего желания быть известными и популярными на Западе, тогда как восточные модернисты, если можно так выразиться, постоянно стремятся выдвинуться на передний план, произносят речи, пишут книги и вступают во всевозможные формы внешней деятельности. Но тем не менее, это анти-традиционное движение действительно имеет шансы распространиться достаточно широко, и эту возможность, какой бы неприятной она ни была, все же следует принимать во внимание. Истинно традиционный дух сегодня имеет тенденцию все более и более замыкаться в самом себе, и центры, хранящие его во всей его полноте, становятся с каждым днем более закрытыми и труднодоступными. Тотальность смешения точно соответствует тому положению вещей, которое и должно

иметь место в последней стадии Кали-юги.

Следует сказать со всей определенностью: сугубо современное мировоззрение является чисто западным, и те, кто затронут им, должны считаться носителями «западного» мышления, даже в том случае, если они по происхождению являются людьми Востока. Восточные идеи совершенно чужды подобным людям, и их враждебность по отношению к традиционным доктринам объясняется только их полнейшим невежеством в этой области. Странным и парадоксальным может показаться в данной ситуации тот факт, что сторонники Запада на интеллектуальном, а точнее, на анти-интеллектуальном плане, часто являются противниками Запада в вопросах политики. Но в этом нет ничего удивительного, так как подобные люди стремятся к формированию на Востоке различных «наций», а всякий национализм глубоко чужд традиционным воззрениям. Даже если такие деятели справедливо хотят противостоять иностранной доминации, они используют для этого те же западные методы, что и сами западные народы в своей междуусобной борьбе. Может быть, в этом единственно и состоит смысл самого их существования. Если использование подобных методов стало уже неизбежным, то заниматься этим могут только те члены общества, которые порвали всякую связь с традицией. Возможно, подобные элементы и следует использовать в прагматических целях, чтобы впоследствии избавиться от них, равно как и от самих западных завоевателей. Кроме того, довольно логично было бы обратить против Запада его же собственные идеи, так как такие идеи не могут породить ничего, кроме разделения и разрушения, направленных против тех, кто их впервые выдвинул. Быть может, именно в результате подобных идей и суждено погибнуть современному миру. Не так уж важно, произойдет ли это в ходе внутренних раздоров на самом Запада, раздоров между нациями или социальными классами, или, как предполагают некоторые, вследствие атак «вестернизированных» людей Востока, или же вследствие катаклизма, вызванного "научным прогрессом" — как бы то ни было, всякая опасность для Запада исходит от него самого и является плодом, порожденным им самим.

Единственный вопрос, который следует здесь поставить, состоит в следующем: переживет ли Восток под влиянием Запада лишь временный и довольно поверхностный кризис, или Запад вовлечет в свое падение все человечество? На сегодняшний день трудно дать по этому поводу какой-либо определенный ответ, основанный на конкретных фактах. Обе эти противоположные возможности рассматриваются сегодня на Востоке, но может статься, что все же духовная сила, присутствующая в традиции, — о

наличии которой ее враги даже и не подозревают, — одержит верх над материальной силой, когда та отыграет свою роль, и рассеет ее, как свет тьму. Но вероятно и то, что прежде, чем это произойдет, наступит период полнейшего мрака. Традиционный дух не может погибнуть, будучи по ту сторону изменения и смерти. Но он может полностью покинуть этот мир, и в этом случае свершится настоящий "Конец Света", "Конец Мира". Из всего вышесказанного должно быть ясно, что подобное событие скорее всего произойдет в самом ближайшем будущем. Смешение, захлестнувшее сегодня Запад и все больше распространяющееся на Востоке, может быть понято как "начало конца", как предупредительный знак о скором наступлении того момента, когда, согласно индуистской традиции, вся сакральная доктрина замкнется, как в раковине, из которой она снова появится во всей своей полноте лишь на заре нового мира.

Оставим, однако, предсказания будущих событий и обратимся к настоящему: как бы то ни было, Запад, без всякого сомнения, осуществляет свою экспансию повсюду. Вначале его влияние проявлялось только в материальной, наиболее близкой ему, сфере, через насильственные завоевания, торговлю и контроль за природными ресурсами других стран. Сегодня же ситуация значительно усугубилась. Люди Запада, всегда жаждущие прозелитизма, столь им свойственного, преуспели в насаждении своего антитрадиционного и материалистического мировоззрения среди других народов. Если вначале их завоевания затрагивали людей только телесно, то сегодня они проходят в более тонкой сфере, отравляя умы людей и убивая в них всякую духовность. Конечно, только материальное покорение сделало возможным покорение духовное, и поэтому можно утверждать, что Запад, в конечном итоге, навязал себя миру только с помощью грубой силы, что, впрочем, совершенно логично, так как только в грубо материальной сфере состоит единственное преимущество западной цивилизации, какой бы ущербной она ни была с другой точки зрения. Западная экспансия — это экспансия матриализма во всех его формах, и она не может быть ничем иным. Ничто не способно опровергнуть эту истину — никакие лицемерные предлоги, никакие моралистические оправдания, никакие гуманитарные восклицания, никакие пропагандистские уловки, никакое (подчас довольное ловкое и искусное) внушение, пытающиеся прикрыть эти разрушительные цели. Отрицать ее могут либо законченные простаки, либо люди, непосредственно заинтересованные в осуществлении «сатанинской» в самом прямом смысле этого слова операции.[32]

Удивительно, что именно тот самый момент, когда западное

вторжение происходит повсюду, некоторые люди выбирают для того, чтобы поднять крик о пугающей их опасности внедрения восточных идей на Запад. Как следует понимать это новое недоразумение? Несмотря на наше намерение ограничиться только соображениями общего порядка, мы не можем не сказать здесь несколько слов относительно книги "Защита Запада", недавно опубликованной Анри Массисом, в которой изложена именно эта точка зрения. Данная книга полна неясностей и даже откровенных противоречий, которые в очередной раз свидетельствуют, до какой степени даже те, кто хотят противостоять современному беспорядку, не способны осуществить это на деле, поскольку и сами они не совсем ясно понимают, против чего собираются бороться. Автор специально подчеркивает, что в его намерение не входит критика подлинного Востока. И если бы он ограничился при этом критикой псевдо-восточных фантазий, иными словами, чисто западных теорий, распространившихся в последнее время под обманчивыми восточными названиями, а на самом деле являющихся типичными образцами современного хаотического мышления, то это заслуживало бы только всецелого одобрения с нашей стороны, так как мы сами всегда заостряли внимание на опасности, заключенной в подобного рода вещах, а также на их полной интеллектуальной несостоятельности. К несчастью, автор на этом не останавливается и приписывает истинному Востоку концепции, мало отличающиеся от псевдо-восточных пародий. В этом вопросе он ссылается на мнение более или менее «официальных» ориенталистов, у которых восточные доктрины обычно предстают в виде какой-то карикатуры. Что бы, интересно, сказал сам Массис, если кто-нибудь воспользовался бы подобным же методом при разборе Христианства, и попытался бы судить о нем на основании трудов университетских представителей «гиперкритицизма»? Но именно это проделывает он в отношении доктрин Индии и Китая, вдобавок с тем отягчающим обстоятельством, что западные исследователи, на которых он ссылается, вообще не обладают никаким прямым знанием этих доктрин, в то время, как их коллеги, занимающиеся Христианством, по меньшей мере, знакомы с ним непосредственно, хотя их враждебность по отношению к религии закрывает для них возможность хоть сколько бы то ни было адекватного ее понимания. Более того, подчас мы сталкивались с огромными трудностями в том, чтобы убедить людей Востока, что исследования ориенталистов суть не более, чем результат их полнейшей некомпетентности в данном вопросе, а не сознательное очернительство с их стороны, — настолько их писания полны враждебности и злобы, свойственных, впрочем, всему анти-традиционному мировоззрению. И

здесь мы хотели бы задать Анри Массису вопрос: неужели он действительно полагает, что, в стремлении восстановить свою традицию у себя дома, следует дискредитировать ее у других? Мы употребляем императивную категорию «следует», так как в его случае вся дискуссия разворачивается на политическом уровне. Поскольку мы стоим на иной, чисто интеллектуальной точке зрения, для нас важны не «рекомендации» и «долженствования» различного рода, но лишь вопрос истинности. Но подобная позиция, без сомнения, представляется слишком высокой и отвлеченной для полемически настроенных людей, и она их явно не может удовлетворить. Иногда даже закрадывается сомнение, а заботит ли их, с их склонностью к спорам и опровержениям, вообще истина?[33] Анри Массис нападает на то, что он называет "восточной пропагандой", хотя подобное выражение заключает в себе противоречие, поскольку, как мы уже неоднократно подчеркивали, любовь к пропаганде является чисто западным явлением. Уже этого достаточно, чтобы вскрыть здесь определенное предубеждение автора. Среди тех пропагандистов, которых он имеет в виду, можно выделить две группы. Первая целиком состоит из западных людей. Зачисление немцев и русских в число представителей восточного мировоззрения было бы частной нелепостью, если бы оно не свидетельствовало о полном невежестве относительно того, что является полинным Востоком. Некоторые замечания автора по поводу этой группы действительно не лишены оснований, но почему бы не называть в данном случае вещи своими подлинными именами? К той же первой группе следует отнести и англо-саксонских «теософистов» и основоположников других сходных сект, которые пользуются восточной терминологией только для того, чтобы сбить с толку простаков и невежд, так как за ней скрываются идеи, столь же чуждые традиционному Востоку, сколь и близкие современному анти-традиционному Западу. Подобные люди несравнимо опаснее простых философов, поскольку у них существуют претензии на эзотеризм, столь же чуждый им, как и самим философам, но который, однако, они имитируют, чтобы привлечь к себе людей, ищущих нечто более глубокое, нежели чисто «профанические» рассуждения, но посреди современного хаоса не знающих в каком неправлении ориентировать свои поиски. Нас не очень удивило, что А.Массис едва упомянул об этой категории. Во второй выделенной им группе, мы сталкиваемся с примерами тех «вестернизированных» людей Востока, о которых мы говорили выше. Эти последние так же невежественны в отношении восточных доктрин, как представители и первой группы, и они в принципе не способны распространять на Западе восточные идеи, хотя

бы уже потому, что они их не знают. Кроме того, их истинная цель состоит как раз в прямо противоположном, так как они стремятся уничтожить эти идеи на самом Востоке, и доказать Западу, что модернизированный Восток соответствует тем теориям, которые им были вбиты в голову в Европе и Америке. Будучи откровенными пособниками наиболее вредоносной западной пропаганды, связанной с извращениями в сфере духа, они представляют собой опасность исключительно для Востока, а отнюдь не для Запада, простыми отражениями которого они являются. Из подлинных представителей Востока Массис вообще никого не упомянул, и сделать ему это было бы, впрочем, отнюдь не просто по той причине, что он никого из них не знает. Уже один тот факт, что он не может привести ни одного имени "невестернизированного" представителя Востока должен был бы заставить его как следует подумать и в результате прийти к выводу, что "восточных пропагандистов" вообще не существует.

Далее следует сделать одно замечание, касающееся нас самих, хотя мы и стараемся всегда избегать вопросов, затрагивающих нас лично. Насколько нам известно, кроме нас на Западе не существует ни одного автора, аутентично излагающего идеи Востока. И мы поступаем в этом случае точно так же, как поступил бы на нашем месте любой человек Востока, без малейшего намека на популяризацию или пропаганду, обращаясь лишь к тем, кто способен понять эти доктрины такими, какие они есть, безо всяких искажений и упрощений, сделавших бы их по видимости более доступными. И надо добавить, что, несмотря на вырождение западной интеллектуальности, люди, способные их понять, хотя и представляют собой ничтожное меньшинство, все же не так уж и редки, как этого можно было бы ожидать в подобных условиях. Естественно, о возможности подобного рода деятельности Анри Массис и не подозревает, хотя мы не хотим сказать, что это происходит только по причине его излишней ангажированности политической стороной дела, несмотря на то, что характер его книги во многом оправдывал бы такое предположение. Стараясь все же оставаться максимально благожелательными, мы могли предположить, что ужас, связанный с предчувствием неизбежной гибели западной цивилизации, породил в его голове идею о существовании "восточной пропаганды". И остается только сожалеть, что он оказался неспособным понять подлинные причины, ведущие к этой катастрофе, несмотря на то, что подчас он выказывает справедливую жесткость по отношению к современному миру. Именно этот недостаток понимания истинного положения вещей и сказался на слабости его аргументов: с одной стороны, он не очень уверен в том, кто

же является действительным врагом, против которого он борется, а с другой стороны, его «традиционализм» не несет в себе компетентного знания об истинной сущности традиции, и подчас он откровенно отождествляет всю традицию с чисто внешним политико-религиозным консерватизмом.

Лучшим доказательством того, что сознание Анри Массиса поражено страхом, служат странные и невероятные взгляды, которые он приписывает так называемым "восточным пропагандистам". Он стремится уверить нас, что их воодушевляет только дикая ненависть к Западу, и в силу этой ненависти они стремятся наводнить его своими собственными доктринами, то есть, иными словами, поделиться с ним самой сокровенной и ценной вещью, которой они только обладают, и которая составляет истинную сущность их духа! Откровенная противоречивость подобной гипотезы не может не вызвать у читателя чувства глубокого недоумения: все тщательно выстроенные аргументы рушатся в одно мгновение, и однако, сдается, что сам автор этого не замечает, так как мы отказываемся верить в то, что он сам, прекрасно сознавая нелепость подобной теории, специально расчитывает на недальновидность и простодушие своих читателей, которых он стремится убедить в том, во что сам не верит. Если немного подумать, станет совершенно очевидным, что в случае действительной дикой ненависти людей Востока к Западу, для них логичнее всего было бы ревностно сохранять свои доктрины только для своего внутреннего использования и всячески препятствовать желаниям западных людей получить к ним доступ. Иногда такие упреки в адрес восточных людей действительно делаются, и на этот раз они гораздо более оправданы. На самом же деле истина заключается в ином: подлинные представители восточной традиции и хранители доктрин Востока не испытывают никакой ненависти к кому бы то ни было, и единственной причиной их сдержанности в определенных вопросах является сознание абсолютной бесполезности изложения некоторых истин тем, кто просто не в состоянии их усвоить. Но для тех, кто обладает достаточной «квалификацией» для этого, они в этом никогда не отказывают, независимо от их происхождения. Чья же вина в том, что среди подобных людей представители Запада столь редки? Но кто будет виноват, если большинство восточных людей действительно начнет ненавидеть Запад, сменив полнейшее безразличие на чувство ненависти? Следует ли обвинять в этом традиционную элиту Востока, которая, будучи верной чисто интеллектуальному созерцанию, уже по определению держится надо всеми формами внешних действий, или все же тут надо упрекнуть самих

представителей Запада, сделавших все возможное, чтобы превратить свое присутствие в нечто омерзительное и невыносимое? Как только вопрос поставлен в должных пропорциях, ответ становится самоочевидным для всех, и если даже допустить, что восточные люди, которые до сих пор проявляли невероятное терпение, наконец, захотят снова стать хозяевами в своем собственном доме, кто осмелится их в этом обвинить? Когда в дело вмешиваются страсти, одни и те же вещи могут быть оценены весьма различным, а подчас даже прямо противоположным образом. Так, к примеру, когда западные народы противятся иностранному вторжению, это называется «патриотизмом» и всячески приветствуется. Но когда то же самое делают народы Востока, это становится «фанатизмом» или «ксенофобией» и вызывает к себе только ненависть и презрение. Так разве не во имя «права», «свободы», «справедливости» и «цивилизации» европейцы стремятся навязать свое господство всем остальным, запрещая жить и думать иначе, нежели они сами? Нельзя отрицать, что морализаторство — это удивительная вещь, свободная от какой бы то ни было логики, или, по меньшей мере, следует допустить, — и мы охотно разделяем эту точку зрения, — что на всем Западе существует только два типа людей, ценность каждого из которых вызывает большие сомнения. К первому типу относятся закоренелые идиоты, которые всерьез принимают громкие лозунги и верят в свою "цивилизаторскую миссию", вообще не замечая того, до какой степени материалистического варварства они сами докатились. Ко второму же типу принадлежат коварные мерзавцы, пользующиеся общим умственным вырождением большинства, чтобы потворствовать своим грязным инстинктам насилия и своекорыстия. Во всяком случае, совершенно очевидно, что люди Востока не представляют собой угрозы для кого бы то ни было и не имеют никаких планов по завоеванию Запада в той или иной области. В настоящий момент им хватает своих проблем, связанных с необходимостью противостоять западному давлению, которое грозит сегодня разрушить их духовные формы и извратить их мышление. И видеть агрессоров, прикидывающихся жертвами, по меньшей мере, странно.

Эти пояснения были совершенно необходимы, поскольку иногда об определенных вещах приходится говорить со всей откровенностью. Но мы считаем пустой тратой времени подробнее останавливаться на этих темах, так как аргументы "защитников Запада" слишком натянуты и несостоятельны. Более того, в случае господина Анри Массиса мы нарушили наше правило не говорить о конкретных личностях только потому, что в данных обстоятельствах он воплощает в себе одну из сторон

современного мышления, которую нельзя не учитывать при анализе современного мира. Как может традиционализм столь низкого уровня, с его узкими горизонтами и фрагментарными познаниями, и, более того, традиционализм довольно искусственный, предложить какое бы то ни было реальное и эффективное противоядие современному мировоззрению, многие предрассудки которого свойственны ему самому? И традиционализму, и современному мышлению, против которого он борется, в равной мере не хватает знания истинных принципов. И там и там — одинаково предубежденное отрицание вещей, выходящих за определенные рамки, и там и там — одинаковая неспособность признать существование различных цивилизаций и те же предрассудки греко-латинского классицизма. Эта неадекватная реакция интересна для нас лишь тем, что она свидетельствует об определенном недовольстве настоящим положением вещей среди наших современников. Можно было бы, однако, найти и другие формы выражения этого недовольства, которые, будучи адекватно сориентированными, могли бы привести и к более позитивным результатам. Однако в настоящее время все это находится в хаотическом состоянии и трудно сказать, что из этого получится. Уместно было бы упомянуть здесь и некоторые предсказания, имеющие прямое отношение к судьбе современного мира. Ими и следовало бы закончить настоящую работу, если бы ссылки на них не подвергались риску дать «профаническому» невежеству легко доступный повод для вульгаризации определенных знаний, а к изложению некоторых соображений такого рода следует всегда подходить с величайшей осторожностью. Мы не принадлежим к числу тех, кто полагает, что обо всем можно говорить совершенно открыто, по меньшей мере, тогда, когда дело касается не самой чистой доктрины, а ее частных приложений. Определенные ограничения в этой области совершенно необходимы, а кроме того, всегда следует сообразовываться с конкретными обстоятельствами. Но эта обоснованная и необходимая осторожность не имеет ничего общего с ребяческими страхами, проистекающими из простого невежества и подобными ужасу человека, который, согласно индусской пословице, "принял веревку за змею". Нравится ли это кому-то или нет, но определенные вещи должны быть высказаны только тогда, когда этого требуют обстоятельства. И этому не могут помешать ни эгоистические интересы одних, ни бессознательная враждебность других, но, с другой стороны, и нетерпение третьих — тех, кто захвачены спешкой современного мира и хотят узнать все сразу, — не может ускорить тот срок, в который определенным вещам суждено открыться. Но этим

последним следует утешать себя тем, что все возрастающая скорость событий в современном мире, несомненно, не замедлит удовлетворить их любопытство. Хотелось бы только, чтобы они не пожалели о своей недостаточной подготовленности к получению определенных знаний, к которым они стремились скорее эмоционально, нежели обдуманно.

Глава 9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главная задача настоящего труда состояла в том, чтобы показать, как путем приложения данных традиции найти прямые ответы на вопросы, возникаюшие сегодня; каким образом можно объяснить актуальное положение современного человечества, а также как следует оценивать сущность современной цивилизации в соответствии с духовной истиной, а не просто исходя из условных правил или сентиментальных предпочтений. Мы отнюдь не утверждаем, что полностью осветили данную проблему или разобрали ее во всех деталях, а также, что мы развили все аспекты этой темы. Уже сами принципы, которыми мы вдохновлялись, обязывали нас придерживаться сущностно синтетической, а не аналитической точки зрения, на которой настаивает современное «профаническое» обучение. Но именно потому, что эта точка зрения является синтетической, она позволяет дать гораздо более глубокие объяснения, нежели какой бы то ни было анализ, в действительности пригодный лишь для описания, а не для объяснения явлений. Но мы считаем, что сказали достаточно, и те, кто способны понять суть, смогут теперь сами вывести для себя все те следствия, которые потенциально содержатся в тезисах данной работы. И они могут быть уверены, что подобный труд будет для них более ценным, нежели чтение книг, не оставляющих место для самостоятельных раздумий и размышлений. Мы же, напротив, стремились предложить отправную точку для подобных самостоятельных поисков, разработать фундамент для возведения интеллектуального здания, способного возвыситься надо всем бессмысленным множеством частных и узко индивидуальных мнений.

Остается добавить несколько слов относительно практической значимости данной работы. Вообще говоря, эта практическая значимость не должна представлять для нас особого интереса, так как мы стоим на точке зрения чистой метафизической доктрины, по отношению к которой всякое ее приложение остается не важным и условным, а именно о таком приложении здесь и идет речь. Однако, помимо какой бы то ни было практической пользы, это приложение в данном случае необходимо по двум причинам: оно является правомочным следствием определенных принципов, закономерным развитием доктрины, которая, будучи единой и универсальной, должна охватывать все уровни реальности без исключения. Одновременно с этим подобное приложение может являться, по крайней мере для определенных людей, подготовительным этапом для перехода к

высшему уровню знания, как мы показали это на примере "сакральной науки". Но кроме того, находясь в сфере приложений принципов, вполне правомерно рассматривать эту сферу в ее собственных терминах, оценивая присущую ее элементам значимость в категориях самого этого уровня, но, естественно, лишь при том условии, что сами принципы ни на мгновение не будут упущены из виду. Забвение принципов — опасность вполне реальная, и мы видели, что такое забвение лежало в основании вырождения, приведшего к возникновению "профанической науки". Но эта опасность не грозит тому, кто ясно понимает, что все проистекает из чистого интеллекта, и все зависит от него, в то время как то, что не осознает этой зависимости, с необходимостью является иллюзорным. Как мы уже неоднократно говорили, все должно начинаться с уровня чистого знания. То, что представляется максимально удаленным от практической сферы, несмотря на это является, максимально эффективным. Эта эффективность реальна даже в самой этой практической сфере, поскольку здесь, как и везде, без знания принципов нельзя добиться ничего серьезного, долговременного и ценного, и всякая деятельность такого рода останется лишь поверхностной и тщетной суетой. Возвращаясь непосредственно к интересующему нас вопросу, следует заметить, что именно по этой причине, если бы все люди познали то, чем является современный мир в действительности, этот мир в то же мгновение прекратил бы свое существование, так как это существование, равно как и сам современный мир, суть явления негативные, основанные на чистом отрицании, как и вообще всякое невежество, незнание и чистая ограничительность. Современный мир есть не что иное, как отрицание традиционной и сверхчеловеческой истины. И в случае такого понимания сущности современного мира всем человечеством финальная трансформация произошла бы безо всякой катастрофы, которой иначе нельзя избежать ни при каких условиях. И мы не ошибемся, если скажем, что такое понимание чревато воистину неисчислимыми практическими последствиями. Но, с другой стороны, трудно представить себе, что действительно все смогут достичь этого знания, так как большинство современных людей сегодня далеки от этого, как никогда ранее. Впрочем, это даже и не является строго необходимым, так как в данном случае достаточно небольшой, но адекватно сформированной элиты для того, чтобы задать массе определенное направление. При этом масса, подчиняющаяся воздействию элиты, могла бы даже и не подозревать о существовании самой этой элиты и о методах ее воздействия. Возможно ли еще на Западе формирование такой элиты?

Мы не будем возвращаться к тому, что уже было сказано нами в другом месте относительно роли интеллектуальной элиты, которую она смогла бы сыграть при определенном стечении обстоятельств в более или менее недалеком будущем. Ограничимся лишь следующим замечанием: какой бы ни была трансформация, происходящая при переходе от одного мира к другому, — независимо от того, идет ли речь о больших или малых циклах, — она, оставаясь внезапной и резкой, не предполагает полного обрыва всякой преемственности, абсолютной дисконтинуальности, так как все циклы связаны друг с другом цепью причин. Элита, о которой мы говорим, могла бы, пока для ее формирования еще осталось немного времени, подготовить эту трансформацию таким образом, чтобы она произошла при наиболее благоприятных условиях, и чтобы заключенные в ней неизбежные потрясения были бы сведены к минимуму. Но даже если бы этого не удалось добиться, у нее остается еще одна, более важная задача — способствовать сохранению того, чему суждено пережить гибель современного мира и принять участие в становлении мира грядущего. Вполне понятно, что не следует дожидаться конца нисхождения, чтобы начать подготавливать новое восхождение, так как такое восхождение неизбежно грядет даже в том случае, если нельзя избежать финального катаклизма, которым завершится процесс нисхождения. Итак, в любом случае усилия не будут потрачены даром: и потому, что сама эта элита будет вознаграждена сторицей уже самим фактом своего появления, и потому, что так или иначе результаты этих усилий с необходимостью коснутся всего человечества.

Вот как следует рассматривать актуальное положение дел в этом вопросе: элита в восточных цивилизациях еще существует, и несмотря на то, что она становится все более и более малочисленной под воздействием экспансии современного мира, она будет существовать до конца цикла, так как это необходимо для сохранения традиции, которая не может погибнуть окончательно, и для дальнейшей передачи того, что сохранилось. На Западе же, напротив, такой элиты в настоящий момент нет. Вопрос остается открытым: сможет ли она сформироваться до конца нашей эпохи, то есть будет ли участвовать западный мир в сохранении и передаче традиции, или же вся западная цивилизация, потеряв последние остатки подлинного духа традиции, должна быть уничтожена за неимением пригодных для будущего века элементов? На конечном результате цикла судьба Запада, конечно, не скажется, и поэтому, строго говоря, поставленный вопрос имеет весьма второстепенное значение, но все же, учитывая конкретные условия нашего периода, эта проблема имеет

некоторый смысл. В принципе, можно было бы ограничиться замечанием, что западный мир, несмотря ни на что, является частью единого целого, от которого он отделился окончательно лишь с началом современной эпохи, и что в финальной интеграции нашего цикла все части должны обрести свое законное место. Но это не обязательно предполагает предварительную реставрацию самой западной традиции, так как эта традиция может продолжать существовать в виде постоянной возможности в самом своем принципиальном истоке, вне всякой обусловленной обстоятельствами формы, в виртуальном состоянии. Мы упоминаем здесь об этом лишь в качестве простого замечания, так как, чтобы адекватно понять эту идею следует разобрать сложные взаимоотношения между Примордиальной Традицией и традициями, ей подчиненными, что, естественно, здесь мы сделать не сможем. Подобный исход был бы самым печальным для западного мира, взятого как самостоятельная реальность, и его актуальное состояние заставляет опасаться, что именно такой исход наиболее вероятен. Но все же мы утверждаем, что некоторые признаки позволяют не терять до конца надежду на более благоприятное разрешение сложившейся ситуации.

Сегодня на Западе существует гораздо больше, чем обычно принято считать, людей, начинающих понимать, чего не достает их цивилизации. Если они подчас и остаются на уровне смутных стремлений, если их поиски часто оказываются тщетными и даже заводят их в полный тупик, то лишь потому, что у них не хватает конкретных данных, заменить которые ничто не в состоянии, и потому, что не существует никакой организации, которая могла бы указать им должное направление. Мы здесь не говорим о тех, кто находит это направление в восточных традициях, и кто интеллектуально выходит тем самым за рамки западного мира. Подобные люди, представляя собой случай исключительный, не могут стать членами чисто западной элиты. Они остаются как бы продолжением восточных элит и могут служить переходным звеном между этими элитами и элитой Запада, если таковая будет сформирована. Но западная элита должна организоваться по инициативе самого Запада, и в этом состоит главная трудность. Эта инициатива может развиваться двояким образом: либо Запад найдет в самом себе средства для прямого возврата к своей собственной традиции, как бы мгновенно пробудив свои скрытые возможности, либо определенные западные люди осуществят эту деятельность по реставрации традиции с помощью знаний, почерпнутых из восточных доктрин. Такое знание, однако, не может быть для них прямым, так как они несмотря ни на что должны оставаться людьми Запада. Но это

знание может быть усвоено ими через косвенное влияние, оказываемое теми, кто вступил в элиту Востока, и о ком мы упоминали выше. Первая из этих гипотез маловероятна, так как она предполагает интегральное и целостное сохранение на Западе хотя бы одного полноценного элемента традиционного духа, но вопреки заявлениям некоторых авторов о том, что такое сохранение действительно имеет место, нам оно представляется весьма сомнительным. Поэтому следует подробнее разобрать вторую гипотезу.

В этом случае определенное преимущество, хотя и отнюдь не небходимое, заключается в том, что формирующаяся элита смогла бы найти точку опоры в какой-то западной организации, которая уже существует в реальности. Но на Западе есть только одна организация действительно традиционного характера, сохранившая доктрину, которая может предоставить надежное основание для осуществления реставрации: это Католическая Церковь. Для того, чтобы Церковь стала действительно центром создания интеллектуальной элиты, достаточно было бы, ничего не меняя в ее внешней религиозной форме, вернуть ее доктрине ее глубинный смысл, который был свойственен ей изначально, но который не осознается более современными представителями Церкви. Кроме того, следовало бы всемерно подчеркивать сущностное единство Христианства с другими аутентичными формами Традиции. Впрочем, эти два аспекта вообще неотделимы друг от друга. Все это и явилось бы подлинной реализацией католицизма в истинном смысле слова, а слово «католический» этимологически заключает в себе идею универсальности, что часто забывают те, кто хотят отождествить это название с узко западной религиозной формой, не имеющей никаких связей с другими традициями. И можно сказать, что при настоящем положении дел католицизм как универсальность существует лишь в потенции, так как в нем нет более и следов сознания истинной универсальности. Но верно, однако, что сам факт существования организации с таким названием, является указанием на возможное основание для реставрации духа традиции во всей его полноте, тем более, что в Средние Века Католическая Церковь уже служила опорой для этого духа в западном мире. Итак, речь идет лишь о воссоздании того, что уже существовало до начала современного извращения. Остается лишь произвести определенную адаптацию к условиям актуальной эпохи. И если кто-то из католиков удивится подобной идее и попытается ее опровергнуть, то причина этого может корениться только в невольной бессознательной затронутости современным духом, который превращает нынешних верующих в

носителей внешней скорлупы традиции, и не подозревающих о ее внутреннем глубинном содержании. Однако крайне важно установить, не заглушил ли еще окончательно и бесповоротно формализм буквального подхода (который сам по себе является еще одним проявлением того же "материализма") чистый дух религии? Или в лоне данной организации еще можно пробудить этот дух, не исчезнувший окончательно, но лишь временно затемненный и омраченный подобным буквальным подходом? Ответ на этот вопрос смогут дать только грядущие события.

Возможно, что сам ход событий заставит руководителей Католической Церкви рано или поздно осознать важность того, что они отказываются признавать на чисто интеллектуальном уровне. И безусловно, вызывает сожаление, что эта необходимость осмысления определенных вещей будет порождена преходящими обстоятельствами чисто политического характера в отрыве от всякого высшего принципа. Но следует признать, что повод для развития некоторых скрытых потенций дается во всех случаях средствами, соответсвующими непосредственным и актуальным способностям каждого в отдельности. Вот почему мы беремся утверждать следующее: перед лицом усугубления все возрастающих беспорядка и хаоса следует призвать к союзу все духовные силы, оказывающие еще хотя бы какое-то влияние на внешний мир как на Востоке, так и на Западе. И в случае Запада это может относиться только к Католической Церкви. Если она сумела бы таким образом войти в контакт с представителями восточных традиций, мы всецело одобрили бы такой поворот событий, так как это послужило бы отправной точкой для процесса, о котором мы говорили выше. Но это будет не более, чем первым шагом, так как несомненно не замедлит обнаружиться то обстоятельство, что чисто внешнее, «дипломатическое» взаимопонимание будет иилюзорным и не приведет ни к каким позитивным результатам. И снова придется возвращаться к тому, с чего в нормальных случаях следовало бы начинать — к согласию относительно самих принципов, к согласию, необходимым и достаточным условием которого будет новое осознание представителями Запада этих принципов в той же мере, в какой оно всегда было свойственно представителям Востока. Подлинное согласие — повторим это еще раз — может установиться только сверху и изнутри, то есть в сфере чисто духовной и чисто интеллектуальной, что одно и то же, так как для нас эти слова суть синонимы. И затем, отправляясь от этой точки, согласие установится и во всех остальных областях. После того, как станут ясны принципы, не составляет труда вывести из них в качестве следствий, в качестве «эксплицирования», и все остальное. И преградой для этого

может быть только одно: западный прозелитизм, который никак не может признать, что иногда надо иметь равноправных «союзников», а не просто «подчиненных». А еще точнее, истинной преградой является недостаток понимания определенных вещей, который и приводит к подобному прозелитизму. Преодолимо ли это препятствие? Если оно непреодолимо, то формирующейся элите придется расчитывать исключительно на личные усилия тех, кто достаточно интеллектуально квалифицированы сами по себе, вне всякой конкретной среды, при само собой разумеющейся поддержке Востока. В таком случае дело значительно осложнится и замедлится, поскольку элите придется самой создавать для себя все необходимые инструменты, вместо того, чтобы использовать уже готовые. Но мы не думаем, что эти трудности, какими бы значительными они ни были, смогут сами по себе помешать тому, что должно осуществиться тем или иным образом.

Мы считаем уместным добавить следующее: сейчас в западном мире существуют признаки одного движения, которое остается еще недостаточно определенным, но которое в нормальном случае должно привести к воссозданию интеллектуальной элиты, если, конечно, катаклизм не произойдет до того, как этот процесс успеет завершиться. Вряд ли стоит говорить, что Церкви в перспективе ее будущей роли было бы чрезвычайно выгодно тем или иным образом способствовать этому движению, а не предоставлять его самому себе, чтобы рано или поздно не оказаться в ситуации, когда придется догонять его ради сохранения своего влияния, которое может в один момент и прекратиться. Не надо даже прибегать к высшим соображениям, чтобы увидеть преимущества, которые сама Церквоь может извлечь из нормального и внимательного отношения к этим тенденциям, тем более что оно не потребовало от нее никаких доктринальных уступок, и, напротив, очистило бы ее ото всех примесей современного духа, а также, ничего не изменило в ее внешних аспектах. Было бы парадоксально, если бы Интегральный Католицизм реализовался без участия самой Католической Церкви. Эта Церковь оказалась бы в странном положении, так как перед лицом самых страшных нападок, которым она когда-либо подвергалась, она вынуждена была бы воспользоваться помощью и защитой тех, кого сами ее руководители (или по меньшей мере, те, кто выступают от имени ее руководителей) постарались дискредитировать совершенно необоснованными подозрениями. Что касается нас самих, то мы очень сожалели бы о подобном исходе. Но если все же ответственные представители Церкви в данной ситуации не хотят, чтобы дела дошли до этой стадии, они должны

действовать именно сейчас, и полностью осознав все происходящее, запретить некоторым более или менее второстепенным деятелям Церкви по недостатку знаний или по общему недоброжелательству препятствовать тем попыткм, которые могут привести к очень важным и позитивным результатам. И подобные препятствия на пути позитивных процессов уже не раз ставились этими второстепенными церковными деятелями, что лишний раз доказывает повсеместность хаоса и беспорядка, не миновавших и саму Церковь. Мы уже предвидим, что нас не преминут обвинить в отсутствии беспристрастности в данном вопросе, но мы утверждаем, что высказали эти соображения независимо ни от каких личных симпатий и совершенно объективно. Впрочем, подобные обвинения нас вообще не затрагивают, и мы всегда будем высказывать то, что должно быть сказано в тех случаях, которые мы считаем для этого подходящими. Наши настоящие замечания суть итог определенных заключений, к которым мы пришли в результате наблюдения за некоторыми «опытами», поставленными в чисто интеллектуальной сфере. Здесь же мы не хотели бы более вдаваться в подробности, которые сами по себе не представляют для нас большого интереса. Но мы спешим заверить читателей, что каждое сказанное нами слово по этому поводу мы хорошо обдумали. Следует однозначно предупредить, что тут совершенно бесполезно возражать, прибегая к социальным или чисто философским аргументам. Мы говорим о серьезных вещах и говорим о них всерьез, а поэтому у нас нет никакого желания терять время на дискуссии, в которых мы не видим ни малейшего смысла. Мы стоим в стороне от всякой политики, от всяких партийных ссор и раздоров между различными школами. Точно так же мы категорически отказываемся от всех западных «этикеток» и ярлыков, навешиваемых на высказываемые нами идеи, так как в западной терминологии нет того слова, которое могло бы их адекватно охарактеризовать. Нравится ли это кому-то или нет, но дела обстоят именно таким образом, и ничто не может изменить нашей позиции в этом вопросе.

Здесь мы хотим высказать одно предупреждение, адресованное тем, кому, — если не в силу действительных и уже полностью усвоенных знаний, то, по меньшей мере, в силу природной способности к пониманию определенных вещей, — суждено стать членами возможной элиты Запада. Не вызывает никаких сомнений, что современный дух, будучи «дьявольским» в самом прямом смысле этого слова, стремится изо всех сил помешать тому, чтобы члены потенциальной элиты, сегодня изолированные друг от друга и разрозненные, смогли бы сплотиться

должным образом для оказания эффективного воздействия на общественное мышление. Мы всячески настаиваем, чтобы те, кто более или менее глубоко осознали цель, к которой направлены их усилия, не позволили бы каким бы то ни было трудностям и препятствиям свернуть их с пути. Те, кто еще не выбрали такой абсолютной ориентации, которая охранила бы их от опасности сбиться с дороги, подвергаются серьезному риску, чреватому серьезными извращениями. В этом вопросе необходима определенная осторожность, и даже «недоверчивость», так как «враг», пока он не будет уничтожен окончательно, всегда может принимать самые различные и порой самые неожиданные формы. Часто бывает, что люди, полагающие, что они ускользнули от современного «материализма», притягиваются вещами, которые могут казаться противоположными этому материализму, но которые на деле оказываются реальностями того же порядка. И учитывая особенности западного характера, следует быть особенно бдительными к столь притягательным для этого характера "экстраординарным феноменам". В этом состоит основное заблуждение нео-спиритуалистов, и эта опасность, скорее всего, со временем будет возрастать, так как для сил мрака, поддерживающих актуальный хаос, это является наиболее эффективным средством. Вполне возможно, что мы не так далеки сегодня от эпохи, предсказанной словами Евангелия: "Поднимется лжехристос и лжепропроки, которые будут творить великие чудеса и дивные вещи, и даже избранные соблазнятся". «Избранные» — это в согласии с этимологией и есть элита в самом широком смысле этого слова, и заметим, что именно по этой причине мы настаиваем на использовании термина «элита», вопреки всем сугубо профаническим злоупотреблениям этим словом. Действительно избранными являются те, кто, завершив внутреннюю реализацию, не могут более поддаться соблазну. Но остаются еще и те, кто, имея в себе лишь потенции знания, являются только «зваными». Мы вступаем в эпоху, когда крайне трудно будет отличить "зерна от плевел", осуществить ту операцию, которую богословы называют "различением духов", так как скоро произойдет великое множество чрезвычайно сложных, беспорядочных и хаотических событий. Кроме того, те, кто при нормальных обстоятельствах должны были бы быть поводырями и вождями, сегодня, в силу недостатка истинных знаний, часто сами становятся "слепыми поводырями слепых". И неужели в подобных обстоятельствах, для того, чтобы воспрепятствовать высвобождению подлинно адских сил, помогут диалектические тонкости или какая-нибудь, пусть даже самая прекрасная, философия? Это не более, чем иллюзия, которой следует остерегаться. Часто люди, находящиеся в

полном неведении относительно того, что является чистым интеллектом, воображают, будто философское знание, которое даже в самом лучшем случае есть не что иное, как бледная тень знания истинного, может все поправить и всерьез излечить болезнь современного мышления. Есть также и те, кто видят в современной науке средство подняться до высших истин, в то время, как на самом деле эта наука основывается как раз на отрицании таких истин. Все подобные иллюзии ведут лишь к потере истинной ориентации. В результате будет лишь зря растрачено множество усилий, и те, кто искренне хотят сопротивляться современному духу, будут обречены на полное бессилие, так как, не обретя знания глубинных принципов, без которых всякое действие окажется совершенно тщетным и пустым, они с неизбежностью зайдут в безысходный тупик.

Те, кто преодолеют препятствия и победят сопротивление среды, противостоящей всякой духовности, будут, без сомнения, весьма немногочисленны. Но здесь количество не играет роли, так как в этой сфере действуют иные законы, нежели законы материи и количества. Поэтому отчаиваться не следует. Но даже если нет никакой надежды достичь хоть сколько-нибудь весомого результата в деле реставрации традиции прежде, чем современный мир погибнет в ходе той или иной катастрофы, это не может быть оправданием того, чтобы не заниматься делом, глубинная значимость, которого выходит далеко за рамки современного мира. Все, кто склонен предаваться отчаянию, должны помнить: ничто совершенное в этой области не проходит бесследно. Мрак, заблуждение и хаос побеждают лишь по видимости и на очень короткий промежуток времени. Все частные и преходящие нарушения равновесия являются лишь элементами универсальной гармонии. И, наконец, ничто и никогда не сможет противостоять силе истины. Так пусть девизом таких людей станет девиз некоторых древних инициатических организаций Запада: "Vincit omnia Veritas" — "Истина побеждает все".

А. Дугин. Пророк Золотого Века

Миссия Генона

Имя эзотерика и посвященного Рене Генона занимает совершенно особое место не только среди мыслителей 2О-го века в целом, но и среди более узкой группы авторов, занимающихся изучением и изложением Сакральной Традиции и ее доктрин. С Геноном связано появление совершенно специального беспрецедентного подхода к Традиции, сущность которой была отнесена им в предельно высокие сферы метафизики, где частные различия традиционных форм, столь несхожих в мире дольнем, в мире человеческом, сводятся к единому истоку, к самой Божественной Мудрости, Софии. Одновременно с этим, Сакральная Традиция в ее сущностном измерении была сопоставлена им с самыми актуальными процессами, протекающими в современном мире. Известный эзотерик и суфий Мишель Вальзан сказал однажды: "Явление Рене Генона — самое большое интеллектуальное чудо со времен Средневековья". Генон впервые сформулировал основные принципы того, что можно назвать "интегральным традиционализмом", то есть позиции тотального и бескомпромиссного обращения к духовной Традиции, взятой как единственная и абсолютная хранительница Истины. Можно сказать, что на Западе исследования Традиции делятся на два этапа — до Генона и после Генона. Если до Генона сфера эзотеризма, инициации, идея Единой Примордиальной Традиции и т. д. ассоциировались с их искаженными, извращенными проявлениями у представителей псевдо — эзотерических сект, таких как оккультизм, теософизм Блаватской и т. д., а традиционная ортодоксия держалась только буквы религиозного учения, причем понимаемого подчас в сугубо современной, «профанической» оптике, и обе эти линии находились либо в открытом конфликте, либо в синкретическом и эклектическом смешении, то после Генона и благодаря Генону и его подвижническому труду у наиболее глубоких традиционалистов Запада сложилось четкое представление об истинном ортодоксальном эзотеризме, не только не противоречащим догмам внешней традиции, религии, но, напротив, являющимся истоком и сущностью этих догм. С другой стороны, сама сфера оккультизма, теософизма и т. д., одним словом, всего того, что Генон и вслед за ним многие другие авторы назвали «нео-спиритуализмом», стали однозначно пониматься как заблуждение, ересь и пародийная имитация истинно эзотерических знаний.

Генон и его последователи сформировали, по меньшей мере, потенциальную интеллектуальную элиту, в которой все точки над і были поставлены, и которая получила строгие ориентиры для ортодоксального эзотерического пути и безупречную метафизическую доктрину, с одной стороны, а с другой — защиту от опасностей дьявольской псевдо-духовности, а также узости и неполноценности чисто внешней, все более и более профанизирующейся экзотерической традиции. Абсолютная убедительность Генона и излагаемых им строго традиционных доктрин поразили многих известных людей Запада, разом лишив их множества иллюзий и заблуждений. Не все они, естественно, смогли изменить свои взгляды, так как идеи Генона, несмотря на свою древность и даже примордиальность, настолько противоречат всем аспектам современного мышления и современного бытия, что для их усвоения необходима подлинная "революция сознания", радикальный переворот всех оценок и понятий, свойственных нашему времени. Андре Жид, познакомившись с трудами Генона, в частности, сказал: "Если Генон прав, вся моя жизнь и все мои труды были бессмысленны", и добавил в другой раз: "Если бы я прочитал книги Генона в юности, я бы жил по-другому".

Но смысл его функции был не только в том, чтобы открыть Западу подлинную перспективу Традиции, напомнить о ее Нечеловеском Истоке и очистить ее понимание от скверны пародий и от узких рамок недопонимания. Генон явился с этой миссией в строго определенное время, когда казалось, что последние искры Традиции угасают в современном мире, и когда судьба Духа в цивилизации была беспрецедентно кошмарна. И здесь, помимо чисто личных качеств самого Генона — глубинного знатока сакральных текстов и инициатических доктрин самых разных традиций — явно заметна рука Провидения, через последнего посланца Традиции давшего уникальный шанс гибнущему человечеству. Миссия Генона является миссией сугубо эсхатологической, сверхчеловеческой, связанной с циклическими законами и с волей Высшего Традиционного Центра, в последний раз предупредившего людей о близости Конца и о неминуемом наступлении нового Золотого Века, грядущего после финальной апокалиптической катастрофы, после гибели современного мира, абсолютный кризис которого вскрыл и высветил силой Божественной Мудрости Рене Генон, последний рыцарь Традиции.

Простая жизнь

Француз Рене-Жан-Мари-Жозеф Генон родился в буржуазной семье архитектора 15 ноября 1886 года в городе Блуа. С детства он обладал высоким интеллектом, но довольно плохим здоровьем. Поступив в лицей, он вскоре стал первым учеником в классе, а по его окончании получил звание бакалавра философии. Позже он изучал математику и переехал из Блуа в Париж, чтобы продолжить там свое образование. Однако состояние здоровья и другие обстоятельства заставили Генона оставить обучение, и на этом его научная карьера фактически оканчивается. В Париже Генон сталкивается с кругами оккультистов и со свойственным ему методизмом и дотошностью вступает практически во все тайные общества, группировавшиеся вокруг псевдо-ордена мартинистов, возглавляемого Папюсом. Однако очень скоро юный Генон понимает, что претензии оккультистов на обладание секретами инициации, метафизических доктрин и их ссылки на реальную преемственность древним посвятительным организациям совершенно несостоятельны. Конфликт между Геноном и его друзьями, которых он приобрел в оккультистских кругах, с одной стороны, и руководителями этих организаций — Папюсом, Фанегом, Седиром и т. д., с другой, не замедлил произойти, так как Генон стал открыто и беспощадно критиковать профаничность, фантазийность и беспочвенность той нелепой смеси, которую представлял собой тогдашний парижский оккультизм. Позже в своих книгах "Теософизм, история одной псевдо-религии" и "Заблуждения спиритов" Генон разоблачил несостоятельность всех нео-спиритуалистических современных течений, избавив тем самым своих последователей от того, чтобы проходить тот же самый путь увлечений и разочарований заново. Пребывание в оккультистских средах не только дало возможность Генону вскрыть негативную и анти-духовную сущность нео-спиритуализма — благодаря этому опыту, он получил доступ к определенной информации, связанной с тем, что он назвал впоследствии контр-инициацией, то есть с тайной деятельностью истинно дьявольских сил, ведущих человечество к установлению царства Антихриста. Прекрасно зная масонскую среду, Генон сотрудничал в журнале Кларена де ла Рива "Анти-масонская Франция", где он не только выступал против деградации этой некогда инициатической организации и критиковал ее вырождение, но и высмеивал несостоятельность и наивность прямолинейного анти-масонства, не

знающего о глубинном основании этого явления и поэтому остающегося неэффективным и противоречивым.

В оккультистской среде Генон встретился и с подлинными представителями восточной традиции, контакт с которыми предопределил во многом его мировоззрение. Этот контакт осуществился, скорее всего, через посредство трех персонажей, выделявшихся своей глубиной и серьезностью на фоне оккультистских групп Франции начала века. Это были: Леон Шампрено, бывший оккультист, вступивший, однако, в Ислам под именем Абдуль-Хакк, "Служитель истины"; Альбер Пюйю, граф де Пувурвиль, посвященный в даосизм в южном Китае одним из 5-ти тогдашних Тьенси, Тонсангом Нгуеном те Дук-Луатом, "Мастером Сентенций", и принявший инициатическое имя Митгиои, "Глаз Дня"; и, наконец, шведский художник Йон Густафф Агели, посвященный в исламский суфизм под именем Абдуль-Хади, "Служитель Ведущего", и получивший посвящение от самого шейха Элиш Абдель-Рахман эль Кебир, одного из самых знаменитых представителей эзотерического и экзотерического ислама в 2О-ом веке, члена ордена Шадилия и в то же время главы Мудхат Малики (одной из четырех основных юридических школ Ислама). Одновременно с известными контактами с представителями эзотерического Ислама и даосизма, о которых сохранились более или менее точные биографические сведения — через Абдуль-Хади Генон установил связь с орденом Шадилия, а через Митгиои с младшим сыном самого Тьенси Тонсанг Нгуен те Дук-Луата, с Тонсанг Луатом, — Генон имел контакты и с представителями индуистской традиции, адвайта-ведантистской, а может быть, и с какой-то другой школой. В отношении личностей индуистских информаторов Генона, благодаря которым он получил инициатические сведения об индуистской метафизике (ее элементы он изложил в своих книгах "Общее введение в изучение индуистских доктрин", "Человек и его становление согласно Веданте" и "Множество состояний бытия"), ничего определенного не известно, хотя на наличие такого контакта не раз указывал сам Генон, и нагляднее всего о нем свидетельствует невероятная глубина его книг, посвященных этой проблеме.

В 1912 году Рене Генон принимает Ислам и получает через Абдуль — Хади «бараку», то есть "духовное влияние", идущее от основателя ордена Абдуль-Хасана аш-Шадили и сохранявшееся в непрерывной инициатической цепи ("сильсиля") вплоть до тогдашнего шейха Элиша Абдуль Рахмана эль Кабира. Принятие Ислама сам Генон не афиширует внешне, но с этих пор в мире суфизма он становится более известен под

именем Абдуль-Вахид Йахья, "Служитель Сущего Единого". Но несмотря на принятие Ислама Генон активно участвует в жизни духовного Запада, публикуя множество статей, книг, рецензий, посвященных традиционным доктринам и символам, а также критике современной цивилизации и особенно современного Запада. Кроме того, Генон публикует много материалов в защиту Католицизма и Христианства в целом. Большинство этих статей он написал как раз вскоре после своего принятия Ислама. Однако в этом нет ничего парадоксального, так как Генон считал Христианство (и в частности, Католицизм) единственной аутентичной традиционной формой на современном Западе, а свое принятие Ислама никогда не рассматривал как пример для подражания. Это был скорее чисто индивидуальный выбор. Большинству же людей Запада Генон советовал не менять религию, а открывать инициатические и посвятительные аспекты в рамках самой христианской традиции, которую он считал подлинным откровением и одним из ликов Абсолютной Истины.

В этом же 1912 году Генон женится в первый раз на Берте Лури, которая становится его верной спутницей и помощницей в изучении традиции: она редактирует многие рукописи Генона, участвует в интеллектуальных исследованиях мужа.

В 1927 Генон впервые посещает Алжир, где преподает философию в городе Сетиф и совершенствует свое знание арабского языка. В 1928 году он возвращается во Францию и несколько лет читает лекции по философии в своем родном городе Блуа. В этот период он пишет "Восток и Запад","Кризис современного мира", "Король Мира", "Духовная и временная власть", а также множество статей для журнала "Покрывало Изиды" Поля Шакорнака, который впоследствии меняет название на "Исследования Традиции"("Les Etudes Traditinneles"). В этот же период времени вместе со своим другом, христианским эзотериком Луи Шарбонно-Лассэй — внешним представителем, быть может, единственного сохранившегося подлинно христианского инициатического братства "Эстуаль Интернель", восходящего к Средневековью и соблюдающего строгую преемственность и чистоту доктрины, — Генон сотрудничает в католическом журнале Анизана «Регнабит» и участвует в организации группы исследователей христианского эзотеризма под названием "Умное Сияние Сердца Господнего". Там Генон публикует статьи, вошедшие позднее в сборники статей "Замечания о христианском эзотеризме" и "Фундаментальные символы сакральной науки".

15 января 1928 года умирает жена Генона, и через 2 года, 5 марта 193О-го он снова покидает Европу, чтобы провести некоторое время в

Каире. Обстоятельства складываются таким образом, что Генон остается в Египте до конца своих дней, и Каир становится для него второй родиной. В 1934 году Генон, а точнее, уже шэйх Абдуль-Вахид Йахья знакомится с египетским шэйхом Мухаммадом Ибрагимом и вскоре берет в жены его старшую дочь, Фатиму. Всю оставшуюся жизнь Генон живет жизнью традиционного мусульманского эзотерика, посещает мечеть, пребывает в созерцании Принципа и практикует эзотерический «дхикр», постоянное призывание имя Бога. Но вместе с тем, он продолжает публиковать свои книги и статьи в Европе. Так он пишет фундаментальные работы "Множество состояний бытия", "Символизм креста", "Царство количества и знаки времени", "Великая триада" и др. В Европе линия, излагаемая Геноном, находит все больше и больше сторонников и последователей, которые развивают многие его темы, переписываются с ним, посещают его в Египте. Таким образом постепенно создается основание той интеллектуальной, эзотерической элиты Запада, формирование которой было важнейшей миссией Рене Генона. Среди его последователей и прямых учеников наиболее известными являются Мишель Вальзан, Фритьоф Шуон, Титус Букхардт, Гвидо ди Джорджа, Юлиус Эвола, Марко Паллис, Рене Алляр, Андре Про, Пробст-Бирабэн и многие другие. Постепенно влияние Генона распространяется и в академической среде так называемых историков религии (М.Элиаде, А.Корбен, Ж.Дюмезиль и т. д.), и в сфере политики (Шарль Моррас, Леон Доде, Юлиус Эвола и т. д.), и среди деятелей искусства (А.Жид, А.Бретон, Рене Домаль и т. д.).

В 1948 году Генон получает египетское гражданство. С этих пор его и так довольно хрупкое здоровье начинает ухудшаться. В 1950 году врачи подозревают у него заражение крови. А 7 января 1951 наступает кризис. В этот день он уже почти не может произносить никаких слов, только иногда поднимается на своей постели, чтобы сказать по-арабски "Эль нафасс халасс", то есть "душа отходит". В эту ночь в 11 часов Генон умер. Его последними словами было восклицание "Аллах, Аллах".

Самым поразительным в жизни Генона было полное и совершенное стирание его собственной индивидуальности в его трудах. Генон никогда не говорит от своего собственного имени: начиная с самых ранних юношеских работ вплоть до последних книг — повсюду выдерживается абсолютно объективный и беспристрастный тон, никогда не срывающийся ни на полемику, ни на эмоции, ни на самоутверждение. Шэйх Генон никогда не старался связать свою собственную личность с излагаемой им доктриной, предоставляя чистым идеям Традиции жить своей независимой жизнью и самим по себе искать путь к сердцам и умам тех, кто исследует

эту сферу. Жесткость некоторых его определений, беспощадно разбивающих иллюзии и холодно стыдящих тщеславную претенциозность профанов, псевдо-учителей, нео-спиритуалистов и сентиментальных мистиков, не имеет ничего общего со злорадством или полемическим запалом. Бесстрастная объективность, однако, подчас, оказывалась невыносимой для многих, и поэтому все же были предприняты не очень уместные попытки высветить Генона как личность, чтобы через акцентировку человеческого снять тяжесть многих страшных обвинений в адрес современного мира и его представителей. Любопытно заметить, что все попытки подобного рода привели лишь к одному: за гигантским и непоколебимым трудом Генона как "глашатая Традиции" проявился образ человека, прожившего жизнь, если не как святой, то, по меньшей мере, как праведник; человека, совершенно свободного от узлов психических комплексов, мелких страстей, тщеслваия, пороков, лицемерия и т. д. В жизни Генон отличался крайней добротой: он долго воспитывал и содержал оставленную родителями племянницу, безотказно помогал близким и друзьям, и даже однажды, предоставил для похорон своего знакомого — нищего человека, погибшего в результате несчастного случая в Каире, — свой собственный могильный склеп. Так что за беспристрастным и сверхиндивидуальным холодом истины его трудов стояла благородная, чистая и высокая человеческая личность. И не случайно его друг и сотрудник, издатель журнала "Покрывало Изиды", а позднее "Исследования Традиции" Поль Шакорнак свою биографическую книгу о Рене Геноне назвал "Простая жизнь Рене Генона". Простая жизнь, быть может, одного из глубочайших и сложнейших людей нашей эпохи, значение которого не возможно оценить с помощью обычных человеческих, и особенно, «недочеловеческих» мерок, свойственных нашей падшей цивилизации в конце Темного Века, Кали-Юги.

Традиция против современного мира

Миссия Генона имеет множество сторон, каждая из которых разбиралась впоследствии различными авторами — Мишелем Вальзаном, Фритьофом Шуоном, Полем Серраном, Жан-Полем Лораном, Жаном Робеном, Анри Монтегю, Жаном Рейором, Жаном Турньяком, Дэни Романом и многими многими другими. Роль Генона по отношению к Востоку и Западу, Христианству, Исламу, Индуизму, суфизму, масонству, Иудаизму, к истории религий и философии истории, к тайным обществам и сектам — все это подвергалось и подвергается тщательному анализу, разбирается под различными углами зрения. К сожалению, нередко при этом его идеи пытаются поставить на службу каким-то частным или партийным интересам, подчеркивая лишь одну сторону его учения и замалчивая остальные. Кроме того, многие намеки Генона каждый пытается толковать по-своему, иногда безо всякого учета внутренней логики его позиции, взятой в целом. Мы же попытаемся выделить лишь наиболее безусловные, наиболее общие стороны учения Генона, не вдаваясь в частные аспекты его трудов.

В первую очередь, следует выделить основную логическую схему, парадигму видения современного мира у Генона. Собственно говоря, именно эта парадигма является отличительной чертой традиционалистского мировоззрения, определяющей не только его внутренние аспекты, но и структуру всего отношения носителя традицииионалистского сознанию к окружающему миру. В принципе, позиция Генона является образцом той позиции, которую должна занимать традиционная элита, а значит, эта позиция является сущностно необходимой формой проявления Духа в наших условиях, причем Духа, осознанного и распознанного во всей его чистой эссенции.

Итак, основополагающим принципом подлинной метафизики является принцип Единства Истины. Из этого Единства проистекает иерархическая соподчиненность различных форм ее проявления, то есть истин частного порядка. И эта иерархия по мере удаления от Единой Истины нисходит все ниже и ниже, вплоть до лжи и заблуждения, лежащих как бы под основным зданием Бытия. Наш земной мир является лишь частью бескрайней системы космоса, но при этом он не просто количественная частица гигантского механизма, а умаленная проекция Единого Архетипа, отраженная в ограниченном пространстве земли и человеческой истории.

Поэтому земное человечество может быть рассмотрено и само по себе, так как, представляя только часть реальности, оно является образом всей реальности в целом, и поэтому его структура и судьба суть отражения структуры и судьбы всей реальности. Это означает, что и в человеческом мире есть как Единая Истина, так и ее вторичные формы. Единой Истиной человечества является Изначальная, Примордиальная Традиция, которая есть сверх-временный синтез всей истины человеческого мира и человеческого цикла. Нигде в истории, в религиозных формах, в спектре человеческих идей, свершений и поступков нет ничего, что отсутствовало бы в Примордиальной Традиции, которая, оставаясь на сущностном уровне всегда самой собой, реализуется в истории поступательно и фрагментарно. Вторичными же, прикладными, истинами являются в человечестве традиционные и религиозные формы, не схожие между собой внешне, но внутренне ведущие к одной и той же цели в том случае, если заложенный в них путь будет пройден до конца. Таким образом, различие религиозных форм — явление негативное, так как, хотя они и представляют собой вторичные истины, чистота Единой Истины отныне замутнена. И в самом библейском сюжете негативность такого положения дел запечатлена в повествовании о Вавилонском смешении языков. Забвение Единой Истины со стороны вторичных форм Истины происходит только в критические периоды цикла, в «пост-вавилонском» мире, и такое забение, естественно, умаляет качество каждой отдельной традиционной формы или религии. В конце концов, дробление Истины доходит до такой степени, что она постепенно превращается в свою противоположность, хотя это касается только ее проявлений, а не ее постоянной сущности. Исторически эта стадия соответствует переходу к миру анти-традиционному, профаническому, дьявольскому, в котором исчезает не только Единая Истина, но и истины вторичные, и такой мир становится миром Лжи. Именно таким миром Лжи, Царством Количества является современный мир.

Итак, выстраивается иерархия: Единая Истина — примордиальная Традиция, Вторичные Истины — отдельные религиозные и традиционные формы, и, наконец, Отрицание Истины — современный мир анти-традиции. Причем временная и логическая последовательность в метафизическом видении человеческого цикла (как и любого цикла вообще) такова: вначале — полнота «райского» состояния, затем — долгий период частичных подъемов и падений, и наконец — полный упадок, "мерзость запустения". На этой логике основаны все метафизические и традиционные сакральные доктрины. И сам факт, что теория деградации

Бытия в наше время заменена теорией эволюции, свидетельствует о полном отрицании современным миром основ и принципов мировоззрения свойственного всем традициям и религиям без исключения.

Эта схема, подробно развитая Геноном в различных трудах, является фундаментальной не только для понимания его идей, но и для обретения истинных интеллектуальных пропорций в отношении основных принципов теми, кто стремится к постижению Традиции, и кто достаточно квалифицирован внутренне, чтобы стать в наш темный век стать частью истинной духовной элиты. Отсюда следуют два принципиальных вывода: во-первых, необходимость за конкретными вторичными традиционными формами, еще сохранившимися в современном мире (в частности, традиционные религии), видеть и искать Единую Истину, безусловно скрытую внутри вторичных форм, за их внутренними пределами, а значит, необходимость признать главенствующий статус ортодоксального и правомочного эзотеризма, "внутреннего учения". Во-вторых, необходимость категорически противостоять *всем* проявлениям современности и современного духа, *всему* актуальному миру лжи в полном согласии со вторичными традиционными формами, которые, в той степени, в какой они все же остаются истинами (хотя и вторичными), несовместимы с ложью. Таким образом, традиционалисты должны стоять строго на стороне традиционных организаций (а для западного мира таковыми являются исключительно Католическая и Православная христианская Церковь) против современного мира. Но и в лоне самих этих организаций следует постоянно двигаться внутрь, не останавливаясь на частных, половинчатых и неглубоких толкованиях доктрин и догматов, так как ограниченность и узость этих толкований есть не что иное, как результат отступления от Единой Истины и Примордиальной Традиции, а значит, тем или иным образом, уступка современному миру, так как начало лжи есть умаление истины.

Генон в своих книгах дает четкий ориентир для становления и развития подлинно духовной элиты, которая, в соответствии с вышеизложенной доктриной, должна пребывать в двояком спиритуальном действии, — идти от современного через древнее к Изначальному. А Изначальное, в соответствии с метафизическими законами, и есть Вечное Настоящее. И важно заметить, что помимо очевидной противоположности "современным людям", следующим путями современности без каких бы то ни было колебаний, как стадо одержимых свиней к пропасти, истинная традиционная элита должна категорически настаивать на своей неудовлетворенности ценностями «прошлого», вполне достаточных для

тех, кто стоит на позиции вторичных истин и частных традиционных форм. Эта элита должна стремиться пройти *сквозь* прошлое, *сквозь* религии к изначальной и абсолютной Примордиальной Традиции, к самому Вечному Истоку Откровения. Такой радикальный подход в наших условиях является не только чисто теоретическим пожеланием. (Строго говоря, он справедлив в любые эпохи и на всех уровнях реальности, хоть сколько-нибудь удаленных от самой Единой Истины, что можно увидеть, к примеру, уже в том факте, что ангелы, будучи высшими духовными существами, несмотря на свое высокое иерархическое положение, согласно традиции, постоянно пребывают в пении славословий Богу, преклоняясь перед Тем, кто *выше* Высочайших, и *внутреннее* самых Внутренних). Но наша эпоха отличается еще и тем, что именно и исключительно такой радикальный подход может быть эффективным и для достижения последней цели, — т. е. для утверждения Единства Истины, — и для хотя бы частичного исправления настоящего положения дел и сохранения жизни во вторичных традиционных формах. Уже сама тотальность кризиса современного мира и его циклическая специфика диктуют необходимость в самых радикальных и бескомпрмиссных средствах для его преодоления.

Поэтому сегодня нельзя рассматривать духовные проблемы в перспективе "традиция и современный мир". Сегодня в качестве основного принципа просто необходимо избрать формулу "традиция *против* современного мира", и принять как категорический императив дополнительный тезис: "тотальная и полноценная традиция *против* традиции извращенной, искаженной и частичной". И эти идеи, осознававшиеся и до Генона глубокими и проницательными сторонниками Традиции — Жозефом де Мэстром, Луи Бональьдом, Доносо Кортесом, Фабром д'Оливе, отчасти Сэнт-Ивом д'Альвейдром и другими, — только у Генона получили ясные и законченные формулировки, проявились в форме строгого и последовательного изложения, приобрели характер всеобъемлющего мировоззрения, способного служить точкой опоры для самых разных религиозных, научных, политических и экзистенциальных действий, направленных к единой цели торжества истинно традиционного духа.

Традиция против нео-спиритуализма

Крайне важна и актуальна, и особенно в наше время, та критика, которой Генон подверг различные нео-спиритуалистические течения, иногда имеющие внешнюю схожесть с собственно традиционалистской позицией, но на деле представляющие собой пародию на истинный традиционализм и заключающие в себе куда большую опасность, нежели откровенный профанизм или агностицизм. В "Кризисе современного мира" Генон говорит об этих течениях лишь вскользь, так как более развернутое и подробное изложение этого вопроса дано им в таких книгах, как "Теософизм, история одной псевдо-религии" и "Заблуждения спиритов". В наше время нео-спиритуалистические тенденции редко выступают под именем оккультизма, спиритизма или теософизма, так как уже после смерти Генона с начала 6О-ых годов они приобрели такой размах и стали столь популярными, что возникло множество новых школ и направлений, чьи имена и авторитеты были крайне разнообразны, но сущность которых оставалась такой же извращенной и дьявольской в полном смысле этого слова, как и у их теософских и оккультистских предшественников. Все они точно так же подпадают под геноновское определение "транспозированного материализма", то есть грубого перенесения сугубо современных и антитрадици-онных концепций на психический, субтильный уровень реальности. И что еще страшнее, искажение традиционных и особенно восточных доктрин приобрело совершенно невиданный размах, к сожалению, не без участия самих ренегатов Востока — бесчисленных псевдо-гуру, наводнивших Запад подделками традиции. Раджнеш, позднее Бхактиведанта Прабхупада, с его псевдо-кришнаизмом, Мун и сотни других контр-инициатических деятелей восточного происхождения фактически настолько исказили учения Востока, что сегодня у западного человека слова «йога», "дзен-буд-дизм","транцендентальная медитация", "учение Кришны", «шама-низм» и т. д. вызывают однозначные ассоциации с чудовищными и гротескными пародиями, намного превосходящими по степени неле-пости и ядовитости все «робкие» шаги, сделанные в этом направлении последователями Блаватской или Анни Безан. И как ни странно, именно восточные учения приобрели в нео-спиритуалис-тическом движении основное значение, тогда как спиритические или сугубо оккультистские опыты по извращению западного эзотеризма остались в ведении довольно периферийных и

немногочис-ленных групп — нео-розенкрейцеров из A.M.O.R.C., "Нового Акрополя" и других подобных им течений.

Кроме того, развитие профанической науки значительно расширило "горизонты бреда", и в нео-спиритуалистическом пространстве появились темы телевизионной экстрасенсорики, мания летающих тарелок, увлечение электронными магическими аппаратами и т. д. Но и здесь, несмотря на смену форм, сущность процессов оставалась той же. Речь шла о перенесении обыденных штампов и ментальных клише современного человека, изрядно поглупевшего даже по сравнению с эпохой, в которую жил Генон, на тонкий план низшего психизма, который стал проявляться все более и более интенсивно и подчас спонтанно в земной среде, продвинувшейся еще глубже в стихию "внешних сумерек". Нео-спиритуализм в последние десятилетия также прочно вошел и в собственно научную сферу — не только в области психоанализа, привлекающего определенные посвятительные практики для объяснения сугубо профанических феноменов низшего психологического уровня, но в физические доктрины, которые иногда доходят даже до провозглашения принципа «дао-материи», что является последней стадией откровенного и абсолютного преворачивания вещей с ног на голову, так как в аутентичной даосской традиции «Дао» означает нечто прямо противоположное «материи» (даже если взять этот термин в самом глубоком схоластическом смысле — как «первоматерию», "универсальную субстанцию"). И естественно, все нео-спиритуа-листические разновидности продолжают крепко держаться принципа «эволюции» и «прогресса», которые и составляют одну из главных негативных и анти-традиционных концепций современного мира.

Кроме того, сегодня нео-спиритуализм в целом имеет тенденцию к оформлению в некое новое синкретическое движение, из США рапространяющееся по всему миру. Это движение носит имя "Нью Эйдж" и провозглашет наступление финальной стадии «эволюции», "Эры Водолея", "эры торжества новой (sic!) духовности и научно технического прогресса". В принципе, точно сбывается все то, что Рене Генон предсказал в своей книге "Царство количества и знаки времени", где он утверждал необходимость начала фазы «растворения», которая должна последовать за предельной степенью «материализации» современного мира. Это всеобщее вовлечение в коллективный, псевдо-духовный психоз, известный в христианской традиции как состояние «прелести», соответствует проникновению в мир людей нечеловеческих существ (называемых в библейской традиции Гоги и Магоги, а в индуизме — Коки и Викоки) с

тем, чтобы окончательно разрушить человеческий архетип и переплавить человечество в одержимую массу. Этот процесс непосредственно предшествует явлению самого Антихриста. Тот факт, что большинство современных нео-спиритуалистических движений приходит из Америки, также заключает в себе символический смысл, на который указывал Генон, критикуя ранние формы нео-спиритуализма. После-колумбовая Америка заведомо была страной без традиции, и тревожный смысл ее миссии в современную эпоху Генон предвидел, анализируя особенности герба США с изображением усеченной пирамиды, что в определенной интерпретации означает отрыв от высшего Принципа, от Единой Истины, а значит, уже заключает в себе потенции извращения и хаоса.

Как бы то ни было, традиционализм в чистом и полноценном геноновском понимании, выступая радикально против современного мира, с особенной настойчивостью должен противостоять нео-спиритуалистическим химерам, способным завести людей, ищущих духовность и традицию, в положение намного худшее, нежели наивное и поверхностное следование букве религии, и даже, нежели сам чистый и законченный профанизм. Тезис "традиция *против* всех форм и разновидностей нео-спиритуализма" является еще одним абсолютным императивом для интеллектуальной и духовной элиты. И снова только Рене Генон расставил в этой области акценты совершенно однозначно, как никто до него, предоставив тем самым шанс избранным последних времен, темного века, избежать, быть может, самой страшной опасности — стать жертвами коварных влияний того, кого традиция называет "Темным Сателлитом".

Особенно актуальна борьба против нео-спиритуализма для современной России, где социальные потрясения и довольно загадочные общественные трансформации (чья логика и чей характер ставят больше вопросов, нежели дают ответов), открыли выход страшным энергиям «прелести», распространяемым через средства массовой информации, через газеты, радио и телевидение. И эти энергии тем более страшны, что бывшие «советские» люди за время царствования атеизма и социализма совершенно утратили последние традиционные и религиозные представления, дающие хотя бы минимальные гарантии против откровенного «демонизма» и неприкрытого сатанизма экстрасенсов, уфологов и теле-колдунов. И не случайно Генон в книге "Царство количества и знаки времени" предупреждал, что не вульгарные материализм, атеизм и профанизм становятся сегодня главными носителями антитрадиционного духа. В авангарде ада выступают теперь

именно нео-спиритуалистические силы и течения, и именно они являются сегодня основным и главным врагом Традиции, против которого ее защитники и члены потенциальной интеллектуальной элиты должны сражаться с упорством и мужеством кшатриев (воинов) и в соответствие с высшими принципами, хранимыми брахманами (жрецами).

Традиция против контр-инициации

Кризис современного мира, вскрытый Геноном во всем его ужасающем объеме, не является спонтанным феноменом. Он возник не сам по себе, а в результате сознательных или полусознательных действий определенных людей или, точнее, определенных сил, которые довели ситуацию до актуального состояния. Традиционалистский подход, учитывающий циклические особенности, не имеет ничего общего с философским «фатализмом», отрицающим фактор человеческого волеизъявления в процессе истории. Поэтому циклическая неизбежность Темного века, Кали-юги, не только не исключает участия некоторых сознательных сил, но, напротив, утверждает необходимость существования проводников тотального извращения, отождествивших тенденцию к деградации бытия со своей внутренней ориентацией. Таким образом, по логике вещей должны существовать тайные или полу-тайные организации, ответственные за кризис современного мира, подготовившие его и контролирующие ход его развития в соответствии со своей анти-традиционной и анти-духовной логикой. Существование таких организаций признают все традиции: Христианство именует их собирательным именем "Сын Погибели", Ислам же говорит об "авлии эш-шайтан", то есть о "святых Сатаны" и т. д. Конечно, такая концепция не тождественна общеизвестной "теории заговора" в ее вульгарном варианте. Но следует признать, что те, кто подозревает особую манипуляцию за кулисами современной истории, стоят гораздо ближе к истине, чем люди, полагающие, что все происходит само по себе, и тем самым отрицающие само существование причин у тех или иных событий, что является чисто логическим противоречием. Для адекватного обозначения этих "проводников беззакония" Генон предложил особый термин «контринициация», поскольку речь идет не только о чисто умственном или теоретическом отрицании традиции (как это имеет место в случае простого профанизма, атеизма, материализма и т. д.), но о полной пародии на духовность, о "духовности наоборот". Причем, термин «контринициация» указывает, что здесь участвуют реальные и действительные знания инициатического, то есть самого глубокого уровня, но только обращенные не к высшей цели чистого интеллекта и чистого Духа, чистого Единства Истины, но в прямо противоположном направлении. Однако силы, используемые контр-инициацией, относятся исключительно к

психическому, тонкому уровню реальности, оставаясь всегда вне истинной духовности Неба, как усеченная пирамида, лишенная вершины. Религиозная доктрина совокупно обозначает этот принцип именем «Дьявола» или «Сатаны», а метафизика Веданты определяет его как безличное выражение нисходящей космической тенденции, как гуну «тамас», гуну тьмы и тяжести.

Вращаясь в оккультистских группах во время своих юношеских поисков, и позднее, сотрудничая в "Анти-масонской Франции" и вообще в течение всей своей жизни, Генон собирал информацию о различных тайных обществах, стараясь отделить подлинно инициатические структуры от подделок или даже от самих контр-инициатических организаций. И безусловно, он обладал достаточной информацией, чтобы составить ясное представление о реальном положении дел в этой сфере, так как подчас его информаторами были члены самих этих организаций, могущие сообщить то, что отсутствовало в письменных источниках. Так концепция контр-инициации приобрела очень конкретные черты, и почти во всех своих работах Генон так или иначе затрагивал эту тему, хотя ни разу не обобщил ее в каком-то одном труде. Самое полное ее изложение можно найти в книге "Царство количества и знаки времени", где контр-инициации, "духовности наоборот" и Антихристу посвящены несколько глав. Быть может, сам этот предмет является слишком тревожным, чтобы о нем говорить открыто, но как бы то ни было, без ясного понимания сущности контр-инициации невозможно осознать до конца функцию и миссию традиционализма в современном мире, так как интеллектуальная элита должна с необходимостью знать не только внешние формы того, против чего она борется, но и его сокровенную тайну.

История контр-инициации в общих чертах такова: в ходе циклического развития старые традиционные формы неизбежно сменяются новыми, применяющими принципы Единой Истины к новым условиям человеческой и космической среды. В том случае, когда новые традиционные формы являются ортодоксальными, то есть правомочными с точки зрения Примордиальной Традиции, сущностная сторона предшествующих форм интегрируется в новые, вбирается в них, сохраняется внутри новой оболочки. Но иногда определенные внешние аспекты этих предшествующих форм продолжают существовать в остаточном состоянии и сами по себе, отрываясь от своих высших принципов и не интегрируясь в новые формы. Такие «останки» становятся средой, в которой зреют зародыши контр-инициации. Иногда в мире традиции происходят и внутренние катаклизмы, наиболее ярким примером

которых Генон считает так называемую "революцию кшатриев против брахманов", то есть восстание светской власти против власти духовной. Результатом такой «революции» часто становится появление извращенных и редуцированных, остаточных традиционных форм, также способных превратиться в контр-инициацию. И то и другое сохраняет определенную связь с традицией и засчет этого определенную оперативность по отношению к земной, социальной, и даже космической среде, но, будучи лишь останками, они являются духовно неполноценными, и в определенных условиях начинают выступать как чисто негативный, анти-традиционный, «дьявольский» фактор. Генон полагает, что история гибели Атлантиды также была инициатическим повествованием об исчезновении древней традиционной цивилизации, пришедшей в упадок, но он считает, что от этой цивилизации сохранились не только позитивные ортодоксальные следы в египетской, халдейской и семитской сакральности, но и определенные контр-инициатические «останки». Как бы то ни было, предыстория кризиса современного мира уходит в далекие тысячелетия, и именно там следует искать первые контр-инициатические зародыши актуального положения вещей.

Рассматривая более близкие к нашему времени периоды, Генон указывает на постепенное вырождение самой египетской традиции, которая была чрезвычайно развита в космологическом смысле, но не всегда сохраняла в неприкосновенности метафизическую чистоту. Такое горизонтальное развитие египетской традиции и явный приоритет сакральных наук по отношению к чисто метафизическим доктринам также привели к упадку этой традиции, чьи наиболее существенные элементы (герметизм) перешли позднее в эзотерические учения Иудаизма, Христианства и Ислама. Нижние же элементы отчасти обособились и превратились в «останки», чреватые контр-инициацией. И здесь важно заметить, что Египет и его сакральный центр, Фараон, и в Библии и в Коране являются символами Зла и Дьявола, что может относиться не к самой египетской традиции в целом, но к ее поздним деградировавшим формам. Нечто подобное произошло и с греческой традицией в конце первого тысячелетия до Р.Х. Здесь также метафизические принципы теряются из виду, и впервые в истории появляются признаки не только предельной деградации традиции, но и чистого, сугубо современного профанизма.

Все эти контр-инициатические тенденции постепенно концентрируются в определенные тайные общества, люцеферические или сатанистские секретные организации. Разоблачение «сатанистских»

тайных обществ было довольно популярно среди консервативных религиозных кругов после Французской революции, но поверхностный подход к этому вопросу со стороны не очень квалифицированных авторов, а также сознательная дискредитация «прогрессивной» пропагандой анти-масонских исследований, привели к тому, что теория "мирового заговора" сама приобрела гротескные и несколько пародийные черты. Поэтому одной из важнейших задач Генона в этой области было освобождение представлений о «сатанинских» обществах от фантазийных и мифологических элементов, но вместе с тем и утверждение, что контринициация и "святые Сатаны" суть чистая реальность, причем, тем более действенная и вездесущая, чем меньше о них подозревают и чем больше подвергают осмеянию саму возможность их существования. В этом вопросе Генон проводил глубокие исследования, внимательно разбирая, в частности, аргументы большинства противников масонерии, утверждавших, что за кулисами обычной масонерии стоит так называемая "люциферианская масонерия", «паладизм». Вместе с Клареном де ла Ривом, известным анти-масоном, вплотную занимавшимся "аферой Лео Таксиля" (Таксиль создал множество несостоятельных и вымышленных анти-масонских мифов), Генон изучал секретную информацию по этому делу, и совокупность полученных им данных придала теоретической концепции о контр-инициации зримые исторические и социальные черты. Кроме того, много информации предоставил Генону некто Свами Нарад Мани, — настоящее имя Хиран Сингх, — индус, прекрасно знающий мир тайных обществ Востока и их западных филиалов. Тот же Нарад Мани снабдил Генона необходимыми сведениями для разоблачения анти-традиционной сущности теософизма Елены Блаватской и Анни Безан. Как бы то ни было, существование «люциферианских» сект, играющих важную роль в истории современного мира, — так как изначально именно от них исходило «внушение», столь сильно изменившее структуру западного мышления (о чем Генон говорит и в "Кризисе современного мира"), — для Генона являлось установленным фактом, и ему удалось проследить линии этой организации в течение последних веков с полной достоверностью и определенностью, хотя сам тревожный характер этой информации делал подобное расследование делом крайне тонким. И самое главное состояло не в разоблачениях, но в освещении метафизической подоплеки контр-инициации и в демонстрации логики ее механизмов и ее функционирования. Если попытаться выразить сущность контр-инициации символическим языком, то можно сказать, что она подобна "усеченной пирамиде", неполному и несовершенному сакральному знанию,

противопоставленному знанию полному и абсолютному. Такая оценка сразу же лишает вопрос «сатанизма» всех моралистических и сентиментальных аспектов, так как сужение метафизической картины и ее противопоставление полной метафизике совершенно не обязательно должно сопровождаться кровавыми ритуалами, половыми извращениями, актами прямого богохульства, черными мессами, убийствами, пожиранием младенцев и т. д. Но от этого анти-метафизические тенденции не становятся меньшим Злом, и, напротив, сам ритуальный сатанизм есть не что иное, как упрощенное и примитивизированное, «популистское» следствие анти-метафизического импульса. Поэтому такой сатанизм, несмотря на его внешние эффекты, не является самой страшной формой метафизического Зла, то есть чистого отрицания Истины.

Здесь следует остановиться на вопросе о роли масонства в контексте контр-инициации. Генон и здесь дал предельно четкое и свободное от всяких предрассудков определение. Масонство в его изначальной форме, в форме оперативного масонства, не имело никакого отношения к контр-инициации, которая являлась совершенно особой реальностью. Но в процессе вырождения этой западной чисто инициатической организации определенные «агенты» контр-инициатических центров проникли в масонство, равно как и в другие западные духовные структуры, извратив некоторые его аспекты, точно так же, как это произошло и с самой Католической Церквью, хотя, естественно, степень анти-традиционных влияний в каждом отдельном случае следует рассматривать особо. Эту позицию с предельной ясностью Генон изложил в серии статей, опубликованных в "Анти-масонской Франции" либо анонимно, либо под псевдонимом «Сфинкс». С масонством, согласно Генону, произошло то же самое, что и с древними деградировавшими традициями, «останки» которых стали питательной средой для контр-инициации. Особенно это относится к так называемым иррегулярным ветвям масонерии и к политизированным, демократическим и атеистическим ее формам. Исток же контр-инициации следует искать в других местах. Тесно связанный с этим вопрос о роли Иудаизма в упадке Запада также был однозначно разобран Геноном. Он категорически отметает отождествление Иудаизма с контр-инициацией, как это делали многие защитники западного Христианства. Такое отождествление является неприемлимым, по меньшей мере, в отношении иудейской ортодоксии и иудейского эзотеризма, известного под именем «каббала». Но в то же время Генон не раз указывал на особую роль иудеев в современном мире, на сугубо «западное», атлантическое происхождение их традиции и на специфическую

негативность и опасность извращенных форм Иудаизма. В частности, Генон указывает, что огромное число иудеев и лиц иудейского происхождения среди наиболее видных деятелей современного мира, выполняющих самые зловещие функции по его извращению и по интенсификации негативных процессов, соответствует вырождению "иудейского кочевничества" в последние времена, когда иудеи диаспоры становятся носителями разрушительных и анти-традиционных принципов, причем постоянные миграции иудеев делают их разрушительное влияние действительно универсальным и повсеместным. Кроме того, подчеркнутый партикуляризм Иудаизма и креационизм, столь акцентируемый иудейской религией, также представляют собой крайне благоприятную почву для контр-инициатических сил, чья фундаментальная задача состоит как раз в противопоставлении частного целому и в стремлении оборвать живую связь между причиной и следствием (а именно так трактуют креационизм — идею одноразового Творения — многие талмудические иудейские теологи). В рамках Иудаизма и иудейства существуют также совершенно особые психологические и даже психо-физиологические законы, не свойственные другим традициям и другим народам. Эта особость иудеев — в частности, только к этому народу может относиться идея "переселения душ", «гилгул», как подчеркивает Генон в книге "Заблуждения спиритов" — делает их положение в истории загадочным и наделенным особой миссией, которая в последние времена легко может приобрести чисто негативный характер. К этому следует добавить и цитируемое Геноном в книге "Традиционные формы и космические циклы" пророчество относительно того, что Антихрист, сын погибели, должен быть иудеем по происхождению, из колена Данова. Но как бы то ни было, контр-инициацию и центр "Святых Сатаны" нельзя отождествить прямо ни с масонерий в целом, ни с Иудаизмом, хотя определенная связь между ними все же существует. Так, несмотря на однозначное подтверждение Геноном наличия этих связей, среди его последователей были и до сих пор есть как члены масонских лож, так и ортодоксальные иудейские эзотерики, которые, если, конечно, они честно следуют линии Генона, должны бороться с контр-инициацией и ее влияниями наравне с другими традиционалистами, и в первую очередь, в лоне самих тех организаций, членами которых они являются.

Следует привести и более конкретные указания Генона в отношении центров контр-инициации. В частности, Традиция знает о существовании Семи башен Сатаны, которые являются географическими полюсами дьявольских воздействий на современный мир. Можно привести отрывок

из письма Генона, написанного из Каира, одному их его корреспондентов, где ясно освещается этот вопрос:

> "Они [т. е. башни Сатаны — А.Д.] расположены в форме дуги, обводящей Европу на некотором расстоянии: одна находится в районе Нигера, о котором уже во времена древних египтян говорили, что оттуда приходят самые страшные колдуны; вторая — в Судане, в горном районе, населенном «ликантропами» [людьми, могущими превращаться в волков — А.Д.] в количестве около 2О ООО человек (я знал здесь очевидцев этого явления); третья и четвертая находятся в Малой Азии — одна в Сирии, другая в Месопотамии [к востоку от иракского города Моссул — А.Д.]; пятая — в Туркестане; а две последних должны быть расположены еще севернее, ближе к Уралу или в западной части Сибири, но я должен признаться, что к настоящему времени мне не удалось выяснить их точного географического месторасположения".

Здесь важно также отметить впервые вскрытое Абдуль-Каимом, одним из современных последователей Генона, соответствие расположения Семи башен Сатаны положению серпа на советском гербе, которое точно совпадает с информацией Генона, и заставляет нас задуматься о роли Советской России в процессе кризиса современного мира на символическом уровне, так как советский серп является как бы контр-инициатическим элементом, дополняющим усеченную пирамиду на гербе США. И для понимания этой миссии России также важно то обстоятельство, что на ее территории расположено целых 3 Башни Сатаны — в Туркестане, на Урале, в Западной Сибири. В любом случае, члены потенциальной духовной элиты, стремящейся возродить Традицию, должны обязательно учитывать это важнейшее инициатическое указание Генона.

Итак, если против нео-спиритуализма можно выдвинуть четкие рациональные принципы, защищающие традиционалиста от возможных заблуждений и соблазнов этого крайне опасного и подозрительного движения, то в вопросе контр-инициации дело обстоит намного сложнее, так как в этом случае задействованнные силы являются несравнимо более глубинными, оперативными и скрытыми. Контр-инициатическое влияние не ограничивается узурпацией деградировавших традиционных форм, различных гетеродоксальных и еретических сект и нео-

спиритуалистических движений. Самые ортодоксальные духовные институты могут подвергаться их смертоносному воздействию и допускать в свои структуры «агентов» контр-инициации. И этот риск тем более возрастает, что даже в случае сознательного противостояния «еретическим» веяниям со стороны хранителей традиционной ортодоксии, чаще всего они способны различить только внешние проявления, связанные с ритуальными и догматическими изъянами, в то время, как более тонкие и более глубокие формы «прелести» и «соблазна» могут остаться ими не замеченными в силу ограниченности их эзотерической компетенции и отсутствия понимания истинных корней анти-традиционной деятельности. И именно при столкновении с контр-инициацией сильнее всего проявляется необходимость чисто духовного, эзотерического и инициатического знания, которое только и может разоблачить и распознать "духов зла". Поэтому тезис "традиция п р о т и в контр-инициации" является, быть может, самым трудно реализуемым для защитников традиции, поскольку такое противостояние предполагает полноту метафизических представлений и, одновременно, довольно значительную степень практического личного опыта чисто инициатического характера, который сделал бы все эти вещи не просто объектами, пусть правильного, но лишь абстрактного знания, а конкретной реальностью прямого усвоения через процесс духовной «трансформации» всего человеческого существа. И неслучайно христианская практика "различения духов", о которой упоминал Генон на последних страницах "Кризиса современного мира", является сугубо инициатической и эзотерической, крайне труднодоступной и труднопостигаемой для обычных экзотериков, лишенных метафизических и «внутренних» знаний и необходимой квалификации.

Традиция и политика

Многие критики Генона, пытавшиеся всячески принизить масштаб его послания, нередко старались приписать ему какие-то «партийные» интересы, обвиняя его то в работе "на Папский прес-тол", то на политические исламские организации, и даже на пра-вые европейские партии. До сих пор в определенных кругах бытует максима, высказанная журналистом Луи Повельсом в сенса-ционной, хотя и не очень глубокой книге "Утро магов": "**Фашизм — это генонизм плюс танковые дивизии**". На самом же деле, в отношении политики и различных политических движений сам Генон занимал строго определенную позицию, которую он не раз излагал в своих работах. Истинная традиция по определению должна быть всеобъемлющей и захватывать все стороны человеческого бытия, поэтому даже малейшие вопросы общественной жизни должны ре-шаться, исходя из высших принципов. Но между различными аспектами социальной сферы существуют иерархические взаимоотношения, в соответствии с которыми тем или иным вопросам придается разное значение. В случае нормальной традиционной цивилизации высшей инстанцией является чисто духовная власть, в компетенции которой находится сохранение метафизического знания и вся умозрительная сфера приципов по ту сторону всякой человеческой и даже космической ограниченности. Ниже следуют уровни светской власти, применяющие высшие принципы к конкретным социальным условиям. Еще ниже идут уровни хозяйственного устройства, складывающегося на применении тех же принципов, только на сей раз к еще более узкой и обусловленной сфере. Сам Генон наи-большее значение уделял именно сфере высших интеллектуальных принципов, и поэтому он был прежде всего метафизиком, причем в традиционном и инициатическом смысле этого слова, то есть су-ществом, совершившим метафизическую реализацию и усвоившим Принципы как нечто внутреннее и эссенциальное. Генон был, в первую очередь, человеком брахманической, умозрительной ориентации, и уже поэтому он не мог находиться в зависимости ни от каких партийных или политических интересов, касающихся проблем светского характера. Являясь членом восточной эзотерической элиты, причем, занимая в ней статус максимально близкий к той точке, в которой эта восточная элита смыкается с самой изначальной и универсальной элитой Примордиальной Традиции, Генон стоял высоко над всеми внешними политическими и

общественными структурами, и попытки перевернуть в данном вопросе все пропорции с ног на голову свидетельствуют лишь о характерной черте современного мира объяснять высшее при помощи низшего, что неправомочно не только в случае Генона, но и вообще во всех случаях и при всех обстоятельствах.

Но при этом занимаемая Геноном позиция в отношении политики и его возвышение над сферой социальных конфликтов и дискуссий, отнюдь не свидетельствует о его отказе от рассмотрения актуальных проблем политического уровня, коль скоро речь идет о применении метафизических принципов ко вторичным и относительным вещам. Поэтому и в сферу политики Генон привнес определенные принципы, которые полнее всего выражены в книгах "Духовная власть и светская власть", "Восток и Запад" и "Кризис современного мира". Политическое проявление традиционалистских идей нельзя заведомо исключить, так как основная проблема состоит не в уровне применения принципов, а в соблюдении нормальных иерархических отношений между чистой метафизикой, которая всегда должна главенствовать, и сферой действия, которая должна всегда подчиняться этой метафизике. Если пропорции выдерживаются, то и политическая сфера может стать областью традиционалистской реставрации в полном соответствии с принципами традиции. Именно поэтому определенные труды Генона, и в первую очередь, "Кризис современного мира", оказали значительное влияние на политическую реальность Франции и Италии. В Италии же — заметим по ходу дела — переводчиком "Кризиса современного мира" на итальянский был сам барон Юлиус Эвола, уникальная личность в контексте 2О-го века, человек, предпринявший колоссальные усилия в деле применения метафизических принципов к сфере политики и конкретного действия и бывший учеником и другом Генона, несмотря на то, что его личная внутренняя природа была природой кшатрия, воина, и это, естественно, не могло не сказаться на специфике его метафизической и политической позиции. Как бы то ни было, труды Генона сильно повлияли на политических консерваторов, хотя радикальность воззрений Генона и откровенная критика определенных консервативных концепций (как в случае с Анри Массисом) всегда устанавливали определенную дистанцию между этими политиками и истинным традиционализмом, так как необходимые трансформации сознания для принятия подлинно традиционного подхода к политике были слишком серьезны и требовали от людей слишком больших усилий, которых не хотели, а порой и просто не могли произвести над собой многие идеологи консерватизма.

И кроме того, последовательное и полноценное применение традиционных принципов к политике, для того чтобы быть адекватным, предполагает наличие чисто метафизической и интеллектуальной элиты, которая смогла бы прямо или косвенно контролировать процесс политического развития на более обусловленных уровнях, обеспечивая тем самым соблюдение надлежащих пропорций, а такой элиты на Западе ни во времена Генона, ни до сих пор так окончательно и не сформировалось. Поэтому вопрос о политическом аспекте реставрации традиции должен быть поставлен строго на второе место, а главным и основным вопросом должен быть вопрос о формировании интеллектуальной и духовной элиты. Причем, если встает проблема выбора: куда в первую очередь следует направить усилия, то для адекватного традиционалиста ответ является совершенно однозначным — начинать надо с принципов, с наиболее высокого и наиболее внутреннего, так как в противном случае даже позитивный результат будет чисто иллюзорным. Любопытно, что и сам Юлиус Эвола, всю жизнь пытающийся соединить вопрос о формировании интеллектуальной элиты с политической реализацией, в конце жизни пришел к тезису "традиция *против* политики", убедившись в невозможности что-либо изменить с помощью даже самых позитивных, но все же внешних средств. Однако этот тезис Эволы свидетельствует о его персональном разочаровании во внешней форме деятельности, и, стараясь быть как можно ближе к концепции Генона, мы вынуждены настаивать на тезисе "традиция и политика", при особом акценте существующих между этими понятиями иерархических соотношений, то есть на тезисе "*вначале* элита, а *потом* политика". И несмотря на то, что исторически в 2О-ом веке сочетание этих элементов в нормальных пропорциях пока еще ни разу не удавалось, это еще не означает, что оно вообще невозможно, и в самом благоприятном случае формирование интеллектуальной элиты может проходить параллельно и одновременно с проявлением принципов традиции на политическом уровне. Если это вряд ли может произойти на Западе, то не исключено, что это случится на Востоке, и кто знает, может быть, и в России, хотя пока даже малейшие признаки подобного процесса отсутствуют. Теоретически же такую возможность, на наш взгляд, отрицать все же преждевременно. В любом случае, идеи Генона являются идеальной базой для тех, кто сегодня противостоит или пытается противостоять кризису современного мира и не испытывает никаких иллюзий в отношении чудовищных результатов всех типов «демократии», "экономизма", "западной модели развития", «либерализма» и т. д., которые являются чистейшими примерами антитрадиционного духа, выраженного

на политическом уровне, так как основополагающая концепция, стоящая за всеми этими формами, является уже в самой себе глубоко ложной, порочной, противоречивой и анти-духовной, а значит, и в ней так или иначе можно обнаружить прямые влияния контр-инициации, темные энергии, контролируемые "святыми Сатаны", "авлии эш-шайтан". Здесь тезис "традиция и политика" приобретает полную определенность и может быть сформулирован как "традиция *против* современной политики" или "традиция *против* демократии", поскольку и в западном мире, и в России политическая идея «демократии» является наиболее открытым и агрессивным проявлением отрицания иерархии во всех сферах, а принцип иерархии является не только основой всякой традиционной социальной модели в нормальных цивилизациях, но и одним из главных законов метафизики и космологии. Отрицание иерархии есть отрицание Истины, а так как демократия является сегодня наиболее тотальным явлением, то мы вынуждены признать, что наступление демократии однозначно тождественно наступлению царства Лжи.

Поэтому концепция Генона может оказаться чрезвычайно полезной тем, кто стремится противостоять злу социальному и политическому, хотя наиболее желательным было бы не ограничиваться чисто прагматическим аспектом его трудов, но сделать определенные шаги по углублению сугубо умозрительных и метафизических принципов, так как в любом случае, без формирования адекватной элиты, даже успешное противодействие демократии окажется тщетным и иллюзорным, тем паче, что псевдо — альтернативой в данном случае может явиться возврат к другой не менее порочной форме антитрадиционного и анти-духовного порядка, который получил широкое распространение на Востоке под именем «коммунизма» или «социализма».

Традиция и эзотеризм

Для адекватного понимания идей Генона необходимо четко сознавать сущность деления традиции на эзотерическую, внутреннюю, и экзотерическую, внешнюю, стороны. Этот вопрос, особенно в наше время и в нашем контексте, является, быть может, и самым важ-ным и одновременно самым сложным. Дело в том, что сегодня прочно устоялось отношение к «эзотеризму» как к форме «нео-спиритуализма», и узурпация этого имени многими нео-спи-ритуалистическими организациями и течениями, не имеющими вооб-ще никакого сходства с истинным и ортодоксальным эзотеризмом, дает, к сожалению, для этого определенные, чисто внешние, основания. Поэтому никогда не лишне настаивать на абсолютной ложности такого отождествления, вопреки всем трудностям, которые возникают в этом вопросе. Чтобы сделать этот вопрос более понятным, можно привести несколько примеров из другой сферы, где речь идет о чисто экзотерических явлениях, которые можно взять в качестве образца. Так, если обратиться к католику или православному христианину и попросить его ответить на вопрос: "являются ли представители секты хлыстов или скопцов нормальными и полноценными христианами?", то очевидность отрицатель-ного ответа и даже негодования по поводу самой постановки вопроса ни у кого не вызовет ни малейшего сомнения. Почти точно так же не вызовет сомнений и то, что протестантские секты, отрицающие все догматы и ритуалы Христианства, не могут быть рассмотрены как полноценные представители христианской традиции, на основании которых можно было бы судить об этой традиции в целом. То же самое можно было бы сказать и в отношении секты «кришнаитов», "сознание Кришны", которая для нормального индуиста является грубой пародией на индуистскую традицию, основывающейся на полном и абсолютном отрицании всех норм и всех основ индуизма, уже хотя бы потому, что индуизм неразрывно связан с системой каст, и стать индуистом, не родившись им, просто нельзя (причем это является принципиальным отличием индуизма от многих других традиций, и в частности, от буддизма). И все же полным невеждам в вопросе религиозных вероисповеданий со стороны может показаться, что претензии сектантов и шарла-танов действительно оправданы, и именно на их основании и следует судить о христианской доктрине или о индуистской традиции. В отношении подлинного «эзотеризма» и псевдо-

эзотеризма нео-спиритуалистов дела обстоят приблизительно так же, только различие между оригиналом и пародией является несравнимо более глубоким и абсолютным, так как сфера «ересей» имеет отношение к экзотерическому плану, и поэтому, отклоняясь от центральной и ортодоксальной линии традиции, «ереси» все же остаются на том же уровне, что и внешние аспекты этих традиций, переходя от его центра к периферии. В отношении эзотеризма и псев-до-эзотеризма дела обстоят иначе, так как эзотеризм вертикален по отношению ко всему внешнему уровню традиции, он является внутреннейшим истоком этой традиции, тогда как псевдо — эзотеризм представляет собой чисто профаническое явление, если, конечно, речь не идет непосредственно о контр-инициации, которая также выходит за рамки внешней традиции, но только снизу, находясь за ее наиболее внешним пределом, в регионах того, что Евангелие называет "тьмой внешней" ("тьмой кромешной" — от слова «кромка», "край", "внешняя граница").

Эзотеризм является правомочной составляющей ортодоксальной традиции, и как таковой он логически должен не только признаваться экзотеризмом, но в нормальном случае ему придается верховный статус и высший авторитет. Именно на эзотерическом уровне данные традиции перестают быть внешними и ограничительными догмами, и становятся внутренним и единственным содержанием духовного опыта. В эзотерической сфере все то, что на внешнем уровне остается объектом веры, становится объектом непосредственного и прямого знания. Сфера эзотеризма располагается как бы между внешними формами традиции и их тайным истоком, и являясь "узким путем" по преимуществу, эта сфера с необходимостью открыта только избранным, только исключительным существам, способным реализовать всю полноту духа, отождествить этот дух со своим собственным высшим «Я». Если сфера экзотеризма и религии открыта всем без исключения, то эзотеризм является с необходимостью уделом исключительных личностей. И этот факт лишний раз доказывает, как абсурдны претензии нео-спиритуалистов сделать "эзотерические знания" достоянием всех, что является абсолютным противоречием уже в самой своей идее, не говоря уже о полной невозможности осуществления чего — либо подобного на практике.

Укажем те движения, которые в рамках различных традиций можно с полным правом назвать подлинно эзотерическими. В китайской традиции эзотеризмом является даосизм. В индуистской — брахманизм и духовная йога, а также различные формы тантризма. В Иудаизме — это каббала. В Исламе — суфизм. В Буддизме — ваджраяна. В Католичестве —

христианский герметизм и определенные духовные и рыцарские ордена. И наконец, в Православии — самым ярким примером эзотеризма может являться инициатическая традиция исихазма и старчества. Почти все эти эзотерические формы в тот или иной момент становились объектами нападок со стороны представителей внешних экзотерических структур традиции, и уже в этом можно было увидеть первые признаки антитрадиционного духа, так как отрыв внешней стороны традиции от ее внутреннего зерна с необходимостью должен был привести (и привел!) к упадку и деградации самой внешней ее стороны. В этом проявились первые признаки антитрадиционного и анти-метафизического процесса, связанного с восстанием против правомочной иерархии сакрального устройства реальности, и блюстители ортодоксии, вопреки видимой стороне дел, в подобных случаях объективно — сознательно или бессознательно — выступали как проводники анти-ортодоксальных и анти-традиционных влияний, играя на руку самим контр-инициатическим силам. Конечно, в разных случаях степень анти-эзотерических процессов была различна, и эзотерическая сторона не была окончательно уничтожена ни в одной из этих традиций, а если бы это произошло, то эти традиции фактически прекратили бы свое существование. Но все равно это привело к сокрытию эзотерических доктрин и эзотерических центров, постепенно ставших все менее и менее доступными. В настоящий момент эта закрытость является предельной.

Важно подчеркнуть и еще одну особенность: эзотерические стороны разных традиций, как неоднократно подчеркивал Генон, гораздо ближе стоят друг к другу, нежели экзотерические стороны. Такое положение точно соответствует логике вещей, так как именно ортодоксальный эзотеризм является тем звеном, которое соединяет конкретную традицию с Традицией Примордиальной и Единой. Если на внешнем уровне догматы Ислама, Христианства и Иудаизма полны неснимаемых противоречий по отношению друг к другу, то на уровне ззотерических доктрин всех трех авраамических форм традиции, мы видим сущностную близость, которая проявляется хотя бы в предельно близких инициатических практиках "призывания Божественного Имени", «теургии», сопровождающихся удивительно схожими правилами дыхания и в суфизме ордена Накшбандийя, и в определенных каббалистических ритуалах, и в практике православных исихастов с Афона. На этом основывается категорический императив для формирующейся элиты, заключающийся в необходимости проникнуть в эзотерический центр собственной традиции, так как без этого истинной реставрации традиции добиться просто невозможно. И это,

естественно, предполагает отстранение от межконфессиональных полемик и споров, которые остаются и должны оставаться уделом экзотериков, и пристальное внимание к различным ортодоксальным традициям и особенно к их эзотерическим сторонам. Но это отнюдь не означает «синкретизма» или «эйкуменизма», так как здесь речь идет не о слиянии или смешении разных традиционных форм, — что, впрочем, также является чисто экзотерическим предприятием, причем еще более опасным, нежели «анафемствование» иных конфессий, — а о постижении сути своей собственной традиции, о постижении ее внутреннейшего зерна. При этом крайне важным будет изучение данных других эзотерических форм, аналоги которым обязательно найдутся и в рамках самой этой традиции, стоит только ясно понять что, где и как в ней следует искать, и здесь самые разные эзотерические доктрины окажут неоценимую услугу.

В западном мире именно Генон однозначно и полноценно изложил эту позицию, хотя, безусловно, она наличествовала во всех истинно эзотерических организациях, чуждых и внутриконфессиональной узости, и поверхностного синкретизма. Тезис о необходимости и первичности именно эзотеризма для восстановления традиции является наиболее фундаментальным в деле формирования элиты, так как без этого будет упущен самый существенный момент традиционной реставрации. Кроме того, есть все основания считать, что реставрация традиции на чисто внешнем, экзотерическом уровне в актуальных условиях и не имеет никаких шансов произойти, так как анти-традиционные силы сегодня еще более могущественны и активны, нежели в эпоху написания "Кризиса современного мира" Геноном, а для них даже внешний уровень традиции представляет собой объект тотальной ненависти. Пока внешняя традиция — "Земная Церковь," в случае христианской традиции — не падет окончательно (в отличии от "Церкви Небесной", не подверженной никаким нападкам князя мира сего, т. е. дьявола), враг человеческий не оставит своих атак, стремясь разрушить ее либо извне, либо даже изнутри.

Традиция и Россия

В данный момент следует разобрать один более частный вопрос, касающийся значения Генона, его трудов и традиционализма в целом для актуальной России, которая переживает сегодня не просто кризис, но его наиболее острые и страшные формы. Но одновременно, в настоящей ситуации все больше людей осознает хотя бы тот факт, что этот кризис существует, и более того, что он является предельно глубоким и тотальным. В то время как общее настроение людей Запада остается не то чтобы безмятежным, но довольно спокойным, так как кризис там не затрагивает материальной стороны жизни людей, в России он распространяется на все сферы без исключения, проявляясь и через полный развал хозяйства, и ломку всех психологических и ментальных структур. Вот что писал нам в письме по этому поводу один из крупнейших генонистов Европы профессор Жан Борелля, автор замечательной книги по христианской традиции "Профанированная добродетель": "*Быть может, парадоксальным образом у вас (т. е. в России) дела обстоят лучше, чем у нас, где сегодня уже потеряно все без исключения*". Эту точку зрения разделяют с ним и многие другие традиционалисты, считающие, что поиск причин нашей семидесятилетней катастрофы сможет привести людей к тотальному осознанию истоков кризиса современного мира как такового, а значит, обратить их взгляды к традиции, как к единственной альтернативе и к единственной возможности спасения. Кроме того, определенную надежду вселяет и то, что, по меньшей мере, на ритуальном и догматическом уровне русское Православие, вопреки всему, сохранило свою цельность. И наконец, географическая близость России к регионам Востока и наличие в русском государстве огромного исламского сектора могут проложить дорогу истинно традиционным влияниям, способным эффективно противостоять деградации и вырождению, идущим с антитрадиционного Запада, который сами западные традиционалисты сегодня ненавидят еще больше, нежели восточные народы, испытывающие на себе страшный экономический и, главное, духовный гнет агрессивной материальной цивилизации. На Россию традиционалисты смотрят сегодня с тем большей надеждой, что у них самих негативные процессы представляются необратимыми, так как Запад за последние десятилетия подвергся тотальной агрессии всех форм анти-традиционных воздействий, причем в масштабе, не известном ранее даже в самые сложные периоды

его истории.

В частности, после написания "Кризиса современного мира" негативные события развивались на Западе так быстро, что в более поздних работах сам Генон отмечает, что процессы становятся необратимыми и формирование собственно западной элиты в должном масштабе не только не прогрессирует, но становится фактически невозможным. Большинство традиционалистов и последователей Генона, в конце концов, предпочли интеграцию в восточные элиты, как Мишель Вальзан, Фритьоф Шуон, Титус Буркхардт, Клаудио Мутти и другие, принявшие Ислам, или совершенно замкнулись во внутренней деятельности, став недоступными и никак не проявляя себя во внешнем мире, как это произошло с эзотерическим христианским орденом "Эстуаль Интернель", внешним представителем которого был в свое время друг и сотрудник Генона Луи Шарбонно-Лассэй.

В такой ситуации, несмотря на ужасное положение России, и даже несмотря на явно профаническую и прозападную ориентацию современных правителей, меняющих одну форму лжи на другую и не наделенных ни малейшей долей честности или здравомыслия (что заставляет подозревать за всеми переменами не искреннее раскаяние или разумную необходимость, а лишь смену тактики анти-традиционных сил), сейчас возникает уникальный шанс для изменения запрограммированного "Святыми Сатаны" курса истории и для попытки традиционной реставрации. Ситуация была бы совсем благоприятной, если бы анализ коммунистических заблуждений, материализма, атеизма, экономизма и так далее привел бы к распознанию истоков зла современности, и самая элементарная логика в таком случае выдвинула бы как позитивную альтернативу коммунистическому мировоззрению идею возврата к Традиции, сохранявшейся в России намного дольше, нежели в мире Запада. Но к сожалению, благодаря искусственности политических трансформаций в бывшем «советском» обществе и сохранившемуся контролю определенных сил над общественным мнением (хотя сами эти силы и поменяли свое название и свои лозунги), естественный процесс осознания корней русской послереволюционной трагедии и неизбежных из него выводов, — которые обязательно должны были бы в той или иной степени сделать очевидным кризис всего современного мира в целом, — отклоняется от нормального и логичного пути, и людям навязываются новые стереотипы столь же профанического, ядовитого, противоестественного и антитрадиционного характера. Самым тревожным во всем этом представляется подчеркнутая ориентации политических

преобразований на США, так как символическая роль, которую играет это государство в современном мире, окончательно отождествилась сегодня с авангардом всех контр-инициатических и анти-духовных процессов. И тут можно увидеть страшную опасность смыкания американской "усеченной пирамиды" с серпом "Семи башен Сатаны". Таким образом, на смену диктатуре коммунистической приходит угроза новых форм диктатуры, на сей раз диктатуры не материализма, но материальных благ, не "научного атеизма", но "атеистической науки", не откровенной анти-духовности, но новой псевдо-духовности типа интернационального движения "Нью Эйдж". И здесь можно также увидеть осуществление предсказаний Генона относительно того, что за эпохой материализма должна последовать эпоха полного растворения, эпоха нео-спиритуализма, символически описанная в традиции, как "открытие Космического Яйца снизу" или "разрушение железной стены племенами Гогов и Магогов". В согласии с логикой цикла профанический материализм и атеизм, процветавшие в коммунистической России, уже не вполне соответствуют требованиям адского извращения цивилизации, и на смену полному невежеству и откровенному рабству приходят псевдо-знание и псевдо-свобода. И особенно показательно в этом смысле повальное увлечение современных русских самыми различными видами нео-спиритуализма: экстрасенсорикой, уфологией, псевдо-астрологией, магией, телекинезом и нео-колдовством. Кроме того, крайне тревожным фактом является глобальное распространение феноменов полтергейста, так как оно недвусмысленно указывает на действительное присутствие инфра-корпоральных, «под-телесных», сущностей в человеческом мире, что является страшным знаком близости прихода самого воплощенного Антихриста, Дадджала, как называет его исламская традиция.

Но независмо ни от чего, люди, верные традиции, и в первую очередь, естественно, представители ортодоксальной религии, просто обязаны использовать переходный и катастрофический период для попытки тотального возрата к традиции или, по меньшей мере, для спасения тех, кто еще может быть спасен в данной критической ситуации. И в данной перспективе в случае России, как и в случае Запада, начинать надо с восстановления и формирования истинной интеллектуальной и духовной элиты, которая могла бы реально и эффективно противодействовать и противостоять силам "тьмы внешней". При осуществлении этой задачи труды Генона и его последователей являются бесценным подспорьем, так как только в них все пропорции, необходимые для ее успешного выполнения соблюдены безупречно. Генон для России сегодня является не

просто одним из западных авторов, которого мы открываем после десятилетий изоляции, Генон — это последний шанс России, так же как, он является последним шансом Запада, если вспомнить название книги французского автора Жана Робэна "Генон — последний шанс Запада".

Безусловно, речь идет не просто об изучении того, что Генон говорил в своих книгах. Важно, в первую очередь, понять принципы традиции, которые он предельно ясно и последовательно излагает, и применить эти принципы к своей собственной традиционной форме. В подавляющем большинстве случаев, это относится к Православному Христианству, так как именно оно является в некотором смысле естественной и провиденциальной религией России. И при этом необходимо сделать догматы религии не просто внешними и моральными правилами, но объектами прямого внутреннего духовного опыта. Генон дает нам ключи, но дверь, которой они соответствуют, можно найти только в лоне ортодоксальной традиции. И здесь надо сказать, что, несмотря на свою ритуальную и догматическую сохранность и полноту, Православие за последние столетия также подверглось серьезным анти-традиционным воздействиям, которые подтачивали Церковь как извне, так и изнутри. Вначале раскол подорвал универсальность Русского Православия, позднее, при Петре, началась секуляризация Церкви, разрыв светско-духовного синтеза, который ранее делал русскую цивилизацию воистину сакральной. Далее усилились протестантские влияния, которые гораздо глубже, нежели обычно считают, извратили Дух Церкви. Именно протестантизм как наиболее яркая форма «гуманизации» Христианства, как радикальное лишение религии всех ее сакральных и духовных основ, восходящих к нечеловеческому, божественному истоку, породил в 19-ом столетии уродливый феномен "моралистического Православия", то есть низведение великих догматов и проблем религии до сентиментального, психологического, "человеческого-слишком-человеческого" уровня. Это можно проследить в постепенном выдвижении на первый план темы "любви к ближнему", которая начинает мало-помалу ассоциироваться с самой основой Православия, тогда как первая часть этой евангельской формулы, которую сам Иисус Христос назвал первой и наибольшей заповедью — "Возлюби Господа Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь" (от Матфея 22, 37–38), — как-то незаметно теряется и исчезает за слезливым и непропорциональным раздуванием второй заповеди — "Вторая же, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя". Таким образом, в лоне самой религии постепенно происходит сдвиг

акцентов: Божественное, Бог, Нечеловеческое становится на второе место, а человеческое, земное, моральное выдвигается на первое. Даже на иконах Спаса все чаще встречается на открытой книге надпись заповеди о ближнем, и все реже о любви к Богу. И хотя зачастую это изменение остается незамеченным, если обратимся к Генону и его подчеркиванию нечеловеческого (чисто божественного) происхождения традиции, — что точно соответствует фундаментальному утверждению самой традиции, и в частности, христианской религии, основанной именно на Божественном Откровении, — нельзя не заметить в самой этой тенденции ясное выражение анти-традиционных и анти-религиозных, анти-православных влияний. В «гуманизации» и «морализации» Православия сказалось также влияние русского масонства, которое само по себе было сильно протестантизировано в результате переработки его конституций протестантами Дезагюлье и Андерсоном еще в первой половине 18-го века. Кроме того, русские масоны были связаны, в первую очередь, с английскими, немецкими и шведскими ложами, то есть с ложами исключительно протестантских стран. Пренебрежение русских масонов исследованием сугубо православного эзотеризма также было следствием чисто протестантского подхода к христианской традиции. И постепенно «филантропический», "морализаторский", психологизирующий "масонско-протестантский" дух затронул Православие в такой степени, что оно как бы разделилось на две одинаково неполноценные половины: на интеллигенцию, даже в случае ее традиционалистской ориентации захваченную неявным «протестантизмом», повлиявшим в той или иной форме почти на всех православных философов и светских теологов 19-го — 2О-го веков, и на "народную веру", которая сохраняла нетронутыми внешнюю, ритуально-догматическую, часть и соблюдала аутентичные пропорции древней Русской Церкви, но была не в состоянии интеллектуально оформить эти пропорции и заявить о них ясным языком. Естественно, из этого правила были и исключения, так как инициатическая традиция старчества на Руси все же не прерывалась, хотя подлинные старцы становились все более и более недоступными и закрытыми. Кроме того, известен выразительный пример Святого Серафима Саровского, одного из наиболее духовных и интеллектуальных русских святых, изложившего определенные инициатические принципы с невероятной откровенностью и последовательностью. Но защитники Православия по большей части все же были фатально ограничены вышеуказанным дуализмом, и либо, в случае «интеллигентов», неизбежно срывались в гуманизм, морализм и психологизм, либо, в случае «народа», просто не

умели выразить то, что чувствовали и думали, также оставаясь на уровнее эмоций и бессознательных архетипов. Именно поэтому среди православных авторов последних двух столетий нельзя найти почти никого, кто мог бы безо всяких оговорок считаться настоящим традиционалистом, так как повсюду, даже у самых глубоких и интересных из них (к примеру, у К.Леонтьева), мы видим типичные интеллигентско-протестантские срывы. И в такой ситуации роль Генона для России во сто крат возрастает, так как по его трудам можно выверить истинные интеллектуальные пропорции самой православной традиции и разом освободиться и от "простонародной немоты", и от наносов модернизма и анти-традиционных влияний, которые тут же станут очевидными у всех, начиная со славянофилов, Достоевского, Соловьева и кончая Трубецким, Флоренским, софиологами и евразийцами. И кроме того, Генон позволяет преодолеть также определенный догматический бюрократизм «официальных» церковных авторов, в которых, подчас, совершенно отсутствуют даже намеки на символический, духовный и интеллектуальный подход, и которые также отнюдь не избежали «морализма» интеллигенции. Как бы то ни было, идеи Генона и традиционалистов послужат лишь целиком на пользу Православию, так как, следуя им, можно прийти к возобновлению исконного и изначального религиозного и церковного духа, а также осознать реальную ценность того сокровища, которое вверено Православию в его доктринах, его символах, его ритуалах, его иконах, но о котором оно сегодня имеет, к сожалению, самое приблизительное представление, а иногда и вовсе о нем и не подозревает.

Если говорить о собственно православном эзотеризме, — а именно эзотеризм есть тот центр и ядро традиции, который является главным в деле подлинно традиционной реставрации, а значит, совершенно необходимым для формирования интеллектуальной элиты, — то таковым является православный исихазм, традиция старчества, православная иконопись, особенность русского литургическкго календаря православных святых и сакральная география Русского Православия, отражающая тайную структуру Святой Руси. Именно эти аспекты должны рассматриваться не просто как определенные направления православной религии наряду с другими, но как иерархически главенствующие и первичные ее аспекты. И в первую очередь, надо внимательно исследовать и искать способы восстановления и возрождения традиции православного афонского исихазма, так как именно в ней заключены основные принципы, служащие сакральным фундаментом Православия. Но, как ни странно, как

раз эти стороны чаще всего упускают из виду "церковные традиционалисты", а те авторы, которые их затрагивают, в большинстве случаев остаются на уровне чисто сентиментального, эстетического и смутно мистического их воприятия, не имеющего никакого отношения к реальному, строгому и в некотором смысле оперативно-техническому эзотеризму. Подчас такой интерес к исихазму граничит даже с поэтическим профанизмом, как это имеет место в случае с так называемыми «софиологами», вопреки своему названию весьма далекими от истинной христианской мудрости, христианской Софии. «Исихазм» по-гречески означает «покой», "мир", но в эзотерическом контексте термин «мир» являет собой символ духовного и посвятительного центра традиции, отражающего на земном уровне Небесную Славу Бога. Эта традиционная идея ярко выражена в христианском славословии "Слава в вышних Богу (небесный принцип — А.Д.), на земле мир (эзотерический центр земной традиции как отражение небесной Славы — А.Д.), в человецех благоволение (ориентация на земной сакральный центр и признание его верховенства — А.Д.)". И здесь уместно вспомнить, что Мельхиседек, чьим Первосвященником святым апостолом Павлом назван сам Христос, именуется в Библии "Царем Салима", а слово «салим» на древне-еврейском означает именно «мир», "покой". Мельхиседек считается в традиции персонификацией Короля Мира, главой посвятительной иерархии самой Примордиальной Традиции, что ясно показал Генон в книге "Король Мира". Таким образом православный исихазм — это сущность христианского Православия как такового, и именно в нем следует искать связи Христианства с Единой Традицией и Единой Истиной, с главным инициатическим центром. Это подтверждается и символизмом Сердца, который является центральной темой исихастов, а сердце в эзотерическом — а не моралистическом и сентиментальном — смысле также служит сакральным синонимом этого инициатического центра, местом пребывания Мельхиседека, Царя Справедливости, Короля Мира. Оно также связано именно с духом и сверхчеловеческим интеллектом, тогда как человеческий мозг соответствует лишь дискурсивному рассудку, Отождествление же сердца с истоком страстей и эмоций есть позднейшее и анти-традиционное по сути явление, связанное с общим низведением духовной традиции до моралистического и психологического, сугубо человеческого уровня. Поэтому традиция исихазма не ограничивается только сферой индивидуальной монашеской духовной реализации, но имеет отношение ко всем аспектам сакрального космоса, и об этом макрокосмическом характере исихазма уже достаточно свидетельствует постоянно

присутствующая у его представителей тематика Фаворского Нетварного Света. Через традицию исихазма можно обнаружить ключи к глобальной сакральной географии, и тем самым определить местонахождение различных посвятительных центров как собственно христианской, так и других традиций. Как бы то ни было, православный исихазм имеет универсальное значение, и поэтому поиск и восстановление этой эзотерической традиции является совершенно необходимым условием для традиционной реставрации Православия и России. Крайне важны также эзотерические исследования иконописи и русского литургического цикла, значение которых ни в коей мере не ограничивается пределами Церкви как института, но охватывает самые различные сферы пространственно-временного комплекса, называемого «Россией» в самом широком и, в первую очередь, сакральном смысле. И в этом вопросе труды Генона, особенно "Фундаменатльные символы сакральной науки", "Король Мира", "Замечания по поводу христианского эзотеризма", "Великая Триада", "Традиционные формы и космические циклы," явятся бесценным и незаменимым подспорьем, так как в них излагаются основные методы адекватного эзотерического исследования, благодаря которым откроются сокровищницы нашей собственной традиции, забытые и пренебрегаемые подчас самой Церковью. В таком пренебрежении и добровольном забвении легко можно различить влияние определенных скрытых сил, упорно стремящихся к искоренению всего ортодоксального и традиционного, начиная, естественно, с самого главного — со сферы истинного и подлинного эзотеризма.

Таким образом, если России суждено преодолеть актуальный кризис и резко свернуть с того пути, который уготовляется ей сегодня анти-традиционными и, можно даже сказать, анти-русскими руководителями, то это должно с необходимостью начинаться с адекватного формирования христианской, православной элиты, осознающей глубину и универсальность православного эзотеризма во всей полноте и через это осознание вступающей в контакт с эзотеризмом универсальным, а значит, с самой Примордиальной Традицией. Только при возрождении первичного, эзотерического уровня традиции, при возрождении исихазма в самом широком и глубоком смысле этого слова, возможно будет возродить вторичные, экзотерические и внешние аспекты, так как "благоволение в человецех", то есть социальная и традиционная гармония, никогда не сможет реализоваться без "мира на земле", то есть без "центра покоя, исихазма", без "сердца традиции", которое является вместилищем "царства божьего" и "Фаворского Нетварного Света", бьющего с духовных небес, от

"Славы Бога в вышних". И этот Нетварный Свет является Светом Единой Истины, где различные и ограниченные традиционные формы сливаются в сущностном синтезе в Единой Примордиальной Традиции, персонифицированной Мельхиседеком, Царем Салима, Полюсом Исихазма, Мира, Покоя.

Возможно, Россия в перспективе восстановления традиции имеет и еще одно преимущество перед Западом: индивидуализм, который выделяется Геноном как одна из самых основных причин кризиса современного мира, в России был далеко не так распространен, как в Европе или в Америке. Он настолько чужд русскому сознанию, что при критическом выборе в начале 2О-го столетия, после того, как единственно легальная монархическая власть была опрокинута, русский народ предпочел страшный и псевдо-религиозный коммунистический коллективизм европейским «капиталистическим» и индивидуалистическим формам. Поэтому определенные стороны критики Геноном индивидуализма будут гораздо ближе и понятнее именно русским, так как они соответствуют их собственной национальной ментальности. Но здесь мы сталкиваемся с обратной опасностью: если на Западе корень анти-традиционной деятельности действительно заключался в индивидуализме, профанизме и гуманизме, то в России отсутствие этого фактора восполнял другой, быть может, не столь универсальный и эффективный, как первый, но все же чисто негативный и приведший к довольно схожим результатам в деле уничтожения традиции. Мы имеем в виду «коллективизм», причем не тот, о котором говорил Генон как о простой совокупности отдельно взятых индивидуумов, а особый «архаический», "общинный" коллективизм, в котором часто отдельные индивидуумы вообще трудно различались в общей совокупности «мира». Подобный коллективизм действительно является эффективной защитой против индивидуализма, и благодаря этому коллективизму и сохранился феномен того, что мы назвали "простонародной верой". Однако он порочен тем, что при отсутствии квалифицированных пастырей, то есть действительной интеллектуальной и сверхиндивидуальной элиты, он легко может привести к хаосу, разложению и "тоталитаризму снизу", что в полной мере реализовалось в коммунистической революции. И так как в последние столетия вместо действительной аристократии духа и нормальной полноценной элиты пастырскую функцию выполняли «интеллигенты», то есть, в конечном счете, индивидуалисты западного типа, — типичные классические профаны, оторванные от традиции и проникнутые анти-традиционными идеями «демократии», "гуманизма", «эволюции», "атеизма" и т. д., или, по

меньшей мере, если речь идет о "консервативной интеллегенции", сильно затронутые "протестантстко-масонскими", «моралистическими», "эстетическими" и «психологическими» веяниями, — то связь между общинным консерватизмом и истинными представителями духовной элиты, которые должны в нормальном случае обеспечивать контакт нижних структур религии и общества с метафизическими принципами, окончательно прервалась. В такой ситуации и русское государство и русская Церковь, всегда составлявшие единое целое, окончательно стали жертвой безысходного дуализма: с одной стороны, анти-индивидуалистический и инерциально традиционный народ, не могущий ясно сформулировать принципы традиции уже потому, что его традиционность является инерциальной и несознательной, а с другой стороны, индивидуалистическая, профаническая и секуляризированная интеллигенция, которая либо не желала, либо просто не могла сформулировать традиционные принципы, даже когда пыталась это сделать, из-за отсутствия контакта с живой традицией, оборванного за счет протестантско-масонских влияний, захвативших почти поголовно все дворянство уже начиная с 18-го века. И этот дуализм ощущается в полной мере и на современном этапе, где инерциальный, слепой коллективистский консерватизм противостоит индивидуалистическому профанизму, в очередной раз создавая благоприятную ситуацию для реализации самых анти-традиционных планов теми скрытыми силами, которые прекрасно сознают свои настоящие цели и легко умеют пользоваться недалекостью масс и беспринципным «арривизмом» интеллигентов. Поэтому в русском контексте критика индивидуализма с традиционалистских позиций должна сопровождаться критикой инерциальной общинности, которая, будучи предоставлена самой себе, остается слепой силой, легко подверженной манипуляциям агентов контр-инициации. Итак, вопрос об истинно интеллектуальной элите приобретает особую значимость уже благодаря самому факту его постановки, так как одно только утверждение этой третьей возможности по ту сторону и "народной веры" и "интеллигентского сомнения", — возможности создания истинно традиционной, совершенно сознательной и сверхиндивидуальной элиты, в противоположность недо-индивидуальному уровню "общины", — уже даст новые перспективы и откроет новые горизонты для успешной и эффективной традиционной реставрации.

И наконец, следует остановиться на вопросе Ислама, который является на территории нынешней России второй конфессией. Судьба исламской традиции в России имеет важнейшее значение для традиционной

реставрации, необходимость которой обнаруживается в результате полного осознания кризиса современного мира. Ислам является последней традицией, имеющей все признаки ортодоксальности с точки зрения ее соответствия самой изначальной Примордиальной Традиции. Эту истину должны признавать все те, кто действительно заинтересован в традиционной реставрации во всей ее полноте, а не только в реставрации каких-то частных форм, что в данной циклической ситуации, в конце темных времен, не только неуместно, но и неисполнимо. Поэтому успех восстановления в России нормального порядка вещей может быть достигнут только в результате духовного союза русского Православия с Исламом. Эта необходимость диктуется не только очевидными гео-политическими и историческими факторами, которые все яснее осознаются сегодня сторонниками "русского пути", но спецификой того кризиса, который охватил весь современный мир в целом, и в частности, Россию. В данном случае в личном принятии Ислама Геноном следует видеть фундаментальное подтверждение глубины и адекватности исламской традиции, которая сохранила свое эзотерическое и духовное содержание, быть может, в большей степени, чем все остальные традиционные формы. Поэтому духовное возрождение исламской традиции, пострадавшей не меньше самой Православной Церкви от анти-традиционной атеистической диктатуры коммунистов, является важнейшим фактором общего традиционного возрождения России. И в данном случае Ислам, в котором эзотерические течения, несмотря ни на что, продолжают существовать, и в котором до сих пор сохранилась истинная интеллектуальная элита, может оказать неоценимую помощь в реставрации православного эзотеризма. Здесь можно привести лишь один пример: многие символические и оперативно инициатические доктрины православного исихазма, в частности, практика "сердечной молитвы" и призывания божественного имени в сочетании с определенными правилами дыхания, имеет почти точный эквивалент в суфийской практике ордена Накшбандийя, который, кстати, весьма распространен в исламских регионах Средней Азии. И более того, некоторые суфийские практики "сердечного делания" сосредоточивают в себе все те элементы "умного или молитвенного делания" православных монахов, которые из преданий и писаний этих монахов воссоздаются лишь с большим трудом, и то, что можно найти в одном суфийском тексте, в исихастической литературе необходимо восстанавливать по множеству фрагментов. Исламская традиция и исламская элита, в сущности, готова поделиться своими знаниями с представителями истинно православной элиты, при условии, что таковая

будет достаточно квалифицирована для постижения и усвоения этого знания. В данном контексте следует рассматривать с символической точки зрения письмо руководителя Исламской Республики Иран, обращенное к руководителям Русского государства с предложением "направить специалистов в Иран для изучения традиционалистских авторов, таких как Ибн-Араби и Сухраварди". Надо заметить, что это имена крупнейших исламских эзотериков, основателей важнейших тарикатов, инициатических цепей в мире Ислама. Конечно, вряд ли профаническая и подозрительно про-западная светская и нелегальная, с точки зрения традиции власть, смогла понять сущность подобного обращения со стороны Имама Хомейни, но в контексте восстановления подлинной традиции в России, и особенно в контексте формирования эзотерической духовной элиты, данное предложение имеет характер знака времен, характер приглашения к духовному союзу Православия и Ислама против антитрадиционного и индивидуалистического Запада, который традиционный исламский Иран называет откровенным именем — "Большой Шайтан".

Естественно, традиционалистский контакт и новый духовный союз традиционных сил России, представленных, в первую очередь, именно Православием и Исламом, не предполагает ни догматических изменений, ни смешения обоих форм, ни прозелитизма, ни простой дипломатической и эйкуменистической хитрости. Союз Православия с Исламом должен быть союзом двух элит, каждая из которых должна оставаться в рамках своей собственной религии и лишь акцентировать то, что объединяет две эти традиционные формы, вместо того, чтобы настаивать на том, что их разъединяет, как это делает экзотеризм, и подчас не без влияния определенных совсем уже не традиционных сил, заинтересованных в конфликте между разными проявлениями традиционного духа, чтобы засчет ослабления и тех и других добиться своей собственной чисто контр-инициатической цели. Этот союз должен быть союзом сверху, союзом внутренним, с взаимным уважением того, что разделяет между собой эти две религии. И на теоретическом уровне такой союз, в принципе, существует в лоне западного традиционализма, где эзотерические параллели между Исламом и Христианством, и даже между Исламом и Православием, активно подчеркиваются, исследуются и развиваются. Естественно, что среди таких традиционалистов главенствующую роль играют последователи Рене Генона, который сам, приняв Ислам, оставался в течение всей своей жизни близким другом и сотрудником многих христианских эзотериков, подчас ярых поборников христианской традиции. Эта позиция Генона ясно выражена и в "Кризисе современного

мира", где он подчеркивает необходимость — во многом провиденциальную — сохранения на Западе именно христианской традиции, и даже в этом вопросе квалифицированная христианская элита может расчитывать на помощь восточных элит, и в первую очередь, элиты исламской.

Традиция и Конец Света

Сама специфика миссии Рене Генона, ее экстраординарность и бепрецедентность, связаны с особостью нашей циклической ситуации, с ее непосредственной близостью к точке конца цикла, седьмой Манвантары, если использовать формулу индуистской традиции. В конце цикла по логике вещей должно обнаружиться все то, что было потеряно в ходе его развития. Это новое обретение может проявляться в большинстве случаев в гротескной форме, в форме обнаружения "останков", — и не столько материальных, сколько психических — минувших цивилизаций, хотя и на предметном уровне это также находит свое выражение в развитии археологии в современном мире. Этот процесс является необходимым элементом царствования Антихриста, который в перевернутом, обратном и пародийном виде имитирует полноту и универсальность знания, свойственные золотому веку. Но процесс духовной реставрации должен начаться еще до завершения нашего цикла, следуя, однако, тайными и закрытыми путями, невидимыми большинству. В этом контексте труды Генона, в которых дается давно утерянный человечеством ключ для понимания адекватных пропорции в сфере традиции, представляет собой позитивный аспект конечной кристаллизации всех возможностей цикла в финальном синтезе, в противоположность негативным результатам, концентрирующимся, напротив, в контр-инициатическом центре всего современного мира, в "планетарном штабе" Антихриста. Поэтому Генон и его работы могли и должны были появиться только перед непосредственным Концом Света, чтобы закрепить своим свидетельством печать проклятия на современной цивилизации и подготовить зародыш грядущего золотого века, Крита-юги следующей восьмой Манвантары, которая наступит после заключительной катастрофы. Именно поэтому вопросы эсхатологии, доктрины, связанные с эсхатологией, являются для Генона центральными темами его исследований. Сам кризис современного мира есть явление сугубо эсхатологическое, и только в эсхатологической перспективе можно адекватно понять его истинное символическое значение и его функцию в контексте универсальной гармонии реальности.

Эсхатологическое значение миссии Генона состоит не только в том, что он смог ясным и предельно точным образом показать универсальную истинность традиции в эпоху, когда даже сами носители традиции часто не отдают себе полностью отчета во всей глубине вверенной им сакральной

доктрины(хотя это также является важнейшей стороной его послания). Помимо всего прочего, Генон затронул, подчас косвенно и осторожно, последние истины традиции, которые могут и должны быть вскрыты только в определенные циклические моменты. В частности, мистерия Короля Мира, Мельхиседека, была объяснена им столь откровенно, что в определенный момент времени, после написания им книги "Король Мира", некоторые инициатические центры Индии посчитали такую откровенность даже преждевременной. Кроме того, если внимательно сопоставить между собой все стороны изложенного Геноном учения, можно сделать настолько точные предсказания относительно грядущих циклических трансформаций, что это могло бы в другой ситуации быть даже вредным и неправомочным, так как некоторые эсхатологические тайны должны сохраняться особенно тщательно в силу их уникальной эзотерической значимости. Так в некоторых статьях Генона наличествуют ключи к ясному пониманию всей циклической доктрины в целом, знания которой в традиции составляет самый большой секрет. Окончательные выводы относительно этой доктрины были сделаны его учеником Гастоном Жоржелем в книге "Четыре века человечества". Но природа истинного эзотерического секрета, как не раз подчеркивал сам Генон, состоит не только в «договоре» отдельных представителей традиции о соблюдении молчания или о сокрытии определенных данных, но в принципиальной недоступности некоторых вещей уровню профанического подхода самого по себе, и именно тайная природа тех или иных явлений оказывается самым надежным средством их защиты от агрессивных или бессмысленно любопытных взглядов. Так, несмотря на претензии самого дьявола на соперничество с Духом, сфера его компетенции может простираться только на психический, средний мир, а мир Небесный и чисто духовный, а также все сферы подлинной метафизики остаются для него закрытыми. Поэтому тайны, объясненные Геноном даже с самой исчерпывающей откровенностью, остаются для некомпетентных или злонамеренных исследователей его работ закрытыми и непонятными в силу их собственной природы, и сама внутренняя логика доктрины Генона служит надежным гарантом от ее извращения, которое, несмотря на многие попытки, пока не удалось осуществить еще никому, в отличие от других традиционных текстов и авторов, подвергшихся тотальному искажению в руках либо недалеких, либо сознательно анти-традиционных интерпретаторов.

Здесь можно привести один наглядный пример тайного смысла геноновского послания. В книге "Традиционные формы и космические

циклы" Генон приводит традиционную информацию относительно точной длительности человеческих циклов и их взаимосвязи с астрологическими и, в целом, макрокосмическими феноменами. Причем в одном месте он в форме намека указывает ту точку истории, которую следует принять за ориентир для осуществления практических исчислений циклических трансформаций, а значит, открывает один из самых важных и оперативных эсхатологических секретов. В моих личных беседах с последователями Генона и прекрасными знатоками всех его трудов, включая письма и устную передачу некоторых знаний, я с удивлением обнаружил, что именно этот конкретный момент совершенно не привлекал к себе внимания генонистов, и даже тех из них, которые специально занимались проблемой циклов. Кроме того, поразителен тот факт, что некоторые русские генонисты, обнаружившие это указание и осуществившие довольно простые и чисто математические расчеты, действуя совершенно паралеллельно друг другу, сделали в этих расчетах абсолютно одинаковую, чисто арифметическую, ошибку, не имеющую никакого отношения к содержанию расчетов. Так, даже правильные и правильно замеченные посылки в определенные моменты приводят к неверным результатам в том случае, если истина по провиденциальной логике должна еще некоторое время оставаться скрытой. То же самое часто происходит и с другими аспектами доктрины Генона, которые также подчас ускользают от внимания, несмотря на самое тщательное и пристальное изучение его текстов. Истинная тайна охраняет саму себя, и скрытый смысл послания Генона также должен обнаружиться в полной мере и во всей своей глубине только в определенный момент, хотя, казалось бы, в традиции, пожалуй, не существует примеров, где ее основы и ее данные были бы изложены так же открыто и с такой же степенью ясности, как у Генона.

Эсхатологическая ситуация отнюдь не является феноменом исключительно современным. Дело в том, что только полное незнание действительной истории нашего цикла, сокрытие предшествующих цивилизаций и утрата традиционной информации о предыдущих эпохах могут породить иллюзию относительно того, что вся сознательная история человечества заключается в рамках трех-четырех тысячелетий, причем первые из них считаются как бы прелюдией к последующим. Именно такое представление бытует у современных людей, и к сожалению, не только у профанов, но подчас и у людей религиозных. На самом деле, несколько последних тысячелетий представляют собой уже последнюю стадию всего человеческого цикла, Кали-югу, железный век. Поэтому эсхатологическая ситуация царит на планете уже очень давно, и сравнительно с

длительностью всего человеческого цикла весь эсхатологический период является довольно кратким, несмотря на то, что внутри него самого несколько тысячелетий кажутся гигантским отрезком времени, а в последние столетия даже прошлый век представляется глубокой стариной и архаикой, вследствие "ускорения времени" — феномена, известного всем традиционным циклическим доктринам. На уровне Откровений последние 2,5 тысячи лет являются сугубо эсхатологическими, так как посланники Принципа, воплощающиеся в этот период, все без исключения имеют подчеркнуто эсхатологические функции. Так, эсхатологическим является явление Будды. И важно заметить, что само Христианство есть не что иное, как развернутая и всеохватывающая эсхатология, основанная на явлении Сына Божьего перед Концом Света, а вся история христианской традиции, в согласии с каноническими догматами, протекает в особом эсхатологическом промежутке времени, в особом христианском эоне, между Первым и Вторым (Страшным) Пришествиями Иисуса Христа. Тот факт, что этот эон к настоящему времени тянется около двух тысячелетий вообще ничего не меняет в эсхатологической сущности Христианства, и попытка некоторых современных богословов разделить Христианство и эсхатологию свидетельствует только о том, до какой степени может дойти невежество хранителей традиции в отношении самой ее сущности. И наконец, Ислам также является религией сугубо эсхатологической, так как сама исламская традиция однозначно считает пророческую миссию Мухаммада последней и замыкающей, а сам он именуется Последним из Пророков, Печатью Пророков. Исламский эзотеризм однозначно отождествляет откровение, данное Мухаммаду, с откровением Святаго Духа, Параклета, о котором Христос говорил апостолам в Евангелии как об откровении, последующим после его Вознесения к Отцу. И все остальные традиции также подчеркивают близость конца, ожидая заключительного явления Последнего Посланника, который должен положить конец царствованию беззакония, то есть современному миру. И фигура Последнего Посланника — Саошьянта в Зароастризме, Калки в Индуизме, Махди в Исламе, Христа Пантократора в Христианстве — замыкает собой наш цикл и кладет начало новому золотому веку, веку "новой земли и новых небес".

Значение миссии Генона в том, что он однозначно со всей определенностью напомнил об этой эсхатологической особенности всех последних тысячелетий и помимо этого акцентировал тот момент, что современный мир представляет собой негативный результат всего процесса циклического нисхождения, циклического развития, и поэтому его кризис

является глубоко символическим. Иными словами, Генон указал на то, что мы живем в конце самого эсхатологического эона, в непосредственной близости от его завершения и явления Десятого Аватары, Калки, который должен поставить точку в логике цикла. И многие признаки позволяют утверждать, что сам Генон имел непосредственное, прямое отношение к тому Высшему инициатическому центру, который связан с "нисходящей реализацией" Десятого Аватары, и поэтому его труды обладают высшей инициатической и подчеркнуто эсхатологической ценностью. В некотором смысле, Генон явился тем, кто подготовил пути Аватару, известив всех способных услышать о близости и о значении великой грядущей трансформации, о конце мира, который на самом деле есть не что иное, как " конец одной из иллюзий", согласно выражению Генона в заключении его фундаментального труда "Царство количества и знаки времени".

Если еще раз, уже в данном контексте, обратиться к значению трудов Генона для России, то следует сказать следующее. Тот эсхатологизм, который всегда был присущ русской Церкви и русскому народу, но который так часто в истории — и в расколе, и в русском коммунизме — выражался в извращенных и «еретических», "неортодоксальных" формах, в перспективе геноновского понимания эсхатологии сможет найти ясную логическую и пропорциональную основу для того, чтобы выразить себя адекватно и в соответствии с традиционными нормами самого Православия. Через разъяснение, данное Геноном, можно, наконец, выйти за рамки ложной дилеммы: еретический эсхатологизм или профанический анти-эсхатологизм, что для душевной стихии русского народа и для истории его религиозного самосознания было бы не только полезным, но, на мой взгляд, и просто спасительным. Тогда, может быть, и вскроется до конца сущность эсхатологической миссии самой России, которая и в своей истории и в географической специфике своего месторасположения явно указывает на наличие этой миссии, хотя, быть может, еще не проявленной до конца и не осознанной. Кроме того, земли России прилегают к тем регионам Востока, которые, согласно традиции, имеют самое прямое отношение к эсхатологическим событиям и к самому явлению Десятого Аватары — на Востоке это Монголия и Тибет, на Юге Иран, Афганистан и Ирак. И любопытно, что еще в конце 19-го века человек, впервые упомянувший в Европе о существовании высшего инициатического центра и его главы, Короля Мира, Сэнт-Ив д'Альвейдр писал, обращаясь к русскому царю, относительно сакрального значения афганских земель в контексте эсхатологии: "Заклинаю Вас не вводить войска в Афганистан без произнесения тайного Слова Божьего", так как в противном случае это

может повлечь за собой непредвиденные и крайне негативные последствия. Сам Генон в книге "Король мира" подчеркивал, что Сэнт-Ив д'Альвейдр, несмотря на фантастичность многих его концепций и на чрезмерное увлечение политикой, обладал отдельными элементами подлинно эзотерических знаний. Как бы то ни было, понимание истинных эсхатологических пропорций для осознания русскими своего финального предназначения и своей сакрально-географической роли является совершенно необходимым и в высшей степени актуальным, так как в противном случае этот фактор будет достоянием исключительно контр-иницатических сил, которые в эсхатологической ситуации стремятся обратить все "места силы" на этой планате на службу активно созидающейся сегодня эйкумены Антихриста.

Кроме того русские земли населены провиденциальным образом носителями двух наиболее очевидно эсхатологических религий — Христианства и Ислама. И несмотря на естественные и необходимые расхождения на экзотерическом уровне, в эсхатологической перспективе, а точнее, в решающем заключительном моменте всего цикла, эти традиции должны действовать сообща, в общей борьбе против Антихриста-Дадджала. Пророчество о необходимости этого эзотерического и в некотором смысле апокалиптического союза содержится в определенных исламских хадисах, высказываниях пророка Мухаммада, где речь идет о совместной борьбе мусульман и христиан против мира неверия и духовного извращения, против современного мира. И если такой союз имеет универсальный смысл, если он касается вообще всех мусульман и всех христиан, как православных, так и католиков, то особенно актуальным и провиденциально подготовленным этот союз видится собственно в России, где эти две традиции имеют сегодня очевидно единого и общего врага, и защищают близкие по своей фундаментальной природе ценности — веру в Единого Бога, верность традиции, тотальность религиозного уклада, всеобъемлющее религиозное возрождение. И быть может, только в таком эсхатологическом союзе и состоит единственный шанс для возрождения традиционной России вместо ее окончательной гибели, планируемой силами разделения и агентами "современного мира", сегодня фактически отождествившегося с миром Запада, с географическим регионом, где заходит солнце Духа, солнце Традиции.

Все эти соображения еще раз доказывают, в какой степени труды Рене Генона актуальны и необходимы сегодня в России, и насколько их изучение, постижение и адекватное усвоение являются обязательными для всех тех, кто стремится противостоять современному миру, защищать

традицию и бороться против древнего и хитрого врага самого Бога, против дьявола, в котором и коренятся все причины кризиса современного мира, и который является единственной преградой для прямого постижения истины, а значит, главным творцом космических иллюзий.

А.Г. Дугин 1988

---

notes

Примечания

1

Это связано с божественной функцией «сохранения», представленной в индуистской традиции богом Вишну; еще более детально она запечатлена в доктрине Аватар или «нисхождений» Божественного Принципа в проявленный мир. Но остановиться на этой доктрине подробнее мы здесь не имеем возможности.

2

Следует заметить, что имя Зороастр не относится к какой-либо отдельной личности, но означает определенную функцию, одновременно пророческую и легислативную. Существовало несколько Зороастров, живших в различные эпохи. Вполне возможно, что эта функция была коллективной, так же как, например, в Индии в случае Вьясы. В Древнем Египте под деяниями или текстами Тота или Гермеса также понимались результаты деятельности всей касты жрецов в целом.

3

Проблема Буддизма не так проста, как это может показаться, судя по этому краткому замечанию. Любопытно заметить, что сами индуисты, когда дело касается их собственной традиции, всегда осуждают буддистов. Однако по отношению к Будде они ведут себя иначе, и многие даже почитают его, считая 9-ым Аватарой. В самом же Буддизме, в той форме, в какой он сегодня существует, необходимо различать Махаяну, "Большую Колесницу", и Хинаяну, "Малую Колесницу". В целом же можно сказать, что Буддизм в Индии резко отличается от Буддизма за пределами Индии. Кроме того в самой Индии после царя Ашока он стал постепенно сходить на нет, пока не исчез почти полностью.

4

Так обстоит дело не только в Индии, но и на Западе; именно по этой причине не осталось следов от древнейших гальских городов, сам факт существования которых, тем не менее, не подлежит сомнению, так как засвидетельствован многими древними источниками. Но и здесь современные историки, ссылаясь на осутствие сохранившихся монументов, стараются представить древних галлов дикарями, жившими в лесах.

5

Между «философией» и мудростью существует такое же соотношение, как между "одаренным человеком" и "трансцендентным человеком" или "истинным человеком" в даосской традиции.

6

Мы упомянем только два примера среди фактов такого рода, имевших самые серьезные последствия: это мнимое изобретение книгопечатания, в действительности известное китайцам задолго до Христианской эры, и «официальное» открытие Америки — континента, с которым уже в Средние века существовали гораздо более тесные, чем это принято считать сегодня, связи.

7

Этот закон в Елевсинских мистериях был представлен символизмом пшеничного зерна. Алхимики называли его «гниением» ("путрефакцией") и символизировали черным цветом, nigredo, отмечающим начало "Великого Делания". Христианские мистики называли этот закон, взятый в одном из его аспектов, "черная ночь души", применительно к духовному развитию существа, поднимающегося к высшим состояниям бытия. Нетрудно привести и множество других сходных примеров.

8

См. книгу "Восток и Запад", Люзак, 1941.

9

Умозрение и действие суть две главные функции, соответственно, двух высших каст — брахманов и кшатриев. Соотношение между ними соответствует сотношению между духовной и светской властью. Однако мы не можем подробнее остановиться здесь на этом вопросе, так как он требует специального и подробного анализа.

10

Тем, кто сомневаются в признании значимости, хотя и относительной, действия традиционными доктринами Востока, и в частности, Индии, следует обратиться к Бхагават-гите, которая — и об этом надо всегда помнить, чтобы точно понять ее смысл — является книгой, предназначенной специально для кшатриев.

11

Именно в согласии с таким соотношением говорится, что брахман — это тип стабильного, а кшатрий — нестабильного, подверженного изменениям существа. И все существа, населяющие этот мир в соответствии со своей природой связаны в той или иной степени с теми и с другими, так как между человеческим и космическим уровнем существует полное соответствие.

12

С другой стороны, следует заметить, что результаты, полученные в процессе действия, благодаря его преходящей природе, всегда отделены от самого этого процесса, тогда как знание содержит в самом себе свою собственную цель.

13

Вскоре после своего возникновения буддизм в Индии стал одним из основных проявлений революции кшатриев против власти брахманов, и как можно заключить из всего предыдущего, существует неоспоримая связь между отрицанием всякого неизменного принципа и отрицанием духовной власти, а также между сведением всей реальности к «становлению» и утверждением чисто светской власти, чьей сферой является мир действия. Можно также показать, что натуралистические и анти-метафизические доктрины всегда возникают тогда, когда в цивилизации светская власть начинает преобладать над духовной.

14

Следует заметить, что нечто подобное произошло и в социальной сфере, когда современные люди постарались отделить временное, светское, от духовного. Мы не хотим сказать, что между этими вещами не существует различий. Они есть уже потому, что светское и духовное относятся к разным сферам жизни, подобно тому, как различаются между собой метафизика и традиционные науки, но типичное заблуждение аналитического подхода состоит в том, что в нем стирается существенная граница между простым различием и абсолютным разделением (между дифференциацией и сепарацией). Только благодаря такому разделению (сепарации) временная, светская власть потеряла свою правомочность. И то же самое на интеллектуальном уровне можно сказать и о науках.

15

На уровне религии подобное замечание приложимо и к определенного рода «апологетике», стремящейся примирить между собой результаты современной науки и религиозные догматы, ято является совершенно пустым занятием, которое, более того, всегда приходится начинать сызнова, что влечет за собой серьезную опасность постановки религии в зависимость от изменчмвых и эфемерных концепций, от которой в нормальном случае она должна быть совершенно свободной.

16

Легко привести конкретный пример этому: укажем лишь на поразительную разницу между концепцией эфира в традиционной индуистской космологии и той же самой концепцией в современной физике.

17

Это выражается, в частности, в термине «упаведа», который используется в Индии для обозначения некоторых традиционных наук и подчеркивает их подчиненность Ведам, то есть чисто сакральному знанию.

18

В нашей работе "Эзотеризм Данте" мы говорили о символизме лестницы, ступени которой в различных традициях соответствуют определенным наукам и одновременно определенным состояниям Бытия. Такое соответствие с необходимостью предполагает, что эти науки понимались не чисто профанически, как в современном мире, но предполагали возможность расширительного толкования, включая наделение их инициатическим смыслом.

19

Вот почему индуистская доктрина утверждает, что брахманы должны постоянно обращать свой разум непосредственно на высшее знание, тогда как кшатриям следует, скорее, следовать к этой цели постепенно, от уровня к уровню.

20

Легко привести конкретный пример этому: укажем лишь на поразительную разницу между концепцией эфира в традиционной индуистской космологии и той же самой концепцией в современной физике.

21

В качестве ярчайшего примера традиционного искусства можно упомянуть искусство средневековых строителей, практика которых кроме всего прочего предполагала еще и истинное знание соответствующих традиционных наук.

22

Чтобы убедиться в этом, достаточно указать на следующий факт: космогония, одна из самых сакральных наук, включенная в большинство священных писаний, в том числе и в Библию, стала в современном мире полем соверпшенно «профанических» гипотез. Сфера изучения в обоих случаях — одна и таже, подход же радикально иной.

23

Кроме того, согласно Евангелию, это положение дел (то есть существование традиции на Западе в форме религии, в форме Церкви) должно сохранится вплоть до конца света, то есть вплоть до конца настоящего цикла.

24

То, что люди называют случайностью, есть не что иное, как их личное неведение относительно причин случившегося. Если понимать выражение "это произошло случайно" в смысле "это не имело никакой причины", мы прийдем к явному противоречию.

25

См. R.Guenon "L'authorite spirituelle et le pouvoir temporel" (прим. перев.).

26

Следует хотя бы вспомнить выражение Святого Фомы Аквинского "numerus stat ex parte materiae", то есть "количество стоит на стороне материи".

27

В данном случае, как и во многих других, аналогия между одним и другим уровнем реальности является строго обратной.

28

Эту тенденцию индуистская доктрина называет «тамас» и отождествляет с невежеством и темнотой. Сказанное выше относительно необходимости обратной аналогии применимо и здесь, так как сжатие и конденсация здесь прямо противоположны концентрации чисто духовного и интеллектуального порядка, которая, в свою очередь, как бы парадоксально это ни казалось, в сфере множественности имеет своим коррелятом разделение и дисперсию. То же самое относится к униформности, достигаемой при реализации эгалитарной концепции, то есть к единообразному выравниванию всего по низу, по низшему уровню, что является прямой противоположностью истинного высшего и принципиального единства.

29

Вот почему Данте поместил Люцифера в точку центра земли, то есть туда, где сходятся воедино все вектора силы тяжести. С этой точки зрения, данный центр является противоположностью духовного, «небесного» центра притяжения, который в большинстве традиционных доктрин символизируется солнцем.

30

До 18-го века существовали механицистские теории, начиная с греческого атомизма и кончая картезианской физикой. Но механицизм нельзя смешивать с материализмом, несмотря на наличие между ними действительного сходства, которое впоследствии и породило некоторую приемственность одного по отношению к другому.

31

Спиритуализм от латинского слова spiritus, дословно дух (прим. перев.).

32

Сатана по древне-еврейски означает «враг», «противник», то есть тот, кто извращает, переворачивает все вещи с ног на голову. Дух отрицания и переворота фактически совпадает с нисходящей, низводящий все и вся тенденцией, с тенденцией «инфернальной» в этимологическом смысле этого слова (infernus по-латыни означает «низ», «нисходящий» и одновременно «ад» — прим. перев.), которая вовлекает существ в процесс материализации, лежащий в основе развития современного мира.

33

Нам известно, что А. Массис знаком с нашими работами, но он всячески избегает на них ссылаться, так как они опровергли бы его тезисы. Такая его позиция страдает, мягко говоря, недостатком мужества. Однако, с другой стороны, в этом есть и некоторые преимущества, так как определенные вещи в силу их внутренней природы должны оставаться выше уровня дискуссии и не вовлекаться в пустую полемику. Всегда, однако, есть что-то печальное в созерцании полного профанического непонимания истинности сакральных доктрин, хотя она сама и остается недоступной для направленных против нее выпадов.